

Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (176). Октябрь, 2018

Главный редактор

A. B. Воронин, доктор технических наук, профессор

Зам. главного редактора

C. Г. Веригин, доктор исторических наук, профессор

Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,

член-корреспондент РАН

B. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор

Ответственный секретарь журнала

H. B. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.

Тел. (8142) 76-97-11

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrsu.ru

Редакционный совет

В. Н. БАРЫШНИКОВ

доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БОЛЬШАКОВ

доктор биологических наук, профессор, академик РАН
Институт экологии растений и животных Уральского отделения РАН (Екатеринбург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Московский гуманитарный университет
(Москва, Россия)

М. А. ВИТУХНОВСКАЯ

доктор философии, Хельсинкский университет
(Хельсинки, Финляндия)

И. П. ДУДАНОВ

доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент РАН,
Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. Н. ЗАХАРОВ

доктор филологических наук, профессор, Президент
межнационального общества Достоевского (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

доктор филологических наук, профессор,
Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

кандидат филологических наук, профессор кафедры
русского языка, Университет Дзёти (Токио, Япония)

А. С. ИСАЕВ

доктор биологических наук, профессор, академик РАН,
Московский государственный университет леса (Москва, Россия)

Т. П. ЛЁННГРЕН

доктор философии по филологии,
Арктический университет Норвегии (Тромсё, Норвегия)

Редакционная коллегия

В. И. ГОЛДИН

доктор исторических наук, профессор,
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Ю. М. КИЛИН

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

С. Г. КАЩЕНКО

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

доктор исторических наук,
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, Карельский научный
центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

И. И. МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор,
Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Институт лингвистических
исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

доктор филологических наук, профессор, академик РАН,
Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

Т. РУСЕН

доктор философии, Гётеборгский университет
(Гётеборг, Швеция)

Е. С. СЕНЯВСКАЯ

доктор исторических наук, профессор,
Институт российской истории РАН (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

доктор философии, Славянский институт
Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

А. Ф. ТИТОВ

доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Россия)

Н. А. ФАТЕЕВА

доктор филологических наук, Институт русского языка
имени В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

доктор филологических наук, профессор, Российский
государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

К. А. МЮКЛЕБУСТ

доктор исторических наук, профессор,
Университет Тромсё – Арктический университет
Норвегии (Тромсё, Норвегия)

И. А. РАЗУМОВА

доктор исторических наук, профессор,
Кольский научный центр РАН
(Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

кандидат исторических наук,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

А. М. ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

доктор исторических наук, профессор,
Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

доктор философии,
Университет Восточной Финляндии
(Йоэнсуу, Финляндия)

М. И. ШУМИЛОВ

доктор исторических наук, профессор,
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Россия)

**Ministry of Education and Science
of the Russian Federation**

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 7 (176). October, 2018

Chief Editor
Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor
Sergey G. Verigin, Doctor of Historical Sciences, Professor
Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member
Vladimir S. Syunnev, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary
Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address
185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711
Petrozavodsk, Republic of Karelia
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrusu.ru

E d i t o r i a l C o u n c i l**V. BARISHNIKOV**

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

V. BOL'SHAKOV

Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member, Institute of Plant and Animal
Ecology, Ural division of RAS (Ekaterinburg, Russia)

YU. VASIL'EV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)

M. VITUKHNOVSKAYA

Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)

I. DUDANOV

Doctor of Medical Sciences, Professor, the RAS Corresponding
Member, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

V. ZAKHAROV

Doctor of Philological Sciences, Professor, President
of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)

S. ZOLYAN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Armenian National Academy of Sciences (Erevan, Armenia)

Y. INOUE

Professor, University of Dzeti (Tokyo, Japan)

A. ISAYEV

Doctor of Biological Sciences, Professor, the RAS Corresponding
Member, Moscow State Forest University (Moscow, Russia)

T. LÖNNINGREN

Doctor of Philosophy and Philology,
Artic University of Norway (Tromsø, Norway)

I. MULLONEN

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

S. MIZNIKOV

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Institute of Linguistic Studies of RAS
(Saint Petersburg, Russia)

V. PLUNGIAN

Doctor of Philological Sciences, Professor, The RAS Academician,
Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS (Moscow, Russia)

TH. ROSÉN

Doctor of Philosophy, University of Gothenburg (Göteborg, Sweden)

E. SENYAVSKAY

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Institute of Russian History of RAS (Moscow, Russia)

K. SKWARSKA

Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy
of Sciences of Czech Republic (Prague, Czech Republic)

A. TITOV

Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre
of RAS (Petrozavodsk, Russia)

N. FATEEVA

Doctor of Philological Sciences,
Vinogradov Institute of the Russian Language of RAS
(Moscow, Russia)

M. CHERNYAK

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Herzen State Pedagogical University (Saint Petersburg, Russia)

E d i t o r i a l B o a r d**V. GOLDIN**

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Northern Arctic Federal University named after
M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)

YU. KILIN

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)

S. KASCHENKO

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

S. KOCHKURKINA

Doctor of Historical Sciences, Karelian
Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

A. KRIVONOZHENKO

Candidate of Historical Sciences,
Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)

YU. KRIVOSHEEV

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia)

P. KROTOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Saint Petersburg
State University (Saint Petersburg, Russia)

K. MYKLEBOST

PhD, Professor,
UiT – The Arctic University of Norway
(Tromsø, Norway)

I. RAZUMOVA

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)

M. RUMYANTSEVA

Candidate of Historical Sciences, National
Research University “Higher School of Economics”
(Moscow, Russia)

A. PASHKOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

A. POPOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Komi Science Centre
of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)

YU. SHIKALOV

Doctor of Philosophy,
University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

M. SHUMILOV

Doctor of Historical Sciences, Professor, Petrozavodsk
State University (Petrozavodsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Гулева М. А.

Русское и советское в изображении шанхайского иллюстрированного журнала «Шидай маньхуа» (1934–1937 годы) 7

Суворов Ю. В.

Научные труды Ф. Лассала 15

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Самойлов Н. А.

Вклад академика С. Л. Тихвинского в изучение эволюции образа России в Китае 20

Еремин А. И.

Образ обыденного исторического мышления экстерна гимназии в автобиографии начала XX века 27

Ермолаева О. Е.

Современная американская историография сталинизма: между новыми подходами и архаичными интерпретациями 33

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Белов А. М., Колесников В. А.

Решение продовольственного вопроса в Костромской губернии в августе 1914 – феврале 1917 года 42

Христофоров В. С.

Тайное противоборство советских и финских спецслужб в 1941–1944 годах: установки, цели, результат 48

Годунов К. В., Волохова В. В.

Локальный культ революционного героя: память о террористе А. М. Кузьмине в Петрозаводске 54

Жуков А. Ю.

Судьба карельского пленника Юрия Кондратьева (по материалам Посольского приказа 1675–1676 годов) 63

Кривоноженко А. Ф.

Продовольственная проблема в Карелии в годы Первой мировой войны и ее решение 72

Филимончик С. Н.

Кондопога в 1930-е годы: рождение города 80

Шорохов В. А.

Между миражами перестройки и реальностью: Совет народных депутатов Горного Бадахшана в 1989–1991 годах 91

Мещеряков Г. А.

Определяющая роль Донской военной флотилии при взятии Азова в 1736 году 102

Назарова Е. И.

Создание правовой базы для деятельности частных железнодорожных компаний в России в 1855–1865 годах 108

ЭТНОГРАФИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Конкка А.

Ель с золотой вершиной, или дерево предков (материалы по карельской мифологии и обрядности) 113

Рецензии

Беглов А. Л.

Рец. на кн.: Шевченко Т. И. Валаамские иноски в эпоху гонений: Московское подворье Валаамского монастыря и его насельники после революции 1917 г. 122

Contents 124

Журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» включен в новый Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, с 01.12.2015 года по отраслям «Исторические науки и археология» и «Филологические науки», специальности: «Литературоведение» и «Языко-знание»

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrsu.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка С. П. Ивановой

Дата выхода в свет 31.10.2018. Формат 60x90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 70 экз.). Изд. № 191

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487
от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

МАРИЯ АНАТОЛЬЕВНА ГУЛЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета, Санкт-Петербургский государственный университет; старший преподаватель кафедры международных отношений Гуманитарного института, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
mangul@mail.ru

РУССКОЕ И СОВЕТСКОЕ В ИЗОБРАЖЕНИИ ШАНХАЙСКОГО ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА «ШИДАЙ МАНЬХУА» (1934–1937 годы)*

Рассматривается образ СССР и русских в одном из самых известных иллюстрированных журналов Китайской Республики «Шидай маньхуа». Клише и стереотипы, бытовавшие в китайском обществе по отношению к соседней стране и ее населению в период непростых двусторонних отношений на кануне Второй мировой войны, были откликом на события в СССР, в мире и в самом Китае. Публикации журнала «Шидай маньхуа» показывают, что в действиях Советского государства рассматривалось как пример для подражания, а что – как угроза. Существенно, что в 1920–1930-е годы ряд городов Китая стал пристанищем для белоэмигрантов, которые также фигурировали на страницах журнала. Это позволяет сопоставить восприятие Советской России с изображением русских, оказавшихся за ее пределами. Анализ журнальных публикаций показывает, что СССР чаще представлялся опасным соседом, а не надежным союзником, а жизнь советских граждан виделась смутно и не ассоциировалась с поведением русских переселенцев в китайских городах.

Ключевые слова: СССР, Китайская Республика, «Шидай маньхуа», карикатура, маньхуа, советско-китайские отношения, русская эмиграция

Преломление образа соседней страны в новостной прессе, с одной стороны, отражает важные события в межгосударственных отношениях, а с другой – становится частью стереотипов, бытующих в обществе. Это, несомненно, проявляется в большой степени в визуальных материалах: фотографиях, зарисовках, особенно в карикатуре. С этой точки зрения изучение иллюстрированных журналов дает много информации о взаимном восприятии в период массового распространения прессы до появления телевидения.

Китайское общество 1930-х годов с интересом следило за мировыми тенденциями, и Советский Союз был одним из объектов этого внимания. При советско-китайских отношениях в эти годы были весьма непростыми, что накладывало отпечаток на образ России в Китае.

Журнал «Шидай маньхуа» 時代漫畫 (ШМ) издавался на частные средства в Шанхае с января 1934 по июнь 1937 года. Название журнала дословно можно перевести как «Зарисовки времени» или «Современная карикатура». Его стилистика и содержание формировались под влиянием времени и места: противоречивые политические и военные события в Китайской Республике давали общую повестку, тогда как развитие специфической культурной жизни Шанхая сказывалось на формах, которые принимали журнальные материалы. На эту пору пришелся расцвет многих визуальных жанров: кинематографа, реклам-

ного плаката, фотографии и иллюстрированного журнала, которые пользовались огромной популярностью в Шанхае, распространяясь оттуда по всей стране. Джон Креспи, изучающий художественную жизнь Китая XX века, назвал 1930-е годы «золотой эпохой искусства карикатуры (cartoon art. – M. Г.)», а журнал «ШМ» – «главным украшением» этого периода [4]. Существование журнала стало возможным благодаря совместным усилиям заметных литераторов и художников Шанхая: его основателем был известный поэт и издатель Шао Сюньмэй 邵洵美 (1906–1968), главным редактором – выдающийся рисовальщик Лу Шаофэй 魯少飛 (1903–1995), а к числу карикатуристов, работавших для журнала, относятся братья Чжан Гуаньюй 張光宇 (1900–1965), Чжан Чжэньюй 張正宇 (первоначально Чжан Чжэньюй 張振宇, 1904–1976) и Цао Ханьмэй 曹涵美 (1902–1975), Е Цяньюй 葉淺予 (1907–1995), Хуа Цзюнью 華君武 (1915–2010) и многие другие. Журнал издавался сравнительно недолго, хотя среди своих конкурентов он был несомненным долгожителем: большинство иллюстрированных журналов в Китайской Республике ограничилось несколькими выпусками, выходившими в течение года-двух. Еще важнее, что «ШМ» можно назвать презентативной коллекцией карикатур и иных развлекательных материалов своего времени. Панорама социальных, внутриполитических и международных вопросов, созданная

художниками и репортерами «ШМ», позволяет реконструировать многие аспекты повседневной жизни и главных забот китайского социума того времени.

Журнал выходил один раз в месяц, в каждом выпуске было 35–46 страниц. Публиковались разнообразные рисунки и фотографии, а также новостные сводки (зачастую с сатирическими и юмористическими комментариями), фельетоны, рассказы, поэтические произведения и образцы фольклора, а также главы классического любовного романа «Цзинь, пин, мэй, или Цветы сливы в золотой вазе» с иллюстрациями Цао Ханьмэя. Тематика текстов и рисунков широко варьировалась, включая как политические проблемы, так и сообщения о личной жизни знаменитостей и о спортивных, культурных и других мероприятиях. В целом содержание журнала было нацелено на развлечение публики, хотя идеально-воспитательные и просветительские цели также звучали из уст его владельца (см. [3: 57]). Определенная смелость сотрудников журнала подтверждается тем, что весной 1936 года цензурные органы Национального правительства страны отозвали разрешение на публикацию «ШМ» в связи с появлением на обложке карикатуры на китайского посла в Японии Сюй Шиона 許世英 (1873–1964) [3: 258], [5: 37]. После трехмесячного перерыва журнал возобновил работу, которая была вновь (и уже окончательно) прекращена в связи с наступлением японских войск и захватом Шанхая в июле 1937 года. Таким образом, всего свет увидели 39 выпусков «ШМ».

Цель данной статьи заключается в том, чтобы восстановить образ «советского» и «русского» – государства, людей, искусства и пр. – в материалах журнала «ШМ». Необходимо иметь в виду, что отношения между СССР и гоминьдановским Китаем в 1934–1937 годах были лучше, чем в конце 1920-х – начале 1930-х годов, когда сначала было прекращено сотрудничество между партией Гоминьдан и китайскими коммунистами, а затем произошел вооруженный конфликт между Китаем и СССР на КВЖД. Отношения между двумя странами были восстановлены в 1932 году, но все же оставались настороженными. Кроме того, «ШМ» не имел ярко выраженных левых или правых политических ориентиров, и, хотя отдельные репортеры и карикатуристы придерживались собственных взглядов, в журнале эти взгляды отражались в сдержанной форме по причинам уже упоминавшейся цензуры и коммерческих интересов. Это накладывало определенный отпечаток на сообщения о Советской России.

Основными словами и словосочетаниями, недвусмысленно указывавшими, что речь идет о Советском Союзе, являются варианты «Советская Россия» Сүэ 蘇俄 (вместе или каждый иероглиф по отдельности), «Россия» Эго 俄國 или Элосы 俄羅斯, «Советский Союз» Сулянь 蘇聯, а

также Москва Мосыкэ 莫斯科 или лично Иосиф Сталин (Сытайлинь 斯太林 и Шиданьлинь 史丹林). Кроме того, в основном синонимичным «Советскому Союзу» было слово «большевики» (баоэрсивэйкэ چىيچەر ئەپەرەتۈرىكىيەتىسىزلىرى و بۇئەر سايۋەئىكە). К СССР мог относиться термин «красный» чи 赤, хотя так могли называться и китайские коммунисты или вещи, вовсе не связанные с политикой. Кроме того, Россия ассоциировалась с некоторыми представителями искусства: писателями Л. Толстым, Ф. Достоевским, М. Горьким, карикатуристом Б. Ефимовым. В рисунках для обозначения СССР использовались его государственные символы или портрет Сталина, ставшего персонификацией Страны Советов. Любопытно, что в собственных карикатурах «ШМ» Россия не изображалась в виде медведя, хотя в западной традиции, у которой китайские рисовальщики заимствовали многое, такая анималистическая символика к первой половине XX века уже устоялась [2].

Особую категорию в публикациях журнала, связанных с «русской» тематикой, составляли материалы о «белых русских» байэ 白俄, то есть эмигрантах, бежавших из России и оказавшихся в Китае (для авторов и читателей «ШМ» – в первую очередь в Шанхае). При этом можно с уверенностью говорить, что в 1930-е годы под словом байэ понимались именно белоэмигранты, а не белорусы, как в сегодняшнем китайском языке – по крайней мере, в публикациях «ШМ» и других современных ему журналах и газетах речь шла именно о бывших подданных Российской империи. Независимо от действительной национальности все эмигранты из России назывались либо «белыми русскими», либо диалектным шанхайским словом лосун 羅宋. Жизнь белоэмигрантов в Шанхае протекала в тесном соседстве с местным китайским и иностранным населением, что, безусловно, влияло на восприятие всего «русского» в Китае, поэтому, говоря об изображении России в «ШМ», необходимо обращаться и к сюжетам о белоэмигрантах, хотя с Россией как государством они в журнале не ассоциировались.

Сравнительно короткое время, в течение которого выходил «ШМ», не позволяет сделать выводов об эволюции образа «советского» и «русского», но по публикациям журнала все же могут быть отслежены некоторые особенности того, каким был этот образ в Китае середины 1930-х годов. За три с половиной года своего существования «ШМ» опубликовал более 70 текстов и рисунков, упоминавших СССР или русских; иначе говоря, отсылки к ним фигурировали не менее одного раза почти в каждом выпуске (только в пяти номерах упоминания «советского» и «русского» найдены не были). Из этих 70 случаев 55 затрагивали советскую политическую, экономическую, дипломатическую деятельность и иные государственные вопросы, тогда как белоэми-

рантской жизни коснулись лишь 14 публикаций. Всего в двух случаях присутствуют отсылки к дореволюционной России, в одном речь идет о знаменитых деятелях искусства, среди которых упомянуты Толстой и Достоевский¹, а в другом мимоходом сообщается, что Марк Твен выражал одобрение русским революционерам в их борьбе против царя². Также не менее 9 раз персонально упомянут Сталин. Кроме него, из советских политических деятелей поименно названы Карл Радек, Максим Литвинов и Константин Юренев, но они фигурируют гораздо реже Сталина (на них троих приходится всего 10 упоминаний в общей сложности).

Основную часть сюжетов можно разделить на четыре группы: советские дипломатические мероприятия, внутренняя политика Москвы, русское искусство и белоэмигранты в Китае.

Советская дипломатия и положение СССР на международной арене занимают первое место по количеству упоминаний в журнале: по меньшей мере 30 заметок и иллюстраций связаны с этой темой. Она включает участие СССР в двусторонних отношениях с Китаем, Японией и Германией, а также многосторонние контакты с Западом (Лига Наций и совещания по разоружению). К этой же группе можно относить и сообщения о Красной армии в сравнении с вооруженными силами других государств. Упоминаний о противостоянии СССР с капиталистическими странами отмечено не было, хотя есть отсылки к недоверию и враждебности между мировыми державами, в том числе намеки на коварство советских дипломатов (равно как и представителей других стран) и предсказания конфликта мирового масштаба.

В первом выпуске «ШМ» был опубликован большой пятичастный рисунок, изображавший главных актеров мирового «балагана», держащих «вывески»³. Рядом с Теодором Рузвельтом (sic! в действительности речь шла о Франклине Делано Рузвельте) была нарисована табличка «Закон о восстановлении промышленности», около Бенито Муссолини – «Фашисты», возле Адольфа Гитлера – «Национал-социалистическая немецкая рабочая партия», в руках у Сталина – «Союз Советских Социалистических Республик», а у гораздо меньшей по росту фигурки японского премьер-министра Араки Садао 荒木貞夫 оказался значок «Дефицит». Кроме табличек, около каждого были помещены эмблемы партий и политических программ (орел для закона о восстановлении промышленности, фасции и свастика для двух фашистских партий, серп, молот и звезда для СССР – и только у главы японского правительства эмблемы нет). Все персонажи изображены с определенной долей правдоподобия, хотя и с элементами карикатурного портрета. Ко всем пяти лидерам были приведены словесные комментарии, информативные и насмешливые

одновременно. Общее заключение к иллюстрациям гласило:

Умные Муссолини, Гитлер, Рузвельт, Сталин и прочие родом кто из журналистов, кто из художников, кто из юристов, кто из редакторов, все они умеют писать и говорить, тем самым добиваясь твоего послушания. «Что? Есть неразрешимые трудности? Не верь. Я приму решение, следуй за мной, я выход найду!»⁴

В комментариях к портретам фактологические сведения перемежались с сомнениями в рациональности предлагаемых программ. Пояснялось, что обращение нацистов к свастике – это попытка доказать древность германской цивилизации, что псевдоним «Сталин» связан с желанием советского вождя похвастаться своей «железной хваткой», а закон о промышленном восстановлении нацелен на возрождение американской экономики, которая «много лет находится в упадке»⁵. В комментарии к названию Советского государства сказано, что «в политическом устройстве [СССР] есть ГПУ», которое расследует «контрреволюционные действия» и «не позволяет людям испортить планы по государственному строительству»⁶. Экономический и политический кризис в Японии вызвал не менее ироничные замечания, а упоминания итальянских и американских дел хотя и не содержали явно неодобрительных эпитетов, но дружелюбием тоже не отличались. Таким образом, с самых первых страниц «ШМ» мировые державы, среди которых был СССР, и их руководители представлялись неискренними, недемократичными, жестокими и не заслуживающими доверия. В то же время нельзя не отметить, как журнал словно знакомил свою аудиторию с будущими главными героями номеров, давая узнаваемые портреты и указывая имена и политические ориентиры. Тенденция включать Советскую Россию в число мировых держав, зачастую в негативном ключе, сохранялась до последних выпусков «ШМ».

Однако СССР порой оказывался и противопоставлен иным странам. Это прослеживается, например, в кратком упоминании возможной войны между Советским Союзом и нацистской Германией, причем инспирировала такую войну, по мнению журнала, Великобритания⁷. Другим примером является большая статья с карикатурами, переведенная в «ШМ» с французского оригинала из газеты «L'Intransigeant». В тексте и сопровождающих его иллюстрациях в сатирическом виде изображалась деятельность Максима Литвинова по вступлению СССР в Лигу Наций. Согласно французской публикации и ее китайскому переводу, советский наркоминдел причинил немало беспокойства сторонам, с которыми соприкасался, применяя «мораль в стиле советской хитрости»⁸. Едкие ремарки китайского журнала хорошо понятны с той точки зрения, что накануне принятия СССР в Лигу Наций Китаю было

отказано в продлении временного членства в Совете этой организации.

Еще более любопытно изображались отношения Советского Союза с Германией. Нацистский режим рассматривался как часть мировой системы, и СССР и Германия неоднократно появлялись бок о бок. Так, Сталин и Гитлер оказались частью «кошмара», приснившегося главе китайского правительства Ван Цзинвэю 汪精衛 (1883–1944); остальными участниками этого «кошмара» стали Мустафа Кемаль, Муссолини и Юзеф Пилсудский⁹. Те же Сталин и Гитлер в виде античных божеств безразлично и цинично обсуждали гражданскую войну в Испании на более поздней карикатуре¹⁰. К этой паре были добавлены Муссолини и очередной японский премьер-министр, Хирота Коки 廣田弘毅, так что в результате образовалась четверка «защитников мира и справедливости»¹¹. Наконец, именно нацизм и коммунизм изображались как идеологии, могущие захлестнуть всю планету¹². В журнале учитывалось, что советско-германские отношения были весьма напряженными, но наиболее существенный и важный элемент в общей панораме этих отношений отразился в фотоколлаже, который одновременно стал и последним упоминанием Советской России в «ШМ»¹³. Весть о взятии войсками Франко города Бильбао в Испании стала поводом для публикации фотографии маленькой девочки, сидящей на фоне рисованного завода, с которого снимаются серп и молот, а на их место приходят фасции и свастика. Рядом с ребенком лежат кости, черепа и снаряды, а общий смысл коллажа может быть прочтен как намек на смертоносность любых тоталитарных идеологий, которые приносят лишь войну и смерть¹⁴.

Двусторонние отношения Китая и СССР почти не упоминались в «ШМ». Были опубликованы лишь две краткие заметки, касавшиеся подписания губернатором Синьцзяна Цзинь Шужэнем 金樹仁 (1879–1941) самостоятельного торгового соглашения между Синьцзяном и СССР без ведома Национального правительства Китайской Республики¹⁵, и один рисунок, изображавший в аллегорической форме отчуждение Монголии Советским Союзом и Маньчжурии Японией¹⁶.

Внутренние дела СССР привлекли меньше внимания «ШМ», чем внешнеполитические: на эту тему было отмечено 14 заметок и зарисовок, что в два раза меньше, чем материалов о международной деятельности Москвы. Здесь необходимо оговориться, что в ряде случаев сложно отделить внутригосударственные сюжеты от внешнеполитических: так, в уже описанной карикатуре на мировых вождей была отсылка к методам и целям советского правительства, борьбе ГПУ с контрреволюцией¹⁷. Развивая тему идеологического могущества государства, в одном из более поздних выпусков редакция журнала опубликовала таблицу, в которой сопоставлялись метафор-

нические «головы в разрезе». Головы принадлежали китайцу, японцу и советскому гражданину. По мере взросления и старения голова китайца становилась все меньше, а его интересы эволюционировали от кино, девушек и денег к культуре предков и собственному захоронению (такая узость и консервативность мышления соотечественников, несомненно, была основным объектом критики всей карикатуры). В отличие от китайца, советский и японский мужчины становились все более увлечены вопросами мирового господства. Ключевое различие между ними и китайцем, по мнению автора карикатуры, закладывалось в возрасте 6–20 лет: пока китайский подросток читал комиксы, японец изучал науки и военное дело, а житель СССР – науки и идеологию¹⁸. Похожие опасения по отношению к советскому и японскому подходу к воспитанию молодежи в духе милитаризации и индоктринации можно заметить и на двух фотографиях, опубликованных годом раньше. На одном кадре изображены юные японцы, сидящие со штыками в руках возле государственного флага, а на втором их советские сверстники маршируют с оружием за плечами; и те и другие запечатлены в касках и военной форме¹⁹.

Напротив, достижения советской промышленности и сельского хозяйства вызывали одобрительную реакцию, подтекстом которой вновь была самокритика: журналистов не покидала мысль о безуспешности попыток вывести Китай из экономического упадка. В новостной сводке одного из выпусков приведена такая фраза: в СССР «используются самолеты и химикаты, чтобы создать дождь и туман», тогда как в Китае люди по-прежнему «обращаются к Небесному владыке, чтобы помолиться о ниспослании дождя»²⁰. Сопоставление этих двух «методов» обеспечения урожая должно было вызвать горькую усмешку у читателя: во-первых, в описываемое время природные бедствия, военные конфликты и экономическая нестабильность часто приводили к массовому голodu во многих районах Китая. Во-вторых, китайское общество первой половины XX века проходило через серьезный пересмотр собственных традиций, и суеверное обращение к «Небесному владыке» использовалось автором заметки в саркастическом тоне.

Другим примером, когда советская практика приводилась в пример Китаю, является анализ зарубежных карикатур, публиковавшийся в «ШМ» уже без сатирического подтекста. Репортеры журнала сообщали, что карикатура и иные виды рисованных плакатов использовались в СССР для обсуждения социальных вопросов²¹, а также для пропаганды политических решений правительства²². В заметках на эту тему сотрудники «ШМ» рассуждали не только о советской практике, но и о карикатуре и иных сатирических формах в Европе, Америке и Японии. Кроме того, в журнале иногда воспроизводились рисун-

ки иностранных художников; из советской прессы были перепечатаны три работы Б. Ефимова²³. В этих случаях советская практика выступала если не в качестве идеала, то как один из возможных примеров для самого Китая.

Однако надо отметить, что повседневная жизнь в России виделась сотрудниками «ШМ» не слишком комфортной. Описание быта советского города было приведено в путевых заметках китайского дипломата Лю Юйваня 劉馭萬 (1897–1966), частично опубликованных в журнале:

Когда я был в Москве, я курил только табак дурного качества, и хорошего вина тоже не имел, это было не просто, потому что у них не продаются товары других государств. В Москве и привлекательных женщин мало, они вечно одеты в грубую одежду и не идут ни в какое сравнение с американками, да и с шанхайскими дамами высшего класса тоже несопоставимы, но у них полное самообеспечение, это возрождающаяся страна²⁴.

Этот фрагмент помещен среди «цитат знаменитостей», но общий ироничный тон всего раздела и поверхностность наблюдений в приведенной заметке заставляют усомниться, что в данном контексте похвала «возрождающемуся» СССР смотрелась искренней. Больше непосредственных описаний советской повседневности в журнале замечено не было, хотя, конечно, в других газетах и журналах периодически публиковались фотографии и заметки о жизни в России. Тем не менее можно сказать, что внутриполитическая обстановка в СССР едва ли рассматривалась сотрудниками «ШМ» как положительный пример для Китая, а деятельность советских дипломатов вызывала скорее опасения, чем уверенность в партнерских отношениях России и Китая.

Иначе выглядит сфера культуры и искусства. Всего в журнале насчитывается не менее 18 публикаций, связанных со своего рода «культурным обменом» между СССР и Китаем: гастролями, литературной критикой, перепечаткой карикатур и пр. Как уже говорилось, «ШМ» воспроизвел на своих страницах три работы Б. Ефимова, причем если две из них имели отношение к маньчжурскому вопросу и потому представляли естественный интерес для китайских читателей, то третья высмеивала действия Германа Геринга, что не имело прямого отношения к событиям на Дальнем Востоке. Иначе говоря, советские карикатуры были оценены не только как выражение поддержки Китаю (такую поддержку, судя по публикациям «ШМ», китайская аудитория не слишком ощущала), но и как самостоятельные произведения, заслуживающие репродукции наряду с карикатурами других иностранных журналов – «Панч», «Токио Пак» и др. Выше уже было упомянуто появление Л. Толстого и Ф. Достоевского среди всемирно известных творцов (эта публикация воспроизводила изображения знаменитостей, помещенных на стенах кафе при

испанской газете «El Sol»)²⁵. В другом выпуске «ШМ» в слегка насмешливой манере намекнул на сходство – как внешнее, так и творческое – между Максимом Горьким и китайским левым писателем Лу Сюнем 魯迅 (1881–1936) в серии рисунков на смерть последнего²⁶.

Помимо этого, «ШМ» сообщал о гастролях китайских знаменитостей в СССР и о приеме, который устраивали им советские зрители и критики. В марте – апреле 1935 года один из известнейших исполнителей пекинской оперы Мэй Ланьфан 梅蘭芳 (1894–1961) приехал с труппой в Москву и Ленинград; отклик на его выступление был положительным, в советских газетах появилось несколько сообщений, фотографий и отзывов (только в «Известиях» за дни гастролей было напечатано не менее семи заметок о труппе и Мэй Ланьфане). Из всех этих материалов редакция «ШМ» обратила внимание лишь на отзыв Карла Радека. В своей статье, напечатанной в «Известиях» 23 марта 1935 года, Радек оценил выступление Мэй Ланьфана не только с искусствоведческой, сколько с идеологической точки зрения. Отдав должное талантам артиста, который «захватывает зрителя, своим волшебным искусством создавая образы, вполне живые и убедительные», Радек все же не преминул назвать и пекинскую оперу, и спектакль Мэя «чуж[ими] не только нашей жизни, но и жизни трудовых китайских масс»²⁷. Разумеется, такая оценка традиционного искусства вызвала недоумение китайского журнала. Автор под псевдонимом Аймэй 爰默 был шокирован самой идеей, что пекинская опера должна стать ближе к трудящимся массам²⁸. Симптоматично в этом не только неудовольствие китайского журнала критикой Радека, но и готовность прокомментировать именно эту рецензию, а не многие другие, более благожелательные заметки в советской прессе – напечатанные в том числе и на той же полосе «Известий»²⁹. Такие детали, безусловно, накладывали некоторый оттенок на формирование представлений друг о друге в китайском и советском обществах и, косвенно, на атмосферу в межгосударственных отношениях.

В отличие от Советской России, которая для большинства читателей журнала оставалась далекой и поэтому представлялась опосредованно, русское население Шанхая было знакомо в той или иной степени всем горожанам. Белоэмигранты в «ШМ» играли разнообразные роли: в крайне редких случаях речь шла об истории успеха, но чаще беженцы вызывали сострадание или презрение. К первому типу сюжетов можно с уверенностью отнести только упоминание работ белоэмигрантского карикатуриста Георгия Сапожникова (1893–1949) для шанхайской газеты «North China Daily News», которым в «ШМ» была высказана похвала³⁰. Ко второму типу материалов относятся истории «бывших»

генералов и дворян, которые пытались работать, сохраняя свое достоинство, но выглядели смешными и несчастными. Белоэмигранты появились в первом же выпуске журнала: среди фотографий иностранных магазинов в Шанхае хорошо видна витрина с анонсом «рождественской выставки» «женских рукоделий и изящных работ» на русском в дореволюционной орфографии и английском языках³¹. Здесь, как и в ряде других публикаций, русские представлены людьми, готовыми заниматься предпринимательством, зарабатывать себе на жизнь и не сдаваться, лишившись отчизны. При всем том заголовок этой серии фотографий – «Иностранные магазины в Шанхае приглашают нас!» – содержит насмешку над тем, что ни в одной из запечатленных витрин нет вывесок по-китайски. Иными словами, эта фотозаметка, как и многие из уже обсуждавшихся материалов, касалась в первую очередь положения китайцев в собственной стране и содержала не только критику заносчивых иностранцев, но и самокритику.

В более поздних выпусках «ШМ» журналисты обратили внимание на отличие русских от других иностранцев в Китае. Белоэмигранты не имели за своей спиной военных судов и государственной поддержки, они не обладали правами экстерриториальности³² и поэтому должны были со вниманием относиться к своим китайским клиентам. Отсюда вытекало сочувствие, которое вызывали «вечные изгнанники»³³. Женщины вынуждены были «флиртовать» на улице Сяфэй³⁴, мужчины делали вид, что им «всё нипочем»³⁵, хотя они и пали из княжеских сыновей до полицейских³⁶. В журнале отмечалось, что в некоторых районах Шанхая больше половины людей на улице русские, а из них больше половины – женщины, а также что приспособиться к местным условиям жизни беженцам удавалось плохо³⁷.

Сострадание и сочувствие к «изгнанникам» сменялось презрением на грани с враждебностью, когда белоэмигранты казались слишком надменными. Оксюморон «высокородные нищие»³⁸ многое говорит о степени неприятия китайскими журналистами и, вероятно, их читателями манер русских поселенцев. Противоречие между самомнением эмигрантов и восприятием непрощенных гостей коренным населением усматривается и в кратком описании русского ресторана, появившемся в заметке о китайце, который стремился любой ценой «сохранить лицо»:

В третьесортном русском ресторане можно еще увидеть так называемых поэтичных русских попрошаек, поэтичные залы, поэтичный томатный суп, поэтичный черствый хлеб, а дым от низкосортных сигар добавляет еще больше поэтичности³⁹.

Конечно, в этой заметке, как и в большинстве других с упоминанием русских эмигрантов, нельзя усмотреть явной ксенофобии: русские не изображались в виде преступников и вредных

элементов. Однако и теплоты к ним в журнале выказывалось не больше, чем к прочим беженцам военного времени, хотя в Шанхае русские вынуждены были жить долго и успели создать там целый ряд культурных обществ, развлекательных заведений и памятников архитектуры [1: 449–488]. Важно, что даже на терминологическом уровне белоэмигранты не связывались с Советским Союзом, так что восприятие этих двух общностей было разделено полностью.

Интерес, с которым «ШМ» следил за происходящим в СССР и вокруг него, подтверждается и количеством публикаций, и их размещением на заметных листах журнала, в том числе на обложках или рядом с ними. Россия постоянно присутствовала не только в официальной новостной хронике (например, газетах «Чжуунъян жибао» 中央日報 и «Шэнъбао» 申報), но и в развлекательных изданиях. В некоторых текстах «ШМ» можно отметить хвалебную интонацию в адрес достижений советской индустриализации и военных технологий, но на такие сообщения накладывается оттенок сожаления, что Китай существенно отстает и от СССР, и от других держав. С этим связано и то, что общий тон текстовых и визуальных упоминаний Советского Союза в «ШМ» в большей степени либо умеренно холоден, либо откровенно неодобрителен. Наибольшее отторжение вызывала дипломатическая деятельность СССР – в частности, журнал расценивал вступление России в Лигу Наций негативно, а заявления Москвы о необходимости всеобщего разоружения воспринимались в «ШМ» как двуличные попытки укрепить позиции советской армии. Кроме того, можно заметить и саркастические комментарии по поводу методов внутренней политики Сталина: их недемократичность, вероятно, вызывала ассоциации и с жесткостью собственных китайских властей, которые активно боролись против коммунистических и иных оппозиционных сил внутри страны.

Китайско-советские отношения почти не упоминались в журнале, но те скромные отсылки к ним, которые все же были опубликованы, показывают, что советские интересы в Синьцзяне и Монголии рассматривались с не меньшей тревогой, чем покушения Японии на Северный Китай после отторжения Маньчжурии.

Культурная жизнь СССР пробуждала более теплые чувства, но если к ней слишком явно привешивались идеология и политика, то в «ШМ» это также вызывало отторжение. Вместе с тем заставляет внимания, что советское творчество зачастую появлялось в журнале в одном ряду с западным – французским, британским, американским – то есть СССР не отделялся от «капиталистических» государств. Та же тенденция прослеживается и в сюжетах из сферы международных отношений.

Жизнь белоэмигрантов выглядела совершен-но не связанной с Советской Россией, более того, подчеркивалось отсутствие у них родины и их «вечное изгнание». В этих сюжетах тон журнала становился совсем иным, варьируясь между снис-хождением и насмешкой. Любопытно, что если в советской прессе 1930-х годов деятельность бело-гвардейцев на Дальнем Востоке часто называли инспирируемой и координируемой Японией и Маньчжуго, то в «ШМ» ни одного намека на подобное сотрудничество сделано не было, хотя за событиями в Маньчжурии и в Северном Китае журналисты следили пристально.

Из многообразия упомянутых материалов вырастает картина того, как часть китайско-го общества – журналисты-сотрудники «ШМ» и, предположительно, часть их читателей – рассматривала «русское» и «советское» в се-редине 1930-х годов. Очевидно, что китайское

общество интересовалось в основном именно проблемами собственного государства, видя в мировых державах потенциальных противни-ков или союзников, примеры для подражания или предостережение. По этой причине во многих публикациях «ШМ» речь прямо или косвен-но идет о внутренней политике Национального правительства Китайской Республики. Важно, что СССР чаще воспринимался не как надеж-ный союзник или образец, а как опасный сосед, а его политические и дипломатические решения – как угроза и предостережение Китаю. Кроме того, в ряде случаев журнал укорял СССР и дру-гие государства за стремление воспользоваться слабостью Китая в своих интересах и за недо-статочную поддержку в конфликте с Японией. В этом смысле СССР выглядел в журнале ни-чуть не более выигрышно, чем прочие «импе-риалисты».

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-21-49001-ОГН («Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности»).

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гэ Баоцюань 戈寶權. Линхунь чжи соцзай дэ кафэйши 靈魂之所在的咖啡室 [Кофейня, где живут души] // ШМ. 1934. № 3 (март). С. 3–4.
- ² Юньте 韻鐵. Макэ Тувэн дэ юмо 馬克吐溫的幽默 [Юмор Марка Твена] // ШМ. 1935. № 15 (март). С. 32–33.
- ³ Гэ Баоцюань, Лу Шаофэй 魯少飛. Б.н. // ШМ. 1934. № 1 (апрель). С. 5.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Чжан Э 張譯. Сюньсюнь шанью 循循善誘 [Постепенное обучение] // ШМ. 1935. № 15 (март). С. 6.
- ⁸ Чжан Жоу 張若谷. Маньхуаця яньгуан чжун чжи Ливэйнофу 漫畫家眼光中之李維諾夫 [Литвинов глазами карикату-ристы] // ШМ. 1935. № 16 (апрель). С. 3; Kelen E. Litvinoff. Vu par le caricaturist / L'Intransigeant. 17.09.1934. Р. 1–2.
- ⁹ Б.а. Шэнъэмэ, во хуэй шоу вэйсе? Яо буши цзай цзомэн ба? 什麼, 我會受威脅? 要不是在做夢吧? [Что, я в опасности? Что, если это не сон?] // ШМ. 1934. № 3 (март). С. 6.
- ¹⁰ Ван Цзымэй 汪子美. Цзиньдай шэнхуха 近代神話 [Легенды современности] // ШМ. 1936. № 31 (октябрь). С. 5–6.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Хуан Байбо 黃白波. Цзо юй ю 左與右 [Левое и правое] // ШМ. 1937. № 36 (март). С. 6.
- ¹³ Ван Цзымэй. Б.н. // ШМ. 1937. № 39 (июнь). С. 13.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Б.а. Б.н. // ШМ. 1934. № 3 (март). С. 2; Учан 無常. Во дэ цзагань 我的雜感 [Мои размышления] // ШМ. 1935. № 23 (ноябрь). С. 7.
- ¹⁶ Чэн Хао-сюн 陳浩雄. Совэй лянци сяньму чжэ ши e 所謂良妻賢母者是也 [Так называемая славная жена, добродетельная мать] // ШМ. 1936. № 26 (февраль). С. 6.
- ¹⁷ Гэ Баоцюань, Лу Шаофэй. Б.н. // ШМ. 1934. № 1 (апрель). С. 5.
- ¹⁸ Вэй Чэнъин 魏沉影. НАО дэ цзепоу цзи бицзяо 腦的解剖及比較 [Головы в разрезе, сравнение] // ШМ. 1935. № 21 (сентябрь). С. 8.
- ¹⁹ Б.а. Жэнъ чжи чу 人之初 [Человек от рождения] // ШМ. 1934. № 11 (ноябрь). С. 5.
- ²⁰ Б.а. Б.н. // ШМ. 1934. № 9 (сентябрь). С. 2.
- ²¹ Ван Дуньчин 王敦慶. Маньхуа дэ лэйбе 漫畫的類別 [Разновидности карикатуры] // ШМ. 1935. № 21 (сентябрь). С. 36.
- ²² Окамото Иппэй 岡本一平, Лань Вэйбай 藍蔚邦 (пер.). Маньхуа дэ ли 漫畫的力 [Сила карикатуры] // ШМ. 1935. № 16 (ап-рель). С. 38; Ван Дуньчин. Маньхуа дэ сюаньчуань син 漫畫的宣傳性 [Пропагандистская природа карикатуры] // ШМ. 1935. № 17 (май). С. 35–36.
- ²³ Б.а. [Ефимов Б.]. Гэлинь цзянцзюнь цзи ци Болинь минью дэ синь фужэнь 戈林將軍及其柏林名優的新夫人 [Генерал Геринг и его новая жена, прославленная в Берлине] // ШМ. 1936. № 26 (февраль). С. 5; Б.а. [Ефимов Б.]. Сифа жэнъжэнъ хуэй бянь, гэ ю цяомяо бутун 戲法人人會變, 各有巧妙不同 [У всякого фокусника свои трюки] // ШМ. 1936. № 25 (январь). С. 9; Б.а. [Ефимов Б.]. Хуэй ци минцзе цзе ци сайу 毀其名節劫其財務 [Уничтожил ее репутацию, украл ее имущест-во] // ШМ. 1936. № 26 (февраль). С. 5.
- ²⁴ Люйчжэн 履箴 [Ван Дуньчин]. Минъянь синьшоу чао 名言信手鈔 [Случайная подборка знаменитых цитат] // ШМ. 1936. № 33 (декабрь). С. 5.
- ²⁵ Гэ Баоцюань. Линхунь чжи соцзай дэ кафэйши // ШМ. 1934. № 3 (март). С. 3–4.
- ²⁶ Ван Цзымэй. Лу Сюнь фэнъюо хуа чжувань 魯迅奮鬥畫傳 [История борьбы Лу Сюня в картинках] // ШМ. 1936. № 32 (ноябрь). С. 34.
- ²⁷ Радек К. Старый Китай говорит о новом // Известия. 23.03.1935. № 71 (5624). С. 4.
- ²⁸ Аймэй 愛蝶. Б.н. // ШМ. 1935. № 16 (апрель). С. 2.
- ²⁹ Б.а. На общественном просмотре китайского театра // Известия. 23.03.1935. № 71 (5624). С. 4.

- ³⁰ Чэнь Цзиншэн 陳靜生. Манъхуа и си тань漫畫一夕談 [Вечерний разговор о карикатуре] // ШМ. 1934. № 11 (ноябрь). С. 37.
- ³¹ У Шицзи 吳寶基. Цзай Шанхай дэ вайго дянь хуанъин чжэ вомэн нэ! 在上海的外國店歡迎著我們呢! [Иностранные магазины в Шанхае приглашают нас!] // ШМ. 1934. № 1 (апрель). С. 6.
- ³² Хуацзы 華子. Сяфэй лу шан дэ Flirtation 霞飛路上的Flirtation [Flirtation на улице Сяфэй] // ШМ. 1934. № 7 (июль). С. 20.
- ³³ Шэн Ичян 沈逸千. Юнъюань дэ лован чжэ 永遠的流亡者 [Вечные изгнанники] // ШМ. 1935. № 21 (сентябрь). С. 15.
- ³⁴ Хуацзы. Сяфэй лу шан дэ Flirtation // ШМ. 1934. № 7 (июль). С. 20.
- ³⁵ Лошань罗姍. Allegretto // ШМ. 1935. № 13 (январь). С. 23.
- ³⁶ Оу Луло 歐露羅. «Ча пайсы» цзи 《查派司》記 [Записки о «проверке паспорта】 // ШМ. 1935. № 19 (июль). С. 36.
- ³⁷ Хуацзы. Сяфэй лу шан дэ Flirtation // ШМ. 1934. № 7 (июль). С. 20; Учан. Эжэнь далиши俄人大力士 [Русский силач] // ШМ. 1934. № 12 (декабрь). С. 7.
- ³⁸ Пяобо-ван漂泊王. «Уцюн» дэ сиван “無窮”的希望 [Надежда на «неисчерпаемость】 // ШМ. 1934. № 1 (апрель). С. 8.
- ³⁹ Чжуцин 竹青. Сы яо мянъцы死要面子 [Сохранить лицо любой ценой] // ШМ. 1936. № 27 (июнь). С. 39.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Чжи чэн . История русской эмиграции в Шанхае / Пер. с кит. Пань Чэнлонга, Сяо Хуэйчжунна, Лю Юйцинь, Бэй Вэньли, Л. П. Черниковой; Предисл. Л. П. Черниковой. М.: Русский путь, 2008. 576 с.
2. Цыкалова Д. Е. «Русский медведь» в европейской карикатуре второй половины XIX – начала XX века // «Русский медведь»: история, семиотика, политика / Под ред. О. В. Рябова и А. де Лазари. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 105–124.
3. Bevan P. A modern miscellany: Shanghai cartoon artists, Shao Xunmei's circle and the travels of Jack Chen, 1926–1938. Leiden: Brill, 2016. 387 p.
4. Crespi J. A. China's Modern Sketch–1: The Golden Era of Cartoon Art, 1934–1937 // MIT Visualizing Cultures. 2011. Available at: http://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/modern_sketch/ (accessed 22.08.2018).
5. Lent J. A., Xu Ying . Comics art in China. Jackson: University Press of Mississippi, 2017. 234 p.

Guleva M. A., St. Petersburg State University, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
(St. Petersburg, Russian Federation)

RUSSIAN AND SOVIET AS DEPICTED IN SHANGHAI SHIDAI MANHUA ILLUSTRATED MAGAZINE (1934–1937)*

The article deals with the image of the USSR and the Russians in one of the most famous illustrated magazines of the Republic of China, *Shidai Manhua*. Clichés and stereotypes existing in Chinese society towards the neighbouring country and its people during the complicated period in bilateral relations before World War II were a response to the events in the USSR itself, in the world and in China. *Shidai Manhua*'s publications show which actions undertaken by the Soviet government were seen as exemplary and which ones were perceived as menacing. It is essential that in the 1920s and the 1930s, some Chinese cities became the refuges for emigrants fleeing the 1917 revolutions, with these emigrants also appearing in *Shidai Manhua*. This creates a juxtaposition between the image of Soviet Russia and those Russians who had to leave it. The analysis of the magazine materials shows that the USSR often seemed to be a dangerous neighbour rather than a reliable ally, while the life of Soviet citizens appeared murky and was not associated with the lifestyle of Russian refugees in Chinese cities.

Key words: USSR, Republic of China, *Shidai Manhua*, caricature, manhua, Sino-Soviet relations, Russian emigrants

* This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) as part of the research project No 17-21-49001 “Chinese perceptions of Russia and the West during the 20th century: changes, continuities and contingencies”.

REFERENCES

1. Wang Zhi cheng . History of Russian emigration in Shanghai. Moscow, 2008. 576 p. (In Russ.)
2. Tsikalova D. E. “Russian bear” in European cartoons during the second half of the 19th and the early 20th centuries. “Russian bear”: history, semiotics, politics. (O. V. Ryabov, A. de Lazari, Eds.). Moscow, 2012. P. 105–124. (In Russ.)
3. Bevan P. A modern miscellany: Shanghai cartoon artists, Shao Xunmei's circle and the travels of Jack Chen, 1926–1938. Leiden, Brill, 2016. 387 p.
4. Crespi J. A. China's Modern Sketch–1: The Golden Era of Cartoon Art, 1934–1937 // MIT Visualizing Cultures. 2011. Available at: http://ocw.mit.edu/ans7870/21f/21f.027/modern_sketch/ (accessed 22.08.2018).
5. Lent J. A., Xu Ying . Comics art in China. Jackson, University Press of Mississippi, 2017. 234 p.

Поступила в редакцию 24.08.2018

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СУВОРОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

Suvorov@petrsu.ru

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ Ф. ЛАССАЛЯ

Охарактеризованы основные положения философских работ, монографий по юриспруденции и экономике Ф. Лассалля. В философских публикациях отстаиваются и развиваются основные положения гегельянства. В «Системе приобретенных прав» автор пытается доказать законность революций, которые рассматриваются как процесс «отмены-приобретения» прав гражданами. В экономическом труде «Господин Бастиа Шульце-Делич. Экономический Юлиан, или Капитал и Труд» Лассаль рисует общество будущего, где рабочие станут собственниками средств производства. Достичь такого общества можно путем мирной революции – через реформы. Свои научные наработки Лассаль использовал для обоснования своей политической теории. Далеко не все его идеи прошли проверку временем, однако некоторые впоследствии развивались теоретиками европейской социал-демократии.

Ключевые слова: Лассаль, Гераклит, революция, философия, экономика, гегельянство, производственные ассоциации

Фердинанд Лассаль (1825–1864), основатель и первый президент Всеобщего Германского Рабочего Союза, крупный общественный и политический деятель, являлся и известным в Германии ученым. Его научные интересы находились в области философии, юриспруденции, истории, экономики. Целью настоящей статьи является попытка показать одну из сторон многогранного таланта Ф. Лассалля, личности неординарной, противоречивой, внесшей большой вклад в развитие социалистической мысли XIX века.

Будучи студентом Бреславского и Берлинского университетов (1843–1844), Лассаль проявлял интерес к самостоятельным научным исследованиям. Его внимание привлек древнегреческий Гераклит из Эфеса. В ученых кругах этот философ имел славу малопонятного мыслителя. Отрывки из произведений Гераклита находились в различных библиотеках и музеях Европы, были мало изучены и не систематизированы. Лассаль решил на основе досконального филологического изучения текстов восстановить цельную философскую концепцию Гераклита. Привлекала его и сложность текстов, в связи с чем возможны были различные интерпретации.

Работа над диссертацией затянулась на долгие годы; участие в революционных событиях 1848 года, а затем деятельность адвоката в процессе С. фон Гацфельдт отодвигали работу, которую удалось закончить только к 1857 году, на второй план. Издавая объемистый двухтомный труд «Философия Гераклита Темного из Эфеса», Лассаль преследовал в первую очередь практическую цель: «...может быть полезным, если я внушу к себе некоторое уважение со стороны наших теоретиков»¹. Это уважение было необходимо ему для достижения значимого места в ученом мире Германии, что могло пригодиться и

для политической деятельности. Научная же цель работы состояла в том, чтобы «определить вклад в историю развития всемирно-исторической мысли, всемирно-историческое место, какое Гераклит занимает в этом закономерном процессе»².

Монография состоит из предисловия, двух частей и заключения. Во введении автор определяет задачи исследования, которые представляются как воссоздание концепции Гераклита и предложение своей трактовки фрагментарного наследия философа. Первая часть – общая, здесь Лассаль излагает свой гегельянский метод исследования, показывает связь Гераклита с восточными религиозными учениями. Во второй, исторической, части Лассаль восстанавливает систему Гераклита из имеющихся фрагментов.

По его мнению, самое трудное в философии Гераклита заключалось в «неясности спекулятивного понятия, в трудности уяснить себе при помощи его духа единство противоречий»³. В преодолении этой трудности Лассаль использует диалектический метод Гегеля. Великий немецкий философ считал Гераклита своим учителем, поэтому диалектика Гераклита виделась Лассаллю своеобразной предтечей к диалектике Гегеля. При восстановлении гераклитовой системы Лассаль зачастую использовал не только гегелевский метод, но и положения теории Гегеля, проецируя их на систему Гераклита, вернее, выводя из них эту систему, соответственно с ними трактуя и соединяя между собой имеющиеся фрагменты.

Лассаль, и это было его научной заслугой, правильно оценил историческое место Гераклита, в его философии он видел завершение процесса освобождения человеческой мысли от мифа и переход к рациональному мышлению, исходный пункт для развития субъективного познания, субъективной диалектики. Автор проделал гига-

нтскую работу, обобщил всю имеющуюся на тот момент литературу, собрал воедино и систематизировал доступные гераклитовские фрагменты, предложил свою, основанную на Гегеле, концепцию философской системы Гераклита.

Монография Лассала вызвала сенсацию в научных кругах. Среди берлинских философов и филологов отзывы были в основном положительные. Один из основателей научной египтологии Р. Лепсиус высказывал Лассалю свое восхищение по поводу «прекрасного труда»⁴ и сделал несколько замечаний относительно лассалевской трактовки физики Гераклита, которая, по его мнению, была неверна⁵. Положительный отзыв был получен и от историка греческой философии Э. Целлера, который писал в декабре 1857 года, что он многим обязан этой книге, так как она заинтересовала его наличием связи между учением Гераклита и учениями восточных религий⁶. Хорошие отзывы поступили также от таких крупных ученых и общественных деятелей, как А. фон Гумбольт, Варнхаген фон Энзе, Г. фон Пюклер-Мускау. Однако были и другие оценки. Так, бреславский исследователь философии Гераклита Я. Бернаус не понял работы Лассала. Он указывал на тяжелое, малопонятное изложение материала, обращал внимание на множество спорных вопросов в лассалевской трактовке⁷. Филолог и историк древности Х. Брандис ставил вопрос: «Не слишком ли близок древний эфесец к новому Гегелю?»⁸ Самой жесткой критике «Гераклит» подвергся со стороны Маркса: «“Гераклит Темный” Лассаля Ясного, в сущности, весьма пошлое, жалкое произведение... Парень (Лассаль) как будто задался целью уяснить себе на Гераклите гегелевскую “Логику” и отнюдь не устает постоянно начинать этот процесс съзнова... Несмотря на хвастовство парня, что до сих пор дескать Гераклит был книгой за семью печатями, он не прибавил, в сущности, абсолютно ничего нового к тому, что говорил Гегель в “Истории философии”»⁹. В целом же критика была благожелательной, что позволило Лассалю стать членом Берлинского Философского общества и приобрести имя в ученом мире.

Проходит менее двух лет, и Лассаль вновь выступает перед публикой с философскими опусами. 28 января 1859 года он произносит доклад на заседании Философского общества – «Логика Гегеля и логика Розенкранца¹⁰ и систематическое обоснование гегелевской философии истории». Опираясь на философию Гегеля, Лассаль дает свое видение философии истории, сообразно с ней трактует и современные процессы, на этом же философском базисе коренятся и основные положения его теории общественного преобразования. Здесь Лассаль вновь проявляет себя верным учеником Гегеля, защищающим в первую очередь диалектический метод своего великого учителя. Доклад направлен против Розенкранца и его книги «Наука логической идеи», в которой делалась попытка реформировать логику Гегеля. Самый главный недостаток в книге – это отсутствие диалектики, метод Розенкранца

можно назвать описательным: он занимается субъективным сопоставлением понятий, а не выводит одно понятие из другого, что должно происходить в ходе самодвижения понятия¹¹. Лассаль обращает внимание на то, что Розенкранц в своих рассуждениях устранил категорию объективности из логики Гегеля и лишает объективности само понятие. Тем самым Розенкранц переходит с позиций объективной логики на позиции субъективной, совершает движение от Гегеля к Канту. За это он и подвергается жесткой критике со стороны Лассала.

Рассматривает докладчик и ход исторического процесса. Сама история Лассалю видится как объективное самоосуществление понятия. Понятия действуют в истории через свое проявление в виде механических, химических иteleологических процессов¹². Проявление механизма состоит в поступательном движении понятия. Так, образование огромных земельных владений в древнеримском государстве, которое привело его к гибели, видится Лассалю механической деятельностью понятия¹³. Таковым же является переход от феодализма к буржуазным отношениям¹⁴. И даже процесс бурного развития промышленности в Англии в XIX веке, который приводит к централизации капиталов, разорению среднего сословия, образованию пролетариата, Лассаль считает механическим действием понятия¹⁵.

Под «логическим химизмом» Лассаль подразумевал и движение понятия, и результат этого движения, что происходит благодаря действию внутренних сил этого понятия, «причем оно весьма далеко от того, чтобы сознательно добиваться... результата, а, наоборот, достигает в нем... обратное тому, к чему оно само стремилось»¹⁶. Примером «логического химизма» в истории является, например, монархия. Суть ее заключается в «единстве нравственной воли государства», что противостоит частным интересам, сословным и классовым привилегиям¹⁷. Но в «действительности, по тем определенным свойствам, которые это понятие получает в существовании, эта нравственная целокупность и единство государственной воли наличествует в монархии как случайная... обусловленная правом наследования, непосредственная индивидуальность, то есть она сама становится привилегией»¹⁸. В этом заключается диалектическое противоречие понятия монархии, которое в силу своего внутреннего развития приводит к превращению монархии в свою противоположность – республику.

Примером «логического телеологизма» понятия у Лассала вступает Великая Французская революция, в которой определенные лица и классы, стремясь к перевороту, тем самым осуществляют целевую деятельность¹⁹.

Приведенные выше рассуждения показывают, что, основываясь на теории Гегеля, Лассаль видит в самоосуществлении понятий истинный смысл истории, а в конкретных исторических событиях – проявление этого движения понятий. Исходя из гегелевского объективизма и исполь-

зуя его диалектический метод, Лассаль делает революционные выводы; на этом он будет основываться и в дальнейшем при создании своей теории общественных преобразований.

В мае 1861 года Лассаль выступает на юбилейном заседании Философского общества, посвященном столетию со дня рождения Фихте с речью «Философия Фихте и значение немецкого народного духа». Оратор называет научные заслуги философа. Фихте является продолжением Канта, но его философию он не дорабатывает, а, опираясь на нее, выражает новые идеи, «новые принципы духа». В отличие от Канта, Фихте считал чистое мышление положительным созидающим принципом, в котором зарождается и из которого развивается весь мир объективного и реального²⁰. Основной тезис Фихте заключается в том, что для него «истинная вещь является... самим процессом, который в объективном утверждает себя в качестве существующего, а в субъекте достигает сознания о самом себе... это двустороннее движение является Абсолютом... в котором мышление и предметный мир сливаются в глубочайшее единство»²¹.

Занимает Лассала и вопрос: почему именно Германия дала миру столько великих философов? Ответ он находит в «процессе развития народного духа». Великие философы для Лассала – «только формы, в которых немецкий дух приходит к своему самопознанию и достигает в них все более высоких ступеней бытия и саморазвития»²². Сущность немецкого национального духа состоит в «стремлении к все более глубокому примирению духа и реального мира»²³. Это стремление Лассаль называет законом, он состоит не в «разрушении действительности, а в сознательном устранении конфликта между действительностью и народным духом»²⁴.

Особое внимание уделяет Лассаль философии истории Фихте. Философ считал, что «история представляет и осуществляет в себе развитие человеческого рода к свободе»²⁵. Народ, по Фихте, это «совокупность людей... которые все вместе находятся под властью одного определенного и особенного закона развития духа, подчинены одному и тому же духовному закону природы»²⁶. Предназначение немцев, как считал Фихте, в том, чтобы «для всех остальных народов осуществить в истории принцип совершенства и неустанного развития»²⁷. Лассаль вслед за Фихте признает особое предназначение немцев: только эта нация, благодаря особенному духу, которому чужда идея разрушения, давшая миру так много философов, способна достичь правового государства²⁸. Но для осуществления этой миссии необходимо объединить страну, и Лассаль вслед за Фихте призывает немцев решить эту национальную задачу, создать единую государственность и только после этого выполнять свое истинное предназначение – нести культуру другим народам²⁹.

Лассалем преподносится чисто спекулятивная фихте-гегелевская конструкция. Развитие поня-

тия, идеи, духа проходит через мировые эпохи, каждой из которых соответствует определенный народ. Духовное развитие немцев, в которых воплотился мировой дух на современном этапе, дает им право на культурную экспансию. Достичь этого можно, только преодолев раздробленность Германии. Лассаль обращается к вопросу объединения и обосновывает его необходимость философскими построениями, заимствованными у Фихте и Гегеля. Появляются здесь и некоторые националистические идеи, на что обращали внимание практически все исследователи [1], [2], [3].

В начале 1860-х годов вышла в свет двухтомная монография Лассала «Система приобретенных прав», в которой он пытался обосновать необходимость революции с точки зрения развития правовых отношений. Он предлагает философско-правовую концепцию исторического процесса и обусловленную им «теорию приобретенных прав». Источником права для Лассала является всеобщее сознание народа³⁰. Исходя из названного определения Лассаль выводит и главное понятие своей работы – «приобретенное право». Таковым является право, которое человек приобретает собственными действиями и которое находит отражение в существующем законодательстве. К определению «приобретенного права» Лассаль подходит с точки зрения гегелевской диалектики. С одной стороны, приобретение того или иного права совершается волевым актом человека, но, с другой стороны, оно должно подтверждаться законодательством, в котором воплощается всеобщая воля народа. Разрешается возникающее противоречие следующим образом: «Индивидуум никогда не может стремиться через приобретение какого-либо права выйти из сферы воздействия всеобщего правосознания»³¹. По Лассалю, получается, что изменение всеобщего сознания, переход на новую правовую ступень может сделать сразу недоступным ряд частных, приобретенных некогда прав, принадлежавших отдельным лицам. То есть индивидуальное поглощается всеобщим. Однако этим не затрагивается проявленная некогда индивидуальная воля, ибо «она выражена как составная часть в изменившейся всеобщей воле»³². Далее Лассаль переходит к рассмотрению исторического процесса с точки зрения развития права. Суть истории – движение человечества к свободе. Правосознание народа в своем стремлении к свободе постоянно меняется, а это в свою очередь ведет к изменению в законодательстве, так как в нем отражается сознание народа, достигается это изменение через отмену ранее приобретенных прав и получение новых. Этот двухсторонний процесс «отмены-приобретения» происходит во время революций, которые являются естественными результатами развития правосознания нации. То есть, в сущности, достижение свободы и революция – это взаимосвязанные понятия. И если рассматривать свободу как волеизъявление в законодательстве, то революция, во время которой это совершает-

ся, не может быть произвольным, беззаконным актом, она, скорее всего, « дальнейшее развитие и откровение правовой идеи ». Поэтому Лассаль и не рассматривает насилие как неотъемлемую черту революции, выступая за мирные, постепенные революции.

Главную идею своего труда о законности революции Лассалю донести до читателей не удалось. На наш взгляд, это связано со сложностью рассматриваемого материала, витиеватостью изложения, из-за приведения в качестве доказательства правоты своих положений огромного количества узкоспециальных деталей. Труд Лассала не оказал заметного воздействия на демократическое движение. Однако основная мысль о свободе и революции как законном средстве достижения этой свободы в дальнейшем была использована многими теоретиками германской социал-демократии.

В 1863 году был образован Всеобщий Германский Рабочий Союз (ВГРС), первая политическая партия немецких рабочих. Лассаль стал президентом новой организации. Руководство Союзом не мешало ему заниматься научным творчеством, которое теперь рассматривалось как дело во благо партии. В конце 1863 – начале 1864 года Лассаль напряженно работал над произведением, в котором хотел дать экономическое обоснование теории построения нового общества. Книга вышла в свет в феврале 1864 года. Она имела довольно длинное название – «Господин Бастиа Шульце-Делич. Экономический Юлиан, или Капитал и Труд». Это полемическое произведение, направленное против взглядов политического противника, а не стройное изложение экономической теории, тем более что оригинальной экономической концепции у Лассала не было. Он базировал свои экономические взгляды на учениях Маркса, Смита, Рикардо. Политик стремился сконструировать ту экономическую основу, которую затем подводил под свою программу общественных преобразований. В книге Лассаль рассматривает такие экономические категории, как стоимость и цена, прибыль и капитал, дает изложение трудовой стоимости Маркса³³. Лассаль считал, что в обществе существует конфликт между гражданами, имеющими собственность и живущими за ее счет, и теми, кто не имеет собственности и живет за счет заработной платы. Результат труда работающего в период рабства присваивался рабовладельцами, в период Средневековья – дворянами, в настоящее время – предпринимателями. Сейчас рабочие обладают некоторыми политическими правами, но это не делает их свободными экономически. Они являются жертвами спекуляций капиталистов, которые в свою очередь страдают от перепроизводства и конкуренции. В обществе свободной конкуренции рабочий является единственным производителем, который угнетается «непроизводящим капиталистом»³⁴. Выход из создавшегося положения Лассаль видит, в отличие от Шуль-

це-Делича, не в индивидуальной самопомощи, а в создании рабочими собственных объединений, которые будут выражать их единый экономический интерес, что в результате сделает их экономически свободными. Результатом такого объединения являются производственные ассоциации. Правда, сами они лишь переходная ступень к созданию того строя экономики, при котором общественным будет само производство и собственность на средства производства, при котором все «доходы от производства распределяются между всеми участниками, сообразно работе каждого»³⁵. В ассоциации, предлагаемые Лассалем, должны объединиться не отдельные рабочие, а «все работники данного производства»³⁶. Ассоциации будут охватывать по отраслевому принципу все производство в обществе. Объединение в ассоциации устранит риск разорения, которому подвергаются отдельные предприниматели, ликвидирует конкуренцию и обеспечит прогрессивный успех³⁷. Конкуренцию Лассаль рассматривал как явление отрицательное, которое необходимо искоренить, и сделать это можно через монополизацию производства посредством производственных ассоциаций. Лассаль предлагает варианты использования труда буржуазии в названных ассоциациях. Ее представители могут стать «интеллектуальными руководителями всякого рода», за что и будут получать «свою плату»³⁸. Далее Лассаль высказывает предположение, что отраслевые ассоциации в процессе своего развития объединятся. Создание конгломерата ассоциаций позволит устраниТЬ «раздробленность производства» и достичь решительного его подъема, оно же позволит совершать научно обоснованное распределение в обществе³⁹. Подобная ассоциативная экономика могла бы способствовать быстрому экономическому росту той страны, где она введена, и позволила бы той стране занять лидирующие позиции в мире. В мыслях, высказанных здесь Лассалем, рисуется образ экономики с плановым ведением хозяйства, с сильными монополями, с отсутствием свободной конкуренции и жесткой регламентацией. Подобная экономика представлялась Лассалем как экономика переходного периода, а потому соответствовала и государству переходного периода, которое должно быть авторитарным. Откликов экономистов на труд Лассала как на научное произведение не последовало, хотя сам автор пытался представить свой труд как весомый вклад в науку.

Как видно из вышеизложенного, интересы Ф. Лассала были многообразны. Научные публикации способствовали известности Лассала в общественных кругах, стали основой его политической концепции. Нельзя сказать, что он внес весомый вклад в науку. Как и многие другие политические мыслители, Лассаль пытался научными выкладками обосновать правоту своей концепции, хотя далеко не все разработанное политиком прошло испытание временем. Однако идеи правового государства, сотрудничества с

властью, мирного реформирования стали вос требованы впоследствии европейской социал демократией, а положения об участии рабочих

в получении прибыли предприятий («народный капитализм») оказались отчасти реализованными в XX столетии.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лассаль Ф. – Марксу К. 26 апреля 1857 г. // Письма Ф. Лассаля к К. Марксу и Ф. Энгельсу: Пер. с нем. СПб., 1905. С. 107.
- ² Lassalle F. Die Philosophie Heraklitos des Dunkel von Ephesos: In 2 Bde. Berlin, 1859. Bd. I. S. 12.
- ³ Цит. по: Онken Г. Лассаль: Пер. с нем. СПб., 1905. С. 76.
- ⁴ Lepsius R. an Lassalle F. 15 November 1857 // Lassalle F. Nachgelassene Briefe und Schriften: In 6 Bde. Stuttgart; Berlin, 1922–1925. Bd. 2. S. 133.
- ⁵ Ibid.
- ⁶ Ibid. S. 146.
- ⁷ Ibid. S. 138.
- ⁸ Ibid. S. 133.
- ⁹ Маркс К. – Энгельсу Ф. 1 февраля 1858 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 29. С. 222–223.
- ¹⁰ Розенкранц К. (1805–1879) – немецкий философ, один из учеников Гегеля, стремившийся реформировать гегелевскую философию.
- ¹¹ Лассаль Ф. Логика Гегеля и логика Розенкранца и систематическое обоснование гегелевской философии истории // Под знаменем марксизма. 1925. № 4. С. 24–25.
- ¹² Там же. С. 27.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. С. 29.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 30.
- ¹⁹ Там же. С. 32.
- ²⁰ Лассаль Ф. Философия Фихте и значение немецкого народного духа // Лассаль Ф. Сочинения: В 3 т. СПб., 1906. Т. 3. С. 15.
- ²¹ Там же. С. 22.
- ²² Там же. С. 23.
- ²³ Там же. С. 24.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же. С. 27.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Там же. С. 29.
- ²⁸ Там же. С. 30.
- ²⁹ Там же. С. 32.
- ³⁰ Lassalle F. Das System der Erworbenen Rechte: In 2 Bde. Berlin, 1860–1861. Bd. 1. S. 164.
- ³¹ Ibid. S. 165–166.
- ³² Ibid.
- ³³ Лассаль Ф. Господин Бастия Шульце-Делич. Экономический Юлиан, или Капитал и Труд // Лассаль Ф. Сочинения: В 3 т. Т. 3. С. 44–157.
- ³⁴ Там же. С. 128.
- ³⁵ Фердинанд Лассаль // Государственный социализм. Родбертус и Лассаль в избранных отрывках. М., 1925. С. 82.
- ³⁶ Там же. С. 84.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Там же. С. 86.
- ³⁹ Там же. С. 87.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Na'amah S. Lassalle. Ein neue politische Biographie. Hannover, 1971. 890 s.
2. Ramm T. F. Lassalle als Rechts-und Sozialphilosoph. Meisenheim; Wien, 1953. 225 s.
3. Wehler H. U. Sozialdemokratie und Nationalstaat. Wurzburg, 1962. 281 s.

Suvorov Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SCIENTIFIC WORKS OF FERDINAND LASSALLE

The article examines the main provisions of Ferdinand Lassalle's philosophical works and monographs on law and economics. In his philosophical publications, Lassalle defended and developed the main postulates of Hegelianism. In his *System of Acquired Rights*, the author strived to prove the legitimacy of revolutions, which he regarded as a process of “abolition-acquisition” of rights by the citizens. In his work on economics *Mr. Bastiat-Schulze von Delitzsch, the Economic Julian, or Capital and Labour*, Lassalle envisaged a society of the future, where workers would co-own the means of production. Such a society could be achieved by peaceful revolution, through reforms. Lassalle used his scientific achievements to substantiate his political theory. Not all Lassalle's ideas have stood the test of time, but some of them have subsequently been developed by the theorists of European social democracy.

Key words: Ferdinand Lassalle, Heraclitus, revolution, philosophy, economics, Hegelianism, industrial associations

REFERENCES

1. Na'amah S. Lassalle. Ein neue politische Biographie. Hannover, 1971. 890 s.
2. Ramm T. F. Lassalle als Rechts-und Sozialphilosoph. Meisenheim; Wien, 1953. 225 s.
3. Wehler H. U. Sozialdemokratie und Nationalstaat. Wurzburg, 1962. 281 s.

Поступила в редакцию 23.03.2018

НИКОЛАЙ АНАТОЛЬЕВИЧ САМОЙЛОВ

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета, директор Центра изучения Китая, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
n.samoylov@spbu.ru

ВКЛАД АКАДЕМИКА С. Л. ТИХВИНСКОГО В ИЗУЧЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В КИТАЕ*

Статья посвящена изучению научного наследия выдающегося российского историка, китаеведа и дипломата С. Л. Тихвинского (1918–2018), 100-летие со дня рождения которого отмечается в этом году. Анализируется его вклад в изучение истории Китая и становление новых направлений в этой научной области. Наибольшее внимание уделяется изучению представлений о России в Китае. Автор статьи считает, что именно С. Л. Тихвинскому, первому среди отечественных китаеведов-историков, удалось детально показать процесс эволюции образа России в Китае на всем протяжении истории российско-китайских отношений. Ученый предложил четкую и научно обоснованную периодизацию данного процесса, выделив основные этапы эволюции этого образа. С. Л. Тихвинский также доказал, что для большинства рассмотренных им периодов характерна амбивалентность восприятия России в Китае, и сумел объяснить причины такого явления на каждом из выделенных им отрезков исторического развития. Таким образом, именно С. Л. Тихвинского следует считать основоположником имагологических исследований в сфере китаеведения.

Ключевые слова: С. Л. Тихвинский, китаеведение, имагология, история Китая, образ России в Китае, российско-китайские отношения

КИТАЕВЕД, ИСТОРИК, ДИПЛОМАТ

Выдающийся российский китаевед, историк и дипломат Сергей Леонидович Тихвинский (1918–2018) родился в Петрограде 1 сентября 1918 года в семье врача. Ушел из жизни этот удивительный человек 24 февраля 2018 года, лишь немногого не дожив до своего столетия. На протяжении нескольких последних десятилетий он по праву считался главой отечественного китаеведения. Его заслуги в области изучения истории Китая были признаны в Китайской Народной Республике, где он пользовался огромным уважением и авторитетом, и во многих других странах мира.

Китаеведческую подготовку С. Л. Тихвинский получил в стенах Ленинградского университета и, хотя формально в дальнейшем он завершил свое обучение и получил диплом в другом вузе, всегда с гордостью считал себя питомцем ЛГУ, где прошло становление его как китаеведа, а его учителями были академик В. М. Алексеев и другие известные ленинградские синологи.

Карьера дипломата С. Л. Тихвинский начал в 1938 году, когда обозначилась резкая нехватка квалифицированных дипломатических кадров и был объявлен комсомольский набор в Народный комиссариат иностранных дел. В числе отобранных для этой ответственной работы оказался студент ЛГУ Сергей Тихвинский, которому пришлось экстерном сдать экзамены за 4-й курс. Практически сразу же он был привлечен к ответственной переводческой и аналитической

работе. В 1939 году он в качестве переводчика принимал участие в беседе И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова и А. И. Микояна с Председателем Законодательного юана Китайской Республики Сунь Фо (Сунь Кэ) – сыном Сунь Ятсена [6: 3]. В 1943 году Сергей Леонидович был направлен на работу в Посольство СССР в Китае, которое в годы Второй мировой войны, в условиях японской оккупации Нанкина и других китайских городов, находилось во временной столице – городе Чунцин. Работа была очень сложной и напряженной. При этом С. Л. Тихвинский не забывал и о науке. Именно в тогдашнем Чунцине зарождались контакты будущих выдающихся китаеведов второй половины XX века из разных стран мира, поскольку все они оказались в те годы на дипломатической службе во временной столице Китая. Вот что об этом писал сам С. Л. Тихвинский:

Мы часто встречались с иностранными коллегами в читальном зале американского культурного центра, которым до осени 1943 г. руководил видный американский китаевед Джон Кинг Фэрбэнк¹, и в клубе «Север – Юг», месте неформальных встреч при Китайско-britанской культурной ассоциации. Частыми гостями клуба были представитель Британского совета Джозеф Нидэм², голландский дипломат Ван Гулик³ – китаевед, специалист по китайской музыке и переводчик китайских детективов... [10: 33].

В 1945 году, завершив написание кандидатской диссертации на тему: «Принцип Сунь

Ятсена “национализм” и его внешняя политика», С. Л. Тихвинский успешно защитил ее в Москве, в Институте истории АН СССР, на заседании Ученого совета, где председательствовал академик Б. Д. Греков. После защиты диссертации он вновь был направлен в Китай. На этот раз работал в Генеральном консульстве СССР в Бэйпине, как тогда назывался Пекин, и в итоге стал Генеральным консулом СССР. В этом качестве Сергей Леонидович 1 октября 1949 года присутствовал на торжественной церемонии провозглашения Китайской Народной Республики и принимал участие в мероприятиях, посвященных этому событию. В тот же вечер ответственный сотрудник МИД КНР передал ему официальное письмо министра иностранных дел Китая Чжоу Эньляя советскому руководству, в котором было сказано о стремлении нового китайского правительства установить дипломатические отношения с Советским Союзом. Благодаря оперативности С. Л. Тихвинского это послание было незамедлительно передано в Москву, и уже 2 октября Советское правительство уведомило Центральное Народное Правительство Китая о решении признать КНР и установить дипломатические отношения. Буквально через несколько месяцев после этого С. Л. Тихвинский участвовал в подготовке визита Мао Цзэдуна в Москву, завершившегося подписанием исторического советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи. Он сопровождал китайского лидера до советской границы. Сам Сергей Леонидович так вспоминал об этом:

А 6 декабря [1949 г.] я сел на специальный поезд Пекин – Москва и сопровождал Мао Цзэдуна, когда тот отправился в свою первую поездку в Москву для участия в торжествах по случаю 70-летнего юбилея Сталина. Я провожал на поезде Мао Цзэдуна до советской границы. Там Мао пересел уже в советский поезд, а я тогда сфотографировал его на память [11].

В 1950 году С. Л. Тихвинскийоказал активную помощь в подготовке дипломатических кадров нового Китая: по личной рекомендации Чжоу Эньляя он прочитал курс лекций для молодых китайских дипломатов в Народном университете Китая. В дальнейшем Сергей Леонидович еще долгое время трудился в центральном аппарате Министерства иностранных дел СССР, занимая должности заведующего отделом Азии управления по планированию внешнеполитических мероприятий МИД (1965–1975), начальника Историко-дипломатического управления (1975–1980) и т. д. Он также некоторое время находился на дипломатической работе за рубежом: был советником Посольства СССР в Великобритании (1953–1956) и главой Представительства СССР в Японии (1956–1957), сыграл важную роль в процессе восстановления дипломатических отношений между СССР и Японией [9: Кн. 4: 63–183].

В 1980–1986 годах занимал пост ректора Дипломатической академии МИД СССР.

В 1950-х годах С. Л. Тихвинский обратился к активной научной деятельности, став признанным главой советской школы исторического китаеведения. В 1953 год ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук за диссертацию «Движение за реформы в Китае в конце XIX века». В 1981 году он был избран действительным членом Академии наук по Отделению историко-филологических наук. В 1959–1963 годах он заведовал кафедрой истории стран Востока МГИМО МИД СССР. В 1960 году был назначен директором Института китаеведения АН СССР, в 1961–1965 годах занимал должность заместителя директора Института востоковедения АН СССР, в 1981–1988 годах был академиком-секретарем Отделения истории АН СССР. В 1988–2000 годах – главный редактор журнала «Новая и новейшая история».

С. Л. Тихвинский многие годы являлся председателем Правления Общества российско-китайской дружбы; был избран действительным членом Академии общественных наук КНР, Болгарской академии наук, Флорентийской академии дель Арти Дизеньо, почетным членом Королевской шведской академии словесности. Академик С. Л. Тихвинский – автор 9 монографий и свыше 600 статей по истории Китая, Японии, внешней политики СССР и международных отношений, участник бесчисленного количества международных научных конференций, съездов и симпозиумов. В 1999 году ему была присуждена Государственная премия РФ за цикл работ о реформах и революциях в Китае. Он был инициатором и ответственным редактором многотомной серии «Русско-китайские отношения. Материалы и документы» и главным редактором академического издания «История Китая с древнейших времен до начала XXI века».

ВКЛАД С. Л. ТИХВИНСКОГО В ИСТОРИЧЕСКУЮ НАУКУ

Вклад академика С. Л. Тихвинского в историческую науку трудно переоценить. Помимо собственно истории Китая он занимался изучением истории международных отношений, истории связей нашей страны с Китаем, Японией и другими государствами, некоторыми вопросами всемирной истории. Хотя, безусловно, история Китая всегда была ему наиболее близка, и именно в этой области он сумел достичь очень многое. С. Л. Тихвинский первым в нашей стране начал серьезно и основательно заниматься изучением китайской общественной мысли Нового времени. Его докторская диссертация и опубликованная на ее основе монография были посвящены исследованию реформаторского движения в Китае в конце XIX века, а также личности и взглядов его лидера – крупнейшего китайского

мыслителя Кан Ювэя. Вторая историческая фигура, постоянно находившаяся в сфере научных исследований С. Л. Тихвинского, – это лидер революционного движения в Китае на рубеже XIX и XX веков Сунь Ятсен. Книга С. Л. Тихвинского «Сунь Ятсен. Внешнеполитические воззрения и практика (Из истории национально-освободительной борьбы китайского народа)» (М., 1964), наряду с работами профессора Ленинградского университета Г. В. Ефимова, стала важнейшим вкладом в дело изучения истории становления и развития революционно-демократической мысли Китая. В 1996 году была опубликована монография С. Л. Тихвинского «Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949: По материалам биографии Чжоу Эньляя» (М., 1996), посвященная актуальным вопросам развития революционного движения в Китае в XX веке. Таким образом, на протяжении всего долгого периода своей научной деятельности он постоянно занимался изучением соотношения революционного и реформаторского направлений в социально-политической истории Китая и в истории китайской общественной мысли (как сейчас принято говорить: революционизма и реформизма), создавая фактографическую и методологическую основу для следующих поколений исследователей.

Не менее значительный вклад С. Л. Тихвинский внес в изучение общих, концептуальных вопросов истории Китая, что отразилось как в его монографии «История Китая и современность» (1976), так и в вышедшей под его редакцией «Новой истории Китая» (1972). К числу общих проблем китайской истории, которыми он занимался, можно отнести: завоевание Китая монголами, маньчжурское владычество в Китае, реформы периода политики «самоусиления» (1860–1895), Синьхайскую революцию и др. Значительная часть научных трудов С. Л. Тихвинского переведена на китайский язык и издана в КНР.

Ценнейшим вкладом в дело изучения истории российско-китайских отношений явилось начавшееся по инициативе С. Л. Тихвинского и осуществленное под его редакцией и при его самом активном участии издание многотомной серии архивных документов «Русско-китайские отношения. Материалы и документы». В настоящее время любой серьезный исследователь, в той или иной мере занимающийся изучением истории отношений нашей страны с Китаем или соприкасающейся с этими вопросами, не может обойтись без содержащихся в многочисленных томах данной серии архивных документов и материалов.

Огромное значение для развития отечественной науки о Китае имеет завершенное недавно 10-томное академическое издание «История Китая с древнейших времен до начала XXI века», ответственным редактором которого также является С. Л. Тихвинский. Ничего подобного в отечественной исторической науке до настоящего

времени еще не было, а Сергей Леонидович, не взирая на свой почтенный возраст, лично проделал гигантскую работу по редактированию всех десяти томов этого уникального издания.

Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что благодаря активной научной деятельности академика С. Л. Тихвинского к настоящему времени отечественным китаеведением созданы фундаментальные труды, которые могут служить методологической основой для реализации новых научных исследований в этой области. Работы академика С. Л. Тихвинского вносят огромный вклад не только в изучение Китая, но и в становление парадигмальных установок современной отечественной исторической науки в целом. Вполне можно согласиться с утверждением С. Г. Лузянина о том, что академик С. Л. Тихвинский в своих работах

предлагает некую культурно-цивилизационную парадигму развития человечества за прошедшие триста лет, органично сочетающую в себе два принципа: 1) историзма (взгляд на XX век через базовые явления прошедших трех столетий) и 2) многомерности, плюрализма и взаимозависимости мира [2: 59].

С. Г. Лузянин обращает внимание на то, что методология С. Л. Тихвинского

позволяет выйти на структурный анализ таких сложных и неоднозначных проблем, как вызовы глобализации и устойчивого развития; культура в узком (прикладном) смысле и широком (международно-политическом) контекстах; соотношение революций и реформ; локальная, региональная и глобальная неравномерность развития [2: 59]

К этим абсолютно правильным утверждениям, по нашему мнению, следует добавить и то, что основные идеи, сформулированные в работах С. Л. Тихвинского, посвященных истории и международным отношениям Китая [9], могут представлять собой методологическую основу изучения истории Китая и китайской внешней политики с новых концептуально-теоретических позиций. В своих исследованиях С. Л. Тихвинскому удалось охватить практически всю историю Китая, демонстрируя восприятие характерных черт развития китайской цивилизации как единого целого, и объяснить многие цивилизационные основы внутренней жизни Китая и развития общественной мысли в этой стране в Новое время. Он также исследовал специфические особенности китайской внешней политики в неразрывной связи с ее традиционными историками и историческими корнями. В его работах отчетливо прослеживается стремление выявить и охарактеризовать неразрывную связь социально-экономических и социально-политических процессов, происходивших на протяжении всей истории Китая, и в особенностях в Новое время, с культурной составляющей, а также продемонс-

тировать их влияние на взаимодействие Китая с другими странами и народами.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ИМАГОЛОГИЯ

В настоящее время все более очевидным становится тот факт, что комплексное изучение взаимоотношений между государствами и народами (как в исторической перспективе, так и применительно к современности) помимо рассмотрения факторов экономического, политического и культурного характера должно включать в себя тщательное исследование образов того или иного народа (страны), присутствующих в общественной мысли и обыденном сознании других народов. Постоянно присутствующий образ «другого» не только влияет на отношения между отдельными людьми, что достаточно очевидно, но и оказывает воздействие на взаимодействие социумов и культур, а также на формирование политики того или иного государства в отношении другого (см., например: [3]). Данный фактор в настоящее время все более учитывается в международной деятельности многих государств и их внешнеполитической пропаганде, являясь в значительной степени определяющим при формулировании очень популярной в данный момент политики «мягкой силы». Поэтому одним из существеннейших моментов международных отношений в наше время оказывается вопрос о том, какое впечатление производят государства и их представители на международной арене, каков имидж той или иной страны в мировом сообществе. Вместе с тем исследования последнего времени убедительно доказали существование образов и стереотипов восприятия одних народов другими на протяжении всей истории, а также воздействие предшествующих исторических форм на последующее их развитие. Исходя из этого изучение эволюции государственных и этнических образов и стереотипов в исторической перспективе становится чрезвычайно актуальным как в научно-теоретическом, так и в прикладном смысле. По этой причине очень важно не только прослеживать эволюцию образов различных народов, определяя динамику их развития в пространственно-временном континууме, но и выявлять при этом причины возникновения и устойчивости образов «чужих» народов в рамках «своей» национальной духовной традиции.

Можно констатировать, что процессы формирования образов и стереотипов являются неотъемлемой составной частью общего процесса взаимодействия социумов и культур. Исследования их природы приобретают в настоящее время все более широкое распространение и ведутся путем применения методов самых разных наук. Сегодня можно однозначно констатировать появление вполне сформировавшегося междисциплинарного научного направления – *имагологии*.

В настоящее время имагология рассматривается большинством исследователей как

общегуманитарная научная дисциплина, занимающаяся изучением складывания, восприятия и преобразования образов чего-либо (страны, народа, культуры и т. д.) [7: 122].

Основным предметом имагологических исследований является образное восприятие «чужого» представителями различных этносов, культур и стран. В последнее время спектр гуманитарных наук, методы и приемы которых используются в данном междисциплинарном направлении, пополнился историей, филологией и культурной антропологией. Без их данных, по нашему мнению, невозможно понять динамику, механизмы и характерные черты формирования и эволюции конкретного образа государства или народа и превращения существующих представлений в более или менее устойчивые стереотипы. С точки зрения историков, равно как и тех, кто осуществляет свои исследования в рамках антропологии культуры, стремление познать иную культуру позволяет человеку выйти за пределы своего мира и войти в другие «культурные миры». Поэтому в наше время, когда процесс формирования образа «чужой» культуры происходит во многом целенаправленно, а также в условиях углубления процесса глобализации, подобные исследования становятся все более актуальными.

В общем контексте имагологических исследований историческая имагология, изучающая существовавшие в прошлом образы и стереотипы восприятия иных народов и государств, а также их эволюцию, предоставляет чрезвычайно важный материал для понимания особенностей взаимовосприятия народов в настоящее время. Следует отметить, что имагологическая проблематика занимает все более существенное место и в китайской науке. Первым термин «имагология» (形象学) употребил китайский ученый Мэн Хуа [13] в 2000 году. Через некоторое время после этого в Китае началось планомерное изучение эволюции образов и стереотипов взаимовосприятия народов, в том числе формирования и эволюции взаимных образов Китая и России. В этой связи следует выделить интересные и фундированные работы Сунь Фана и Чэнь Цзиньпэна [14] и Ли Суйаня [12], охватывающие большой исторический период. В последнее время начались совместные исследования российских и китайских ученых в области исторической имагологии [5].

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ОБРАЗА РОССИИ В КИТАЕ В ТРУДАХ С. Л. ТИХВИНСКОГО

Рассматривая указанную проблематику, следует особо отметить, что именно академик С. Л. Тихвинский одним из первых в нашей стране начал заниматься изучением истории форми-

рования и эволюции образа России в Китае, став таким образом зачинателем имагологических исследований в области китаеведения. Его книга «Восприятие в Китае образа России» [8] стала первым серьезным научным исследованием в данной области и получила очень высокие оценки специалистов-китаеведов (см.: [1], [4]), заняв достойное место в процессе становления исторической имагологии. В авторском предисловии С. Л. Тихвинский следующим образом описал причины и цель написания этой книги:

В целом на протяжении 400 лет отношения России с Китаем носили добрососедский характер, но бывали и периоды ухудшения отношений и, соответственно, негативного восприятия России в Китае [8: 5].

Поэтому, «обобщив личные впечатления от многолетнего общения с представителями различных кругов китайского общества, а также письменные и устные свидетельства о восприятии китайцами образа России (Советского Союза) на различных этапах российско-китайских отношений», автор рассмотрел как «преимущественно доброе отношение китайцев к России и россиянам», так и причины живучести отдельных негативных стереотипов восприятия. Выполняя поставленные перед собой исследовательские задачи, С. Л. Тихвинский сумел тщательно отобрать необходимый материал, содержащийся в китайских источниках соответствующих исторических периодов, и проанализировать его на основе сформулированной им научной концепции. В этой книге он представил подробный обзор и анализ эволюции образа России в Китае от возникновения первых контактов в эпоху династии Юань (1271–1368) до наших дней. Очень пристальное внимание он уделил формированию этого образа в период правления маньчжурской династии Цин в Китае (1644–1911), поскольку именно данная эпоха стала временем зарождения и становления как позитивных, так и негативных образов и стереотипов восприятия России и русских на территории Китая. Например, как отмечает С. Л. Тихвинский, когда произошли первые столкновения маньчжурских военных отрядов с русскими казаками и поселенцами в Приамурье, то неведомых «светловолосых, голубоглазых незнакомцев», хорошо вооруженных и начавших хозяйственное освоение приамурских земель, маньчжуры стали именовать «лоча», что значит «демоны» (это слово восходит к санскритскому слову «ракшас») [8: 9]. Это было вызвано серьезными опасениями маньчжурских правителей, боровшихся за утверждение своей власти в Китае после падения династии Мин. И существенно то, что данное наименование имело достаточно долгое хождение.

В последующих разделах С. Л. Тихвинский скрупулезно собрал имеющиеся свидетельства послов Цинской империи, побывавших в России, а также данные иных цинских источников

о нравах и обычаях русских людей, как они были ими изложены, что, безусловно, являлось свидетельством весьма специфического восприятия российской действительности в цинском Китае сквозь своеобразную призму традиционной китайской картины мира. Там же он приводит сведения о контактах между русскими людьми и подданными империи Цин в Пекине, имевшими место после того, как туда стали отправляться русские торговые караваны и начала действовать Российская Духовная Миссия. Так, например, в приведенных в книге фрагментах из сочинения Чунь Юаня «Записки об увиденном и услышанном в Западном крае» (1777) содержатся следующие слова:

Россия есть большое государство... Государь ее называется ханом... Ни мужчины, ни женщины не умеют сидеть, поджав ноги... При свидании с родными, друзьями и гостями не делают ни коленопреклонения, ни наклонения головы, но за учтивость ставят свести уста с устами (поцеловаться). Любят чай, но пьют его с сахаром [8: 31].

На этом примере автор показывает, что в сочинениях цинских авторов XVIII – начала XIX века реальные сведения о России соседствовали с весьма сомнительной информацией («русский государь называется ханом»), а их авторы часто акцентировали внимание на различиях в поведении и обычаях китайцев и русских (не умеют сидеть, поджав ноги; любят чай, но пьют его с сахаром и т. д.).

Следующий этап эволюции образа России в Китае С. Л. Тихвинский относит к периоду присоединения России к колониальной политике западных держав в Китае (1858–1917) [8: 37–55]. Он обращает внимание на амбивалентность образа России в Китае в указанный период, когда негативные и позитивные представления и стереотипы восприятия России соседствовали друг с другом, а иногда присутствовали в сочинениях одних и тех же авторов.

В следующем разделе С. Л. Тихвинский показал существенное воздействие Октябрьской революции 1917 года и последующих событий в России на формирование новых представлений о нашей стране в Китае. Большое внимание он уделил вопросу о воздействии на Китай русской и советской литературы, показал, что именно наша литература существеннейшим образом повлияла на рост симпатий к нашей стране и формирование позитивного образа [8: 80–104].

Особое место в его исследовании занимают проблемы эволюции образа России в Китае и в особенности вопрос о том, как происходил этот процесс после образования КНР: от «старшего брата» в первое десятилетие истории Китайской Народной Республики, когда китайцы осознавали значение той помощи, которую оказывал их стране Советский Союз, к «социал-империалистам», как называли нас в Китае в период так называе-

мой Великой пролетарской культурной революции (1966–1976), и наконец – к стратегическому партнерству и добрососедству в наши дни.

Таким образом, именно С. Л. Тихвинскому первому среди отечественных историков-китаеведов удалось детально показать процесс эволюции образа России в Китае на всем протяжении российско-китайских отношений. Он предложил четкую и научно обоснованную периодизацию данного процесса, выделив основные этапы эволюции этого образа. С. Л. Тихвинский также доказал, что для большинства рассмотренных им периодов характерна амбивалентность восприятия России в Китае, и сумел объяснить причины такого явления на каждом из выделенных им отрезков исторического развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. ЛИЧНЫЙ ВКЛАД С. Л. ТИХВИНСКОГО В ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА РОССИИ В КИТАЕ

В предисловии к своей книге «Восприятие в Китае образа России» С. Л. Тихвинский пересказал пессимистичное высказывание Марка Аврелия из драмы Шекспира «Юлий Цезарь»:

…зло, творимое людьми, живет дольше их самих, в то время как память о добрых делах, которые они совершали, обычно хоронят вместе с костями [8: 5].

В данном случае он метафорически высказал мысль о том, что действия и события, формирующие негативные образы, оказывают более долгосрочное воздействие нежели явления, влияющие на позитивное восприятие. В то же время всей своей деятельностью (научной, дипломатической и общественной) Сергей Леонидович опровергал данную мысль, демонстрируя то, как можно активно влиять на создание положительного

образа своей страны и народа в другой стране, формирующегося и надолго сохраняющегося в памяти людей. На любом посту и в любом месте, представляя наше государство и нашу науку, он демонстрировал любовь и уважение к Китаю, китайскому народу, китайской культуре, традициям и обычаям этой страны, в то же время всегда твердо отстаивая интересы нашего государства и наши научные позиции. Сочетая в себе таланты ученого и дипломата, он после ухода с дипломатической работы в Министерстве иностранных дел стал блестящим представителем «народной дипломатии», налаживая отношения России с Китаем, Японией, Индией, Цейлоном, Бангладеш и другими государствами [9: Кн. 4: 405–434]. Достаточно напомнить, что именно оперативность С. Л. Тихвинского способствовала скорейшему признанию Китайской Народной Республики Советским Союзом уже на следующий день после образования КНР, а в 1950 году в Народном университете Китая он организовал подготовку нового поколения дипломатов для МИД КНР, о чем в Китае помнят и поэтому с глубочайшим уважением относятся к Сергею Леонидовичу. Показательно, что на очень представительном международном научном форуме «Китаеведение в XXI веке», проходившем в 2001 году в Пекинском университете иностранных языков, где более сотни китаеведов из семидесяти с лишним стран мира обсуждали перспективы изучения Китая в новом столетии, именно С. Л. Тихвинскому организаторы предоставили право выступить с приветственным словом от имени китаеведов всего мира. Это выступление было встречено бурной овацией всего зала, свидетелем чего посчастливилось быть автору данной статьи, также участвовавшему в этом научном форуме.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-21-49001-ОГН («Образ России и Запада в Китае в XX веке: эволюция, преемственность и фактор случайности»).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Джон Кинг Фэрбэнк (1907–1991) – один из крупнейших американских китаеведов XX века, профессор Гарвардского университета, основоположник многих научных направлений в китаеведении, автор многочисленных трудов по истории Китая, основатель Центра Восточноазиатских исследований Гарвардского университета, ныне носящего его имя.

² Джозеф Нидэм (1900–1995) – британский ученый широкого профиля: биохимик и эмбриолог. Увлекаясь китаеведением, стал широко известен своими фундаментальными исследованиями традиционной китайской цивилизации и китайской науки. Член Лондонского королевского общества по развитию знаний о природе и Британской академии наук, удостоен членства в Ордене кавалеров чести. Профессор и почетный член многих университетов мира, почетный советник ЮНЕСКО, иностранный член Академии наук Китая, Королевской Датской академии и др. В Кембридже существует Исследовательский институт имени Дж. Нидэма, занимающийся исследованиями в области науки, технологий и медицины стран Восточной Азии. Кафедра китайского языка Кембриджского университета в 2008 году также была названа именем Дж. Нидэма.

³ Роберт Ханс ван Гулик (1910–1967) – нидерландский востоковед, дипломат, писатель и переводчик. Один из самых эрудированных синологов XX века. Автор фундаментальной научной монографии «Сексуальная жизнь Древнего Китая». Также широко известен как автор цикла детективных повестей о средневековом китайском судье Ди.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бурков В. Г., Титаренко М. Л. Восприятие в Китае образа России (к выходу новой книги академика С. Л. Тихвинского) // Новая и новейшая история. 2009. № 2. С. 109–114.
- Лузянин С. Г. Восток в мировой истории: Эссе по произведениям академика С. Л. Тихвинского // Раздвигая горизонты науки: К 90-летию академика С. Л. Тихвинского. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 58–76.

3. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
4. Поряков В. Я. Рецензия: Тихвинский С. Л. Избранные произведения: М.: Наука, 2012. Кн. 6. Дополнительная. 376 с. // Проблемы Дальнего Востока. 2013. № 1. С. 180–182.
5. Самойлов Н. А., Ли Суянь. Образ Советского Союза в китайских учебниках 1950-х годов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение, африканистика. 2012. № 4. С. 14–22.
6. Сергей Леонидович Тихвинский / Сост. В. П. Журавлева, А. С. Ипатова, Л. В. Шутко. М.: Наука, 2008. 221 с.
7. Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
8. Тихвинский С. Л. Восприятие в Китае образа России. М.: Наука, 2008. 246 с.
9. Тихвинский С. Л. Избранные произведения, в 5-ти кн. М.: Наука, 2006; Кн. 6 (доп.). М.: Наука, 2012. 376 с.
10. Тихвинский С. Л. Китай в моей жизни. М.: Наука, 1992. 160 с.
11. Тихвинский С. Л. Я провожал на поезде Мао Цзэдуна до самой границы // Журнал «Русский мир.ru». 2009. Октябрь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/141753/> (дата обращения 29.09.2018).
12. 李穗安. 中国的俄罗斯形象 (1949–2009). 哈尔滨: 黑龙江教育出版社, 2012. 487 页。[Ли Суйань. Образ России в Китае (1949–2009). Харбин: Хэйлунцзян цзяоны чубаньшэ, 2012. 487 с.].
13. 梦华。形象学研究要注重总体性与综合性 // 中国比较文学杂志 2000 年 04 期, 1–20 页。[Мэн Хуа. Имагологические исследования требуют комплексного подхода // Чжунго бицзяо вэнсюэ цзачжи. 2000. № 4. С. 1–20].
14. 孙芳, 陈金鹏. 俄罗斯的中国形象 [Сунь Фан, Чэнь Цинъпэн. Образ Китая в России. Пекин: Жэнъминь чубаньшэ, 2010. 269 с.].

Samoylov N. A., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

ACADEMICIAN TIKHVINSKY'S CONTRIBUTION TO THE STUDIES OF RUSSIA'S IMAGE EVOLUTION IN CHINA*

The article examined the scientific heritage of an outstanding Russian historian, sinologist and diplomat Sergei Leonidovich Tikhvinsky (1918–2018), whose 100th anniversary is celebrated this year, and analyzed his contribution to the studies of Chinese history and the formation of new research directions in this field. The author pays the closest attention to academician Tikhvinsky's contribution to the studies of Russia's image in China. The author of the article believes that it was S. L. Tikhvinsky who was the first among Russian sinologists to show in detail the process of Russia's image evolution in China throughout the history of Russian-Chinese relations. He proposed a clear and scientifically based periodization of this process, highlighting the main stages of this image evolution. S. L. Tikhvinsky also proved that the majority of the periods he considered were characterized by the ambivalence of Russia's perceptions in China, and was able to explain the reasons for such a phenomenon in each segment of historical development. Thus, it was Tikhvinsky who should be considered the founder of imagological approach in Chinese studies.

Key words: Sergei Leonidovich Tikhvinsky, sinology, imagology, history of China, image of Russia in China, Russian-Chinese Relations

* This study was funded by the Russian Foundation for Basic Research as part of the research project No 17-21-49001 (“Chinese perceptions of Russia and the West during the 20th century: changes, continuities and contingencies”).

REFERENCES

1. Буров В. Г., Титаренко М. Л. Chinese perceptions of Russia's image (commemorating the release of a new book by academician Tikhvinsky). *Novaya i noveyshaya istoriya*. 2009. № 2. P. 109–114. (In Russ.).
2. Лузянин С. Г. The Orient in world history: essay on the works of academician S. L. Tikhvinskij. *Razdvigaya gorizonty nauki: K 90-letiyu akademika S. L. Tikhvinskogo*. Moscow, 2008. P. 58–76. (In Russ.).
3. Нойманн И. Usage of “the Other”: the images of the East in European identity formation. Moscow, 2004. 336 p. (In Russ.)
4. Поряков В. Я. Review: Tikhvinskij S. L. Selected works: Moskow. 2012. Vol. 6. Additional. 376 p. *Problemy Dal'nego Vostoka*. 2013. No 1. P. 180–182. (In Russ.).
5. Самойлов Н. А., Ли Суянь. Image of the Soviet Union in Chinese textbooks of the 1950s. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Ser. 13. 2012. No 4. P. 14–22. (In Russ.).
6. Sergei Leonidovich Tikhvinsky. (V. P. Zhuravleva, A. S. Ipatova, L. V. Shut'ko, Eds.). Moscow, 2008. 221 p. (In Russ.).
7. Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary. (A. O. Chubarian, Ed.). Moscow, 2014. 576 p. (In Russ.).
8. Тихвинский С. Л. Chinese perceptions of Russia's image. Moscow, 2008. 246 p. (In Russ.).
9. Тихвинский С. Л. Selected works in 5 volumes. Moscow, 2006. Vol. 6 (additional). Moscow, 2012. 376 p. (In Russ.).
10. Тихвинский С. Л. China in my life. Moscow, 1992. 160 p. (In Russ.).
11. Тихвинский С. Л. I accompanied Mao Zedong to the border by train. “Russkiy mir.ru” Journal. 2009. October. Available at: <http://www.russkiymir.ru/media/magazines/article/141753/> (accessed 29.09.2018). (In Russ.).
12. 李穗安. 中国的俄罗斯形象 (1949–2009). 哈尔滨: 黑龙江教育出版社, 2012. 487 页。[Ли Суйань. Image of Russia in China (1949–2009). Harbin, 2012. 487 p.].
13. 梦华。形象学研究要注重总体性与综合性 // 中国比较文学杂志 2000 年 04 期, 1–20 页。[Мэн Хуа. Imagological studies require a complex approach // Chinese Journal of Comparative Literature. 2000. No 4. P. 1–20].
14. 孙芳, 陈金鹏. 俄罗斯的中国形象 [Сунь Фан, Чэнь Цинъпэн. Image of China in Russia. Beijing, 2010. 269 p.].

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЕРЕМИН

кандидат исторических наук, педагог дополнительного образования факультета довузовского образования и профессиональной ориентации, Орловский государственный университет (Орел, Российская Федерация)
eremin_a6@mail.ru

ОБРАЗ ОБЫДЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ ЭКСТЕРНА ГИМНАЗИИ В АВТОБИОГРАФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Активизация изучения исторической культуры способствует формированию новых проблемных полей и поиску новых источников изучения. Использование методик источниковедения историографии для изучения исторического сознания показало информационный потенциал учебных сочинений (рефератов) исторического содержания. Эти же приемы изучения применены к жизнеописаниям (автобиографиям) экстернов, представлявшимся для прохождения испытаний зрелости (выпускных экзаменов) в гимназии. Выявлен образ обыденного исторического мышления в автобиографии экстерна А. Ф. Диесперова (1903). Источниковедческое изучение условий порождения автобиографии позволило отнести ее к делопроизводственной документации. Не предписанное делопроизводственными нормами использование исторических понятий в процессе самоопределения экстерна рассматривается в качестве феномена обыденного исторического мышления. Установлено, что употребление экстерном понятий «историческая точка зрения», «историческая перспектива», представлений о разных режимах времени было привычным способом его мыслительной деятельности. Зафиксированная в автобиографии совокупность понятий исторического характера является достоверным образом исторического мышления автора. На этом основании высказывается предположение, что значение автобиографий экстернов в корпусе источников изучения исторической культуры нового времени определяет сочетание в них свойств делопроизводственной документации и источников личного происхождения, что позволяет обоснованно отделять мыслительную деятельность от имитирующих ее практик.

Ключевые слова: абитуриенты, экстерны, испытания зрелости, делопроизводственные материалы, автобиография, источниковедение историографии, обыденное историческое мышление, фрагментарность памяти, историческая точка зрения, историческая перспектива

Комплексное изучение феномена исторической культуры, ведущееся в рамках программы культурно-интеллектуальной истории, по замечанию Л. П. Репиной, позволяет видеть явления в широком контексте социального опыта, исторической ментальности и общих процессов духовной жизни общества, включающем и теоретическое, и идеологическое, и обыденное сознание. Л. П. Репина подчеркнула «неразрывное единство категорий сознания и категорий мышления в историческом анализе человеческой субъективности» [12: 7, 8]. В конкретных исследованиях необходимо отличать понятия «мышление» и «сознание». Соотношение этих понятий можно проследить в работах С. И. Маловичко. Он проводит деконструкцию сочинений (рефератов) гимназистов середины XIX века на исторические темы с целью проследить на индивидуальном примере поведение общественного исторического сознания, конструирующего прошлое [6]. В итоге не называет буквально, но констатирует в «дискурсивном поведении» автора сочетание проявлений иррационального, спекулятивного и научного мышления [7: 414–415], то есть именно такое переплетение совокупности

интеллектуальных операций, направленных на конструирование субъектом исторической реальности, которое называют *обыденный стиль исторического мышления* [4: 312–313]. Таким образом, использованные в ученических текстах сведения исторического содержания в сгруппированном и систематизированном виде представляют собой образы общественного исторического сознания. Тогда как употребление исторической аргументации для представления иных тем является осуществлением интеллектуальных операций, то есть обыденным историческим мышлением.

Исследователи исторической культуры, осваивая новые проблемные поля, обращаются к новым источникам изучения. По мнению М. С. Бобковой, «главными критериями отбора “текста” для изучения служат его сосредоточенность на информации о прошлом, объем и значение этой информации в данном “тексте”» [2: 8]. В последние годы С. И. Маловичко, а также А. А. Сальникова [14] и И. В. Нарский [9] актуализировали тексты, выполненные учащимися, для изучения общественного исторического сознания. Школьные тексты, используемые этими авторами,

выходили за рамки учебных программ и планов. К тому же исследователи не акцентировали внимание на том, как влияло целевое назначение источника на особенности его содержания. По нашему мнению, предпочтительнее использовать тексты, порожденные в среде учебной повседневности. Например, целостный локально ограниченный комплекс сочинений на отвлеченную тематику позволяет выявить коммуникации между авторами в процессе выполнения задания и на этом основании отделить в текстах рациональное поведение, направленное на получение положительной оценки, риторику и интеллектуальные операции [3].

Вне поля зрения историков, использующих школьные тексты, остаются автобиографии (жизнеописания) экстернов, представлявшиеся для прохождения испытаний зрелости (выпускных экзаменов) в гимназии. Для допущения к испытаниям зрелости экстерны направляли комплект документов, среди которых было «ими самими написанное на русском языке собственное жизнеописание». Правила об испытаниях в гимназиях и прогимназиях (1891) предписывали сообщить в жизнеописании, «обучался ли (экстерн. – А. Е.) прежде в какой-либо гимназии» и указать

точные сведения, в какой университет и по какому его факультету, или в какое высшее специальное, или на какое поприще практической деятельности они имеют в виду непосредственно поступить¹.

В остальном содержание жизнеописаний зависело от усмотрения авторов. Отступления от заданных тематических канонов особенно интересны, так как они могли быть тем существенно важным для автора, что не предусматривалось формуляром делопроизводственного документа. Экстерны по-разному называли требовавшиеся от них описания своей жизни. Значительная часть, в том числе А. Ф. Диесперов, озаглавливали тексты более привычным словом *автобиография*. Не вступая здесь в дискуссию о значении использования терминов *источники личного происхождения* и *его-документ*, отметим, что, по нашему мнению, дело не столько в том, о каких явлениях ищет сведения исследователь. Важнее найти способ наиболее обоснованной оценки информационного ресурса источника. Это позволяет делать установление первичной социальной функции документа, вызвавшей его появление и бытование.

Автобиографии экстернов не предполагали использование исторических понятий и сюжетов, однако они могут быть использованы для изучения особенностей исторического сознания и исторического мышления, потому что автобиографический жанр, широко представленный в школьных программах и повседневном чтении в России, формировал привычки проводить более или менее осознанное разделение своей жизни на периоды (детства, отрочества, юности), размышлять о свя-

зах прошлого, настоящего и будущего, отбирать и оценивать наиболее значимые события.

Автобиографии признаны важным источником едва ли не во всех направлениях гуманитарных исследований [1]. Выявлена их разветвленная внутрикановая структура, сформулированы концепции функционирования исторического компонента индивидуальной автобиографической памяти [10], автобиографии социальных микрогрупп используют в качестве основы источников базы исследований духовного сословия, для изучения гендерной истории науки [11]. Автобиографии, возникшие и бытовавшие в разных социальных обстоятельствах, изучены неравномерно. Автобиографии экстернов гимназий выпали из внимания историков. Возможно, что причины этого, как и игнорирование автобиографий деятелей российского революционного движения начала XX века, лежат, по меткому замечанию А. Эткинда, в их чрезмерной доступности [15: 57].

Объектом изучения в данной статье является автобиография экстерна Орловской гимназии 1903 года А. Ф. Диесперова². Цель статьи – выявить в автобиографии проявления обыденного исторического мышления и оценить информационные и интерпретационные возможности отдельной автобиографии экстерна. Необходимый исследовательский инструментарий для этого предлагает практика источниковедения историографии [8].

Итак, у нас в руках подлинник автобиографии экстерна Орловской гимназии. Ее автор, Александр Федорович Диесперов (1883–1931), впоследствии получит известность как литератор «второго ряда» и исследователь историко-философской проблематики³. Имеет страницу на сайте «Поэзия Московского университета».

Автобиография написана уверенным каллиграфическим почерком без исправлений на двух листах писчей нелинованной бумаги. При первичном прочтении обращает на себя внимание то, что текст тщательно проработан, вычитан, наполнен аллюзиями и деталями, по качеству выполнения и содержанию выходит за рамки требований к этому делопроизводственному документу гимназии. Отсутствие помарок и повторений, прямое и скрытое цитирование указывают на то, что изучаемому тексту предшествовали черновые записи.

В автобиографии перекликаются несколько взаимосвязанных основных и второстепенных содержательных планов. На фоне последовательности событий жизни автора представлены ключевые для него проблемы самоидентификации. Отдельные смысловые части автобиографии самодостаточны, их событийное и хронологическое развертывание не суммирует, а умножает значения. Если нарративно разделить жизнеописание на фрагменты и поменять их местами, то от этого

смысл всего текста не изменится. В нем приведены библейское, латинские и французские изречения; назван Ф. Бэкон; употреблены понятия: память, абсолютная и историческая точка зрения, историческая перспектива.

Конкретные обстоятельства написания автобиографии отметил сам автор. Диесперов, как и многие его сверстники в конце XIX – начале XX века, зарабатывал на жизнь репетиторством начиная с пятого класса Ливенского реального училища. После окончания реального училища он давал уроки по математике своему товарищу. В качестве оплаты за уроки ему было предложено остаться на зиму в деревне, чтобы самому готовиться к экзамену на аттестат зрелости.

Я согласился и прожил там до половины марта сего (1903. – A. E.) года за *уединенными занятиями древними языками* (здесь и далее выделено мною. – A. E.). Но все-таки срок нескольких месяцев (с июля по март, то есть семь месяцев. – A. E.) оказался слишком мал, и теперь мне приходится *неуверенной рукой подавать прошение*, ибо подготовка моя еще не закончена⁴.

Выделенные курсивом выражения имеют существенное значение для понимания условий порождения автобиографии.

«За уединенными занятиями древними языками» в отдаленном имении в Орловской губернии Диесперов изучал латинский и греческий языки. С 20 июня 1902 года греческий язык как обязательный предмет был отменен, но в 1903 году его еще сдавали все абитуриенты гимназии. Впоследствии греческий изучали и сдавали только те, кто собирался продолжить обучение на историко-филологическом факультете [5]. Употребленный оборот *«неуверенной рукой подавать прошение»* указывает на сомнения в выборе факультета. Таким образом, Диесперов не был уверен в своих познаниях по древним языкам и решил продолжить обучение на физико-математическом факультете Московского университета. Заметим, что в 1906 году он все же перевелся на историко-филологический факультет, а университет окончил только в 1913 году (диплом 1-й степени получил в 1915 году). К тому же Диесперов употребил философский термин «*грег се*», восходящий к учению Ф. Аквинского, привел по памяти хрестоматийно известное изречение Ф. Бэкона из «Нового органона» (1620) о «неточном отражении явлений в неровном зеркале нашей личности». Как видим, он был знаком с философской проблематикой, размышлял о возможности обучения на историко-филологическом факультете.

Диесперов обронил фразу о «нелюбви к естественным наукам, отвращении к прикладному знанию и склонности к умозрению»⁵. В гимназическом образовании и предстоящих испытаниях зрелости было как раз то, что отвечало его «склонности к умозрению». Экзаменаторам предписывалось руководствоваться

общим правилом, что испытание зрелости не есть испытание в памяти, а в том, развита ли в молодом человеке способность соответствующего его возрасту мышления, имеет ли он ясный, верно действующий ум, правильное и здравое суждение⁶.

Вероятно, что сложное построение автобиографии было связано с тем, что Диесперов сознательно стремился произвести впечатление на будущих экзаменаторов начитанностью, умением рассуждать и аргументировать.

Рассмотрим подробнее особенности использования автором приемов мышления. Ключевым для изучаемого текста является высказывание о фрагментарности памяти, которая фиксирует

немногие эпизоды, неизвестно почему запомнившись <...> по ним теперь уже трудно, почти невозможно прочесть повесть прошлых дней, то же, что еще и до сих пор удержалось в памяти, часто неполно, сбивчиво, состоит из обрывков фраз, обрывков картин, порой из мельчайших деталей забытого общего, состоит, одним словом, из кусков мозаики, реставрировать которую уже нельзя⁷.

Ограниченные возможности человека понять свое недавнее прошлое Диесперов распространял не только на детство, но и на другие отрезки жизни. Его привлекали противоречия и загадки мышления. Разные взгляды

не могут быть равно справедливы при абсолютной точке зрения, но, безусловно, справедливы при исторической; с этой последней и нужно судить о них: они, как и все вообще взгляды и убеждения, касающиеся жизни и определяющие наше отношение к ней, принадлежат к числу органических, т. е. могут расти, стареться, проходить с человеком все возрасты и для каждого возраста быть справедливыми и ни в каком возрасте не обладать абсолютною истиной⁸.

Перед нами обыденная версия популярной во второй половине XIX – начале XX века теории органического развития. Автобиография не дает оснований утверждать, что источником восприятия теории могли быть построения авторов государственной школы русской историографии. Скорее это было воздействие взглядов Г. Спенсера. Очевидно, что приведенное высказывание не являлось воспроизведением случайно услышанного или прочитанного модного научного мнения, так как оно вплетено в актуальные размышления автора.

Существенное место в автобиографии занимают размышления о восприятии времени в обыденной жизни. Диесперов не ограничился традиционными для этого жанра линейными рассказами об отдельных событиях детства, отрочества, юности. Он говорит еще и о «первой», «трудовой и плодотворной» юности, молодости, зрелости и старости. Он рассуждает из настоящего о своем прошлом и будущем. Двадцатилетний автор видел зенит, но не конец жизни человека в возрасте пятидесяти лет, что примерно равно продолжительности жизни мужчин в

России того времени. Он подошел к пониманию различной протяженности времени в рамках одной человеческой жизни. Вспомнил годы учения в Брянском городском училище и любимого учителя И. И. Гапонова при помощи библейской аллюзии:

...если десяти праведников было достаточно для спасения Гоморры от гибели, то даже одного хорошего человека довольно, чтобы спасти целую эпоху в жизни человека от забвения и неприязненного чувства к ней⁹.

Загадку течения времени Диесперов представил в виде поэтической метафоры, характеризуя место, где он готовился к испытаниям зрелости, процитировал самого себя, ранее сказавшего по другому поводу: «...“в ста верстах от жизни и за несколько тысяч лет от нее”, как однажды я выразился». Его интересовали границы, разделяющие периоды жизни. Первым таким событием стала смерть деда, отделившая детство от отрочества:

Таким образом, похороны отделяют в моем воспоминании детство от отрочества, кадильный дым завесой задергивает первый акт моей жизни¹⁰.

В качестве критерия для оценки проживаемых времен автор использовал понятие «историческая перспектива».

Для этого (для оценки своего недавнего прошлого. – A. E.) у меня нет еще исторической перспективы. Время пребывания в реальном (Ливенском реальном училище. – A. E.) ближе ко мне, чем время пребывания в городском (Брянском городском училище. – A. E.), и потому с воспоминания о нем еще не успела спасти, так сказать, чешую личного восприятия¹¹.

Диесперов считает субъективные эмоции («чешую личного восприятия») основным препятствием для адекватного восприятия прошлого. Но эмоции забываются.

Этот момент заживления и есть тот рубеж, перейдя который мы начинаем видеть реге то прошлое, которое раньше было не чистым фактом, а – употребляя сравнение Бэкона, лишь не точным отражением его в неровном зеркале нашей личности¹².

Соединяя мысленно прожитые события, выстраивая траекторию своего будущего, заявляя о покорности судьбе и необходимости соглашаться с существующим порядком вещей, Диесперов на одной странице в разных контекстах пять раз повторил производные от слова «счастье». В делопроизводственном документе, имевшем заданные параметры содержания, он размышлял о счастье как цели жизни, хотя и не считал себя человеком счастливым. В недавней статье Л. П. Репина отметила смешение интереса программы новой культурно-исторической истории «в пространство базовых ментальных операций <...> обеспечивающих практические потребности ориентации людей в их настоящем» [13: 32,

39]. По нашему мнению, именно эту потребность ориентации в стоящих перед ним проблемах реализовал автор изучаемой автобиографии.

Таким образом, в рамках автобиографии, входившей в число обязательных документов для допуска к испытаниям зрелости, Диесперов попытался еще раз переосмыслить свое предназначение и смысл собственной жизни. В его рассказе прошлое представлено не последовательностью отдельных событий, а сочетанием не совпадавших между собой фрагментов эмоциональных воспоминаний, общепринятых оценок и субъективных представлений. Для понимания того, что действительно происходило, по мнению автора, необходима временная дистанция, или «историческая перспектива». Находясь в ситуации самоопределения и выбора жизненного поприща, он размышлял об особенностях течения времени и его восприятия человеком. Зафиксированное в источнике использование исторических терминов, представлений в разных режимах времени для решения стоявших перед автором жизненных проблем является проявлением обыденного стиля исторического мышления.

Источникovedческое изучение источника дополняет интерпретационные методики его использования, доминирующие в исследованиях культурно-интеллектуальной истории, и дает возможность наблюдать феномен функционирования обыденного исторического мышления. Отнесение автобиографии экстерна согласно ее первоначальной функции к делопроизводственным материалам гимназии, имевшим определенный круг требований к выполнению и содержанию, и выяснение обстоятельств возникновения источника позволяют утверждать, что использование исторических понятий не было обусловлено целевым назначением документа и являлось творческой интеллектуальной операцией.

Автобиография Диесперова выделяется по качеству выполнения и содержанию среди изученных нами нескольких десятков аналогичных документов экстернов. После революции 1905 года происходило угасание значения автобиографий в системе испытаний зрелости и документации гимназии. Вместо подробных, оригинальных автобиографических нарративов экстерны стали представлять краткие сведения биографического характера. Значение автобиографий экстернов в корпусе источников изучения исторической культуры нового времени определяется сочетанием в них свойств делопроизводственной документации, задающей параметры содержания, и источников личного происхождения, выражаютих стремление личности к самоидентификации. Оно позволяет обоснованно отделять мыслительную деятельность от имитирующих ее практик, таких как списывание, рациональное поведение, направленное на получение положительной оценки, риторика, повторение случайно услышанного.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Правила об испытаниях учеников гимназий и прогимназий Министерства народного просвещения: Утверждены министром народного просвещения 12 марта 1891 г. СПб.: Б. и., 1891. § 49.
- ² Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 64 (Орловская губернская мужская гимназия). Оп. 1. Д. 951. Л. 36–38.
- ³ Русские писатели. 1800–1917: Биографич. словарь. Т. 2. Г–К / Гл. ред. П. А. Николаев. М.: Большая Российская энциклопедия, 1992. С. 116–117.
- ⁴ Государственный архив Орловской области (ГАОО). Ф. 64 (Орловская губернская мужская гимназия). Оп. 1. Д. 951. Л. 38.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Правила об испытаниях. § 75.
- ⁷ ГАОО. Ф. 64 (Орловская губернская мужская гимназия). Оп. 1. Д. 951. Л. 36.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Л. 37.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Л. 38.
- ¹² Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безрого В. Г. Автобиография и социальный опыт // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2004. С. 529–550.
2. Бобкова М. С. Стратегии изучения социокультурных кодов исторического источника // Люди и тексты. Исторический альманах. М.: ИНИ РАН, 2012. С. 7–11.
3. Еремин А. И. Образ обыденного исторического мышления абитуриентов в выпускных сочинениях 1908 года // Вестник ВГУ. Серия: История. Политология. Социология. 2018. № 2. С. 49–54.
4. Лубский А. В. Мысление историческое // Теория и методология исторической науки: Терминологический словарь / Отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 311–313.
5. Максимова С. Н. Преподавание древних языков в русской классической гимназии XIX–XX века. М.: ГЛК, 2005. 304 с.
6. Маловичко С. И. К проблеме перехода от традиционной темпоральности к линейной: историческое сочинение гимназиста-горца // Диалог со временем: Мировидение человека в переходные эпохи. Самара: СНЦ РАН, 2012. С. 40–59.
7. Маловичко С. И. Выпускное сочинение гимназиста середины XIX в. как феномен историописания // Историографические чтения памяти профессора Виктора Александровича Муравьева: Сб. ст.: В 2 т. / Отв. ред.: Р. Б. Казаков, М. Ф. Румянцева. М.: РГГУ, 2013. Т. 2. С. 396–418.
8. Маловичко С. И., Румянцева М. Ф. История как строгая наука vs социально ориентированное историописание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013. 253 с.
9. Нарсий И. В. Взрослые ожидания в детских воспоминаниях: представления детей русской эмиграции о будущем России в школьных сочинениях 1924 г. // Известия Высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2007. № 3. С. 3–17.
10. Нуркова В. В. История как личный опыт // Историческая психология и социология истории. 2009. № 1. С. 5–27.
11. Пушкарёва Н. Л. Общая линия жизни и презентация успешности в автобиографиях и автобиографических интервью женщин-ученых // Tractus aevorum. 2014. Т. 1. № 1. С. 15–28.
12. Репина Л. П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени. М.: Кругъ, 2006. С. 5–18.
13. Репина Л. П. Темпоральные характеристики исторического сознания (о динамическом компоненте «истории памяти») // Диалог со временем. 2014. № 49. С. 28–43.
14. Сальникова А. А. Школьные сочинения детей русской эмиграции как источник по социальной истории России, 1917–1920 гг. // Социальная история. Ежегодник 2001/2002. М.: РОССПЭН, 2003. С. 324–352.
15. Эткинд А. «Одно время я колебался, не антихрист ли я»: субъективность, автобиография и горячая память революции // Новое литературное обозрение. 2005. № 3 (75) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73> (дата обращения 01.06.2018).

Eremin A. I., Orel State University (Orel, Russian Federation)

IMAGE OF EVERYDAY HISTORICAL THINKING OF EXTERNAL GYMNASIUM STUDENTS IN THE AUTOBIOGRAPHIES OF THE EARLY XX CENTURY

The intensification of the study of historical culture contributes to the formation of new problem fields and the search for new study sources. The use of historiographical source studies methods for investigating historical consciousness has shown the information potential of educational essays (reports) on historical topics. This draws attention to biographies (autobiographies) of external students, presented for passing the gymnasium maturity tests (final examinations). It reveals the image of everyday historical thinking in the autobiography of an external student A. F. Diesperov (1903). Applying source studies methods to the conditions for creating the autobiography enabled to classify it as a record keeping document. The use of historical concepts, not prescribed by documentary norms, in the process of the external student's self-determination is regarded as a phenomenon of ordinary historical thinking. The student's use of the concepts "historical point of view" and "historical perspective", as well as the ideas about different modes of time were his usual way of thinking. The set of historical concepts recorded in the autobiography presents a reliable image of the author's historical thinking. It leads to the suggestion that the significance of external students' autobiographies in the

corpus of sources for studying the historical culture of modern times is determined by the combination of characteristics specific to record keeping documents and sources of personal origin, which makes it possible to reasonably separate reasoning activity from the imitating practices.

Key words: university applicants, external students, maturity tests, record keeping documents, autobiography, historiographical source studies, everyday historical thinking, fragmentarity of memory, historical point of view, historical perspective

REFERENCES

1. Bezrogo V. G. Autobiography and social experience. *Social History. 2001/2002 Yearly Almanac*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2004. P. 529–550. (In Russ.)
2. Bobkova M. S. Strategies of studying sociocultural codes of a historical source. *People and texts. Historical Almanac*. Moscow, INI RAN Publ., 2012. P. 7–11. (In Russ.)
3. Eremin A. I. Image of the ordinary historical thinking in the final essays of 1908 school leavers. *Proceedings of VSU. Series: History. Political science. Sociology*. 2018. № 2. P. 49–54. (In Russ.)
4. Lubska A. V. Historical thinking. *Theory and methodology of historical science: terminological dictionary*. (A. O. Chubar'yan, Ed.). Moscow, Akvilon Publ., 2014. P. 311–313. (In Russ.).
5. Maksimova S. N. Teaching ancient languages in Russian classical gymnasiums of the XIX and XX centuries. Moscow, GLK Publ., 2005. 304 p. (In Russ.)
6. Malovichko S. I. The problem of transition from traditional to linear temporality: an essay on history written by a mountaineer gymnasium student. *Dialogue with time: worldview of an individual in transitional epochs*. Samara, SNTs RAN Publ., 2012. P. 40–59. (In Russ.)
7. Malovichko S. I. Final essay of a gymnasium student of the middle of the XIX century as a phenomenon of historiography. *Historiographic readings in memoriam of Professor Victor Aleksandrovich Muravyov: collected articles*. In 2 vol. (R. B. Kazakov, & M. F. Rumyantseva, Eds.). RGGU Publ., 2013. Vol. 2. P. 396–418. (In Russ.)
8. Malovichko S. I., Rumyantseva M. F. History as a strict science vs socially oriented historiography. Orekhovo-Zuevo, MGOGI Publ., 2013. 253 p. (In Russ.)
9. Narshky I. V. Adults' expectations in childhood memories: perceptions of Russia's future in 1924 school essays of the Russian emigrant's children. *Bulletin of Higher Educational Institutions. The Volga region. Humanitarian sciences*. 2007. No 3. P. 3–17. (In Russ.)
10. Nurkova V. V. History as personal experience. *Historical psychology and sociology of history*. 2009. No 1. P. 5–27. (In Russ.)
11. Pushkareva N. L. A common line of life and representation of success in autobiographies and autobiographical interviews of women scientists. *Tractus aeorum*. 2014. Vol. 1. No 1. P. 15–28. (In Russ.)
12. Repina L. P. Historical culture as a research subject. *History and memory: the historical culture of Europe before the beginning of modern times*. Moscow, Кругъ Publ., 2006. P. 5–18. (In Russ.)
13. Repina L. P. Temporal characteristics of historical consciousness (the dynamic component of the “history of memory”). *Dialogue with time*. 2014. No 49. P. 28–43. (In Russ.)
14. Salnikova A. A. School essays of the Russian emigrants' children as a source for studying Russian social history, 1917–1920. *Social History. 2001/2002 Yearly Almanac*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2003. P. 324–352. (In Russ.)
15. Etkind A. “There was a time when I was not sure I wasn't the Antichrist”: subjectivity, autobiography and the hot memory of the revolution. *New literary review*. 2005. No 3 (75). Available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/73> (accessed 01.06.2018). (In Russ.)

Поступила в редакцию 04.06.2018

ОКСАНА ЕВГЕНЬЕВНА ЕРМОЛАЕВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, социальных и политических наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

ksana27@yahoo.com

СОВРЕМЕННАЯ АМЕРИКАНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СТАЛИНИЗМА: МЕЖДУ НОВЫМИ ПОДХОДАМИ И АРХАИЧНЫМИ ИНТЕРПРЕТАЦИЯМИ

Анализируются две недавние масштабные работы крупных американских историков, посвященные истории сталинской России. При помощи детального разбора и контекстуализации данных работ в поле современной историографии сталинской России раскрывается, как новейшая методология сочетается в этих исследованиях с традиционными, даже архаичными подходами. В данном контексте изучаются и использование авторами методологических схем предыдущих поколений, подходов, распространенных в современных исследованиях, и рассматриваются общие тенденции в изучении темы. В частности, в одной из представленных работ, написанной Ю. Слезкиным, современный, постструктураллистский подход к изучению Советской России 1930-х годов, основанный на изучении языковых практик, внутреннего мира героев и процесса интернационализации ими официальной пропаганды через призму анализа литературных произведений, сочетается с давно уже звучавшими в историографии интерпретациями. Во второй анализируемой работе С. Коткин посредством использования метода предельного погружения в политическое и личное окружение Сталина пытается создать новую его биографию, но в результате выдвигает упрощенную версию истории 1930-х годов, интерпретируя основные события этого периода через призму перипетий дипломатических взаимоотношений Сталина и Гитлера и используя устаревшие методологические схемы для их объяснения.

Ключевые слова: американская историография, современные подходы, традиционные интерпретации, история СССР, сталинский период

Несмотря на то что вряд ли можно найти более широко изученную тему в современной западной историографии России XX века, чем история СССР сталинского периода, интерес исследователей к данной теме не ослабевает. Идеальным объектом для историографического исследования являются 1930-е годы, поскольку включают в себя целую серию изменений и преобразований. Пятилетние планы, индустриализация и коллективизация стали временем создания централизованной экономической системы, масштабных социальных изменений, репрессий конца того времени. Особенно актуальны для американских исследователей вопросы большевистской идеологии, особенности ее восприятия населением, генезиса власти И. Сталина. Из поколения в поколение они апробируют новые методологические подходы к явлению, которое они называют историей сталинизма. При этом в изучении России сталинского периода все большее число американских историков склоняются к поиску новых методологических схем и решений в духе постструктурализма, сформировавшегося под влиянием работ французского философа-постструктуралиста М. Фуко. В рамках этого подхода изучаются идеология и личность в советскую эпоху, а также разнообразные культурные практики. В каком-то смысле этот подход стал

преемником ревизионизма в советской истории, акцентировавшего первостепенное внимание на социальной истории и социальных практиках, а идеологию и политику рассматривавшего преимущественно в совокупности с данными практиками. Исследователей, работающих в рамках подхода «нового ревизионизма», отличает интерес к языку, дискурсивным практикам, идеологии и привнесение литературных приемов в историческое исследование [7: 97]. В частности, с середины 1990-х годов историки разработали концепцию «советской субъективности» сталинского периода, связанную с дискурсивным подходом к индивидуальности в предвоенный период советской истории.

Одним из последних примеров методологических экспериментов в рамках данного подхода является работа Ю. Слезкина. Его книга «Дом правительства: Сага о Русской революции» официально посвящена «Дому правительства», известному в современной России как «Дом на набережной». Такое название закрепилось за комплексом домов для советской элиты после знаменитого романа Юрия Трифонова «Дом на набережной». До этого здание называли Дом ЦИК и СНК (Совета народных комиссаров), сейчас официальное название «Жилой комплекс «Дом правительства». После сталинских репрессий,

под которые попала значительная часть жильцов дома, в народе его прозвали «Улыбкой Сталина», «Ловушкой для большевиков», «Домом предварительного заключения».

Строительство городка для высшего советского руководства курировал сам глава правительства Алексей Рыков, выписавший из Италии известного архитектора Бориса Иофана. Это был городок будущего со своими кинотеатром (в «Ударнике» перед сеансом играл джаз и иногда пели Утесов и Шульженко), клубом, прачечной, поликлиникой, почтой, детсадом, в квартирах – невиданная для Москвы начала 30-х роскошь: круглосуточно горячая вода, газ, телефоны в каждой квартире. Это действительно постмодернистское произведение, со специфическим языком («Поиск убийц Кирова начался сверху и был направлен на падших ангелов» [15: 715]), историческими аллегориями (сравнение большевиков с библейскими персонажами, например Н. Бухарина с Иовом) и литературно-эмоциональным компонентом, сознательно привнесенным в историческое исследование. Об этом свидетельствует и определение Слезкина «сага», и его аллюзия, что «это историческая работа, любое сходство героев с вымышленными персонажами случайно» [15: V], и первостепенная роль художественной литературы и мемуаристики в качестве источников для ее написания. Помимо этого он активно использует источники личного происхождения: воспоминания, дневники и переписку его героя, архивные материалы, в основном из архивов Москвы. В первую очередь это материалы Архива музея «Дом на набережной», РГАСПИ и архива общества «Мемориал».

Хронологически работа охватывает практически весь XX век, хотя основное внимание уделено 1930-м годам, а период перестройки упоминается вскользь. Слезкин активно прибегает к историческим параллелям, не только вписывая сталинскую Россию в европейскую историю, но и находя аналоги процессов, происходивших в ней, в современной истории.

Уже с первых страниц проявляется проблема организации работы и баланса элементов исторического исследования и литературного произведения, неизбежная при выбранном автором подходе. В начале работы Слезкин излагает историю русского революционного движения, проводит обширный экскурс в историю мировых религий и размышляет о роли религии в истории с акцентом на милленизм. История прихода большевиков к власти освещается через призму биографических экскурсов видных большевиков, а истоки большевистской идеологии – через призму воспоминаний и литературы современников. Большевизм исследуется в контексте религиозных эсхатологических течений, а мировоззрение известных большевиков связывается с милленистским сектантством [15: 23]. Слезкин пишет:

Большевики – милленистская секта, готовившаяся к апокалипсису, а история большевизма – история «провалившегося пророчества», от очевидного успеха к величайшему разочарованию [15: XII].

С точки зрения автора, истоки большевизма как милленистской секты уходят в христианство, социализм и марксизм [15: 24], отразившиеся в мистическом настроении русской интеллигенции начала XX века. При этом периодически автор отвлекается на обсуждение других предметов, к примеру, истории архитектуры Москвы начала XX века. Когда же наконец он начинает свою историю «Дома на набережной», выясняется, что герои первой части книги по большей части не совпадают с обитателями этого дома и героями ее второй части. Автор признает, что в значительной мере выбор в его биографическом подходе обусловлен наличием или отсутствием источников о жизни тех или иных большевистских деятелей. Среди видных большевиков «Дома на набережной», чьи судьбы прослеживает Слезкин, Алексей Аросев, председатель всесоюзного Общества культурных связей с зарубежными странами (остался его дневник, сохраненный родственниками); Валериан Осинский, первый глава Верховного совета национальной экономики и один из идеологов левого крыла коммунизма (сохранилась его двадцатилетняя переписка с А. Шатерниковой); Арон Гайстер, заместитель министра сельского хозяйства; один из виднейших большевистских литературных критиков своего времени Александр Воронский.

Это не только история элитного жилого комплекса и его обитателей. Слезкин держит руку на пульсе страны: он описывает возвращение революции в качестве пятилетнего плана; строительство «Дома правительства» и всего остального Советского Союза; разделение труда, организацию пространства и личных привязанностей в рамках отдельных квартир; проблемы личной морали перед наступлением коммунизма и волшебный мир «счастливого детства» [15: XIII].

Часть книги, посвященная непосредственно истории «Дома правительства», кажется наиболее интересной. В ней приводится огромный массив необработанного архивного материала, связанного с историей дома: о его жильцах, обслуживающем персонале, описях имущества, способах содержания и функционирования. Жильцы стали заезжать с 1931 года, и к середине 1930-х годов их число было 2655. В 507 квартирах проживали преимущественно старые большевики и члены их семей [15: 482]. Это были высокопоставленные члены правительства, начиная с В. Молотова, министра торговли И. Вейцера, а также высокопоставленные сотрудники НКВД, начиная с С. Миронова. Слезкин раскрывает подробности быта и образ жизни, социальную и культурную жизнь большевистской элиты, их

увлечения. Детально описывая условия жизни администрации и обслуги дома, Слезкин раскрывает, как управлялась эта жилищная мини-империя [15: 186–190, 392–394, 482–507]. На заднем плане автор пунктиром обозначает жизнь страны в целом: пятилетние планы, коллективизация, индустриализация, культурная революция, которые описываются как «канонические истории первой пятилетки». Опять же приводятся обширные экскурсы в историю архитектуры и застройки Москвы. Преимущественно события освещаются через призму воспоминаний современников и литературных работ. Приведенный автором архивный материал в большей своей части остался необработанным и непроанализированным.

Слезкин уделяет внимание и событиям, предшествовавшим репрессивной политике 1937–1938 годов, и Большому террору, разрушившему жизнь большей части жителей «Дома на набережной». Часть книги с красноречивым названием «Последний суд» освещает чистку Дома правительства, последнее жертвоприношение старых большевиков, массовые операции против скрытых еретиков, основные различия между верностью и предательством, домашнюю жизнь профессиональных убийц, длинную жизнь вдов врагов народа, искупление детей большевиков и конец большевизма как милленаристской веры [15: XIII].

«Закат» большевистской идеологии Слезкин датирует брежневским периодом и рассматривает через призму воспоминаний детей «Дома правительства»: многих из них постигло разочарование в «вере», отвернувшись от нее, они стали диссидентами и эмигрировали [15: 951].

Основной вопрос, который возникает после прочтения книги Слезкина: кто же является героям этой книги? С одной стороны, автор пишет, что основные герои его книги – люди, проживавшие в Москве в Доме на набережной в 1930-х годах, – видные большевистские деятели и члены их семей. С другой стороны, большая часть книги посвящена размышлению о большевизме как об интеллектуальной и политической системе в контексте истории мировых религий. Чтобы облегчить восприятие этой огромной, более чем на 1000 страниц, книги, Слезкин выделяет в своей работе три сюжетные линии. Первая – «аналитическая», в центре которой его аргумент о том, что большевизм является милленаристской сектой. Вторая – «литературная»: по ходу повествования он дает трактовку литературных произведений, которые предлагали интерпретацию происходивших событий. Третья сюжетная линия – «Эпическая», где «читателям приходится думать о героях книги как о героях эпоса» [15: XII].

Несмотря на попытки систематизации материала, предпринятые автором во введении, основная проблема этой книги заключается в том, что по сути она включает в себя три разные книги,

созвучные сюжетным линиям, выделенным им в предисловии [15: XII]. Даже по стилю повествования, возможно, имело бы смысл отделить вторую часть, посвященную истории «Дома на набережной» и его обитателям, написанную в стиле традиционного исторического нарратива, фундированного ссылками на исторические источники, от литературно-философских рассуждений первой и третьей частей книги.

В рамках своего подхода автор задается вопросом, почему большевизм умер после первого поколения, почему его судьба была отличной от судьбы христианства, ислама, мормонизма и бесчисленных других милленаристских вероисповеданий [15: 951].

С точки зрения Слезкина, основная причина, приведшая к краху русского марксизма, коренилась в сущности самой доктрины. А именно – в противоречии между

ролью сверхъестественного в марксистском видении истории, представляющем собой безоговорочную веру, и терминологическим аппаратом марксизма, социологическим и экономическим по своей сути, не ссылающимся на тайну или магию [15: 952].

Другой причиной, приведшей к краху большевизма, стало само государство Российское: партийная доктрина была недостаточно русской [15: 957]. Проблема коренилась в том, что «страна, над которой она возымела власть, была слишком русской по своей сути» [15: 957]. В трактовке Слезкина большевизм был русской реформацией: попыткой превратить крестьян в советских граждан, а советских граждан в самоконтролирующихся, морально бдительных субъектов. Но большевистская реформация не была массовым движением: она была

массированной миссионерской кампанией, проводимой сектой, которая оказалась достаточно сильной, чтобы завоевать империю, но недостаточно прочной для того, чтобы либо обратить варваров в истинную веру, либо репродуцироваться на родине. Поэтому советский век не длился дольше человеческой жизни [15: 957].

Таким образом, в основе книги Слезкина лежит несколько обновленная и модифицированная автором интерпретационная рамка большевизма как религии. Трактовки большевизма как специфической формы религиозности были распространены уже с начала XX века. Совершенно непонятно, почему автор полностью их проигнорировал. Марксизм неоднократно рассматривался с религиозной точки зрения [3: 256], а большевизм в разнообразных своих трактовках отождествлялся с религией [2], доведенным до предела иудаизмом [6: 433], «светской религией», «квази-религией» [1: 168]. На фоне этих проигнорированных Слезкиным интерпретаций специфика его собственной заключается в том, что, помимо регулярного использования термина «милленаризм», в его трактовке религиозность

была уже изначально заложена в марксистской теории, взятой на вооружение узкой группой сектантов, волей случая захвативших власть в огромной стране. В то время как в других трактовках, в частности в объяснении Н. Бердяева, именно особенности «национального самосознания» породили русскую версию марксизма и сделали победу большевизма возможной: большевизм есть русское, национальное явление, это – наша национальная болезнь, которая и в прошлой истории всегда существовала, но в иных формах [2].

Помимо этого, Слезкин расширил временные рамки предмета изучения. В то время как большинство исследователей «большевизма как религии» ограничивались 1930-ми годами, он рассматривает большевизм как религию, полностью прошедшую жизненный цикл. Как он утверждает, на практике большей частью именно «дефекты» теории привели к «падению большевизма». Именно с этой точки зрения интерпретация Слезкиным большевизма как религии проблематична из-за своей статичности. Автор пишет, что в случае большевизма секта (религиозное братство верующих, объединенное против окружающего мира) превратилась в священство (priesthood) (иерархическая корпорация профессиональных посредников между изначальным пророчеством и коммуной верующих, превратившихся в граждан). Но вера при этом осталась неизменной) [15: 951]. Представляется, что если настроения и мировоззрение большевиков накануне 1917 года могли быть сравнимы с мировосприятием религиозных фанатиков и адептов культа, то к концу 1920-х, и тем более к концу 1930-х годов пропасть между марксизмом, который Слезкин ставит за основу большевистского псевдорелигиозного мировоззрения, и большевизмом как властной установкой правящей элиты была уже огромной. Идеология правящей элиты постепенно превращалась в набор клише и штампов, использовавшихся сначала как политическое оружие борьбы за власть, а затем как ширма для административных рокировок и «зачистки политического поля» диктатором.

Помимо этого, полное отождествление большевиков с миллениаристской сектой является упрощением. Автор, таким образом, не делает различий между идеологией и религией, религией и сектой, религией и политической партией. Не всегда четко прослеживаются цели, методы и средства советского руководства. Рассуждая об их религиозной нетерпимости, Слезкин сбрасывает со счетов способность большевистского руководства инкорпорировать, а затем уничтожать несогласных (не-адептов) в целях упрочения режима. «Буржуазные специалисты», составившие костяк советского управленческого аппарата и интеллектуальной элиты с 1920-х годов, в конце 1930-х годов были уничтожены вовсе не

из сектантской религиозной нетерпимости большевиков, но в целях упрочения своей диктатуры Сталиным.

Специфика и слабость концепции Слезкина заключается и в его ретушировании личного фактора в истории большевистской России. В истории «Советского эксперимента» в трактовке Слезкина бледнеет, а порой и исчезает с авансцены роль Сталина. Зачастую в объяснениях процессов и событий его личные решения подменяются религиозной одержимостью большевиков. В частности, тот факт, что убийство С. Кирова послужило отправной точкой для запуска маxовика репрессий, не может быть объяснен без участия роли Сталина [15: 713]. Аналогично специфический характер репрессий конца 1930-х годов Слезкин также склонен объяснять через призму «сектантства» большевиков. В частности, в его трактовке многие видные большевики, обвиненные в преступлениях, убийствах, покушении на убийство, которых они не совершали, были уничтожены потому, что «в большевизме, как в христианстве или другой идеологии абсолютной преданности, мысли имели первостепенное значение» [15: 731]. Исследуя репрессии, он трактует их логику как логику традиционного общества, где несчастья объясняются действием злых сил или ведьм; логика всех «охот на ведьм», которые возвращаются к традиции, предлагая исцеление посредством ритуальных жертвоприношений.

Таким образом, в его интерпретации борьба с «врагами народа» в СССР конца 1930-х годов мало чем отличалась от охоты на ведьм в Бамберге конца XVII века [15: 753]. Слезкин отождествляет инквизиторские практики большевиков с их аналогами в христианстве, буддизме и «постфрейдистских» вариантах [15: 779].

Возможно, следовало бы больше места уделять именно специфике репрессивных операций, коснувшихся «Дома правительства», и сократить общую часть, детально описывающую давно уже общеизвестные события и процессы, начиная с приказа № 00447 и его претворения в жизнь. Какова была роль обслуживающего персонала, какая часть его пострадала, какую роль играли доносы? Кроме того, эта «историческая» часть исследования несколько недоработана. Представляется, что была бы уместна детальная статистика, отражающая данные по репрессиям в различных социальных слоях «Дома на набережной» и динамику заселения и арестов в 1937–1938 годах. В приложении имеется лишь «частичный список жильцов» [15: 883–984]. События, происходившие в «Доме на набережной» в конце 1930-х годов, отражали и более широкие процессы – в частности, очень высокий уровень социальной мобильности, неоднократную кардинальную смену политической элиты. Эти сюжеты не затронуты в работе Слезкина. Тем не менее дан-

ная часть содержит в себе немало интересных деталей. Слезкин передает лихорадочную обстановку массового переселения, охватившую «Дом правительства» с началом арестов, богатую палитру эмоций новых (и увы, большей частью временных) его жильцов в 1937 году, от эйфории и ощущения своей всесильности одних, в основной своей массе выдвиженцев из провинции (в целом довольно массовое чувство среди жильцов в предыдущий период, как верно подмечает Слезкин), до страха и обреченности других, знавших оборотную сторону переселения, с которыми они въезжали в новые квартиры. Преимущественно на основе воспоминаний детей дома об арестах родителей и родственников он воссоздает, как происходило разрушение «старой гвардии» «Дома на набережной» [15: 800]. На их основе он изучает определенные социальные и культурные практики, реконструируя «герменевтику духа» и выявляя духовный мир человека 1930-х годов. В духе исследований советской субъективности, проведенных А. Крыловой, И. Халфина и Т. Лахусена [7: 107], [13], автор изучает, как его герои осмыслили реальность через призму литературных и философско-публицистических произведений, ставя во главу угла морально-этическую проблему: дилеммы, стоявшие перед родственниками арестованных периода репрессий [15: 819–829]. Однако рассуждениям автора присуща некоторая пространность, а четкие выводы отсутствуют. Тогда представлялось бы уместным провести более конкретное исследование и сопоставление источников и литературы: насколько те или иные литературные произведения повлияли на мировоззрение конкретных людей и послужили образцом для их поступков. Представляется, что в своем исследовании автор упустил и другие важные сюжеты. Несмотря на то что большая часть книги посвящена «укоренению» большевизма как религии на примере выдающихся большевистских лидеров, автор даже не упоминает, что в их среде отношение к религии было неодинаково. В частности, после декрета 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства», который исключал указание на вероисповедание из всех официальных документов, последовал кратковременный период многообразия религий, сект, религиозных концепций, многие из которых вводились или поддерживались самими большевиками. В этом контексте помимо богоискательства можно упомянуть Свободную Трудовую Церковь (СТЦ), которую в 1920-х годах основали поэт-футурист А. Святогор и пензенский епископ И. Смирнов, а также радикальные эксперименты большевиков в сфере религии и эзотерики, в частности идеи А. А. Богданова в области «биомеханики трупов». Наконец, даже М. Тухачевский был сторонником славянского язычества и в 1920-х годах вынашивал идеи запрета христиан-

ства в Советской России и введение вместо него язычества как «природной» религии.

Остро встает и проблема выводов исследования. В заключении автор опять же обращается к литературе, занимаясь пересказом и разбором произведений Ю. Трифонова, в первую очередь «Дома на набережной», который, будучи посвящен жизни и судьбе двух поколений жильцов дома, судя по всему, и лег в основу работы собственно Слезкина. Рассматривает он и более поздние произведения Трифонова, в частности его романа «Старик». Сопоставляя размышления героя с дилеммами Фауста и Моисея, он приходит лишь к выводу о цикличности жизни. Помимо этого, хотелось бы увидеть и выводы исторического исследования «Дома на набережной».

Другой крупной работой в области истории Советской России стала последняя книга известного американского историка Стивена Коткина «Сталин: в ожидании Гитлера» [10]. Коткин является одной из наиболее ярких фигур в области англо-американской историографии Советской России во многом благодаря тому, что в середине 1990-х годах в значительной мере именно он положил начало «посттревизионистскому» подходу в исследовании истории сталинизма. В своей книге о Магнитогорске как «микрокосме Советского Союза» [12] он провел лингвистический анализ источников личного происхождения в духе постструктураллистской методологии с целью реконструкции «герменевтики души», опираясь на теорию субъективности М. Фуко и идею «рутинности повседневной жизни» М. де Серто. Именно этот историк в свое время прозвгласил, что в 1991 году пробил час для «заслуженного выхода тоталитаризма на пенсию» [11]. Не только крах СССР и свободный доступ к российским архивам проложили путь для нового подхода, но и «лингвистический поворот» в культурных исследованиях, в том числе истории, привел к рассмотрению «сталинизма как культуры» [11]. Учитывая новизну авторского подхода в середине 1990-х годов, тем более неожиданной с методологической точки зрения стала последняя книга Коткина. Она является второй частью трехтомной работы, посвященной изучению генезиса сталинизма и этиологии единоличной власти И. Сталина через призму его личности и биографии. В то время как в первом томе затрагивается период до 1929 года – время восхождения Сталина к власти, данное исследование начинается, по выражению самого автора, с периода «диктатуры» и заканчивается судьбоносной датой в истории Советской России – началом войны с нацистской Германией.

Коткин раскрывает перипетии политической борьбы конца 1920-х годов, «увенчавшиеся установлением единоличной диктатуры Сталина», воссоздает ход событий, приведший к репрессиям конца 1930-х годов, так называемому Большо-

му террору, исследует его скрытые пружины и основные последствия. Значительная часть исследования под названием «Три карты Монте» концентрируется на перипетиях международной дипломатии конца 1930-х годов. Наконец, заключительная часть книги, «Кода: “Маленький угол”, суббота, 21 июня», воссоздает буквально по часам события, предшествовавшие нападению Германии на СССР.

В своем подходе Коткин ставит фактор личности в истории во главу угла: «...если история определяется триадой геополитики, властных институтов и идей, именно личности запускают все это» [10: XIV]. Соответственно, данная работа посвящена изучению деятельности и менталитета И. Сталина в период, когда «темные стороны его натуры интенсивно дают о себе знать, когда он, научившись диктатуре, перешел к деспотизму, сопровождаемому массовым кровопролитием» [10: XIV].

Таким образом, авторский метод исследования – предельное погружение в политическое и личное окружение Сталина. Поскольку его нарратив организован вокруг личности Сталина, автор переходит от описания механизмов и проблем управления страной, административных реорганизаций и кадровых перестановок к анализу коллективизации, системы Гулага, советского кинематографа и внешней политики. Касательно последней, до начала третьей части, посвященной феномену Гитлера и отношениям СССР с нацистской Германией, особенно ярко представлено восточное направление, однако Коткин не вдается в пояснение своих исследовательских предпочтений по данному вопросу.

По степени разнообразия затрагиваемых предметов, способу изложения работа напоминает своеобразную «энциклопедию сталинизма». Это впечатление усиливается огромным справочным аппаратом и предметным указателем. Большой частью книга написана на основании научной литературы – как западной, так и российской. Ссылается Коткин и на московские архивы. В частности, на фонды РГАСПИ, где в ряде фондов (ф. 558 – личный фонд И. В. Сталина, ф. 11 – фонд Политбюро, фонды ближайших соратников Сталина) содержится основная масса информации по данной проблематике, уже давно доступная современным исследователям. Коткин сетует, что, помимо утерянных материалов Сталина (компрометирующие материалы на его ближайших соратников, личные записи), большая часть документов столичных архивов, включая переписку Сталина с соратниками, уже опубликована и осмыслена исследователями. Архивы же спецслужб, контрразведки, ведомства личной охраны Сталина почти полностью закрыты, а материалы, касающиеся военной политики и дипломатии, труднодоступны [10: XVII]. Соответственно, в данной работе Коткин по большей части опира-

ется на труды других историков сталинизма – О. Хлевнюка о механизмах власти и управления страной, В. Хаустова, Л. Самуэльсона, Н. Петрова и К. Скоркина об НКВД и многих других отечественных и западных исследователей, а также на опубликованные документальные коллекции. Ссылается автор и на некоторые региональные архивы. В основной массе упоминаемые им документы уже введены в оборот другими историками. Представляется, что в Центральный архив ФСБ историку попасть не удалось. Он приводит лишь несколько ссылок на документы из этого архива, копии которых хранятся и в других архивах либо введены в оборот историками.

Рассматриваемая книга, рассчитанная на аналитический синтез изучаемого предмета при помощи досконального исследования доступных источников и литературы, но не оснащенная новыми архивными источниками или методологическими решениями, содержит в себе ряд проблем. Автор зачастую прибегает к повторению известных сюжетов, уже описанных историками. Дипломатические же сюжеты, которым практически целиком посвящена последняя часть книги, в большинстве своем уже были досконально исследованы. Из-за огромного тематического охвата работе присуща и некоторая несистемность изложения. Какие-то важные темы, например, то, как Stalin выстраивал взаимоотношения со своим «ближним кругом» соратников, остались вообще не затронуты. Психологический портрет Сталина в трактовке Коткина несколько бледен, краткий экскурс в детство и юность неточен [10: 11–15].

В работе присутствует ряд терминологических и фактологических неточностей. Определяя основной способ выражения Сталина как «foul language» [10: 2], Коткин смешивает простонародный кураж со сквернословием. Между тем по большей части Stalin лавировал между ними. Неточна трактовка смерти О. Мандельштама [10: 169–170]. Многочисленные свидетельства подтверждают, что умер он не в ссылке, а в бараке пересыльного лагеря на территории современного Владивостока.

На фоне калейдоскопической смены предмета изучения Коткин выдвигает и свои главные тезисы – концепцию становления сталинской диктатуры к началу 1930-х годов и ее смены деспотическим правлением к концу десятилетия. При этом автором, к сожалению, игнорируется весь огромный пласт существующей историографии по теме. Если второй тезис содержит в себе терминологический, продиктованный индивидуальным предпочтением нюанс, то первый – важную, не совсем верно решенную автором проблему. В своем объяснении причин генезиса сталинской диктатуры [10: 490, 940] Коткин сближается с рядом современных американских историков-ревизионистов, утверждавших еще в 1990-х годах, что

«завершенный сталинизм» был необязателен, но его возможность была предопределена попыткой небольшой группы захватить и удержать власть [9: 59], [14: 204]. В интерпретации же того, когда именно это произошло, он отходит к историографическим основам еще более раннего, «доревизионистского» периода. Коткин говорит о единоличной диктатуре Сталина в 1929–1931 годы как о свершившимся факте [10: 76] и утверждает, что она была порождением «диктатуры ленинской» [10: 940]. Он считает, что в 1930-х годах Политбюро не имело никаких властных полномочий: Сталин либо манипулировал своими соратниками, либо они безоговорочно его поддерживали [10: 308]. Именно благодаря «диктатуре» в 1933 году, несмотря на откровенно провальную сельскохозяйственную политику и бурную активность Троцкого за границей, «Политбюро, а за ним и все остальные, сомкнули ряды вокруг диктатора» [10: 114–116]. Тем самым интерпретация Коткина сближается с устаревшими взглядами, популярными среди американских историков холодной войны, давно уже опровергнутой современными исследователями. В частности, О. Хлевнюк обозначил политические процессы этих лет как период «ограниченного коллективного руководства», или «условной диктатуры»¹, просуществовавший до конца 1930-х годов, когда Политбюро практически перестало собираться как регулярно действующая структура. Развал же изначальной системы коллективного руководства к исходу 1920-х годов не привел автоматически к тому, что Stalin превратился в единоличного диктатора [8]. При этом сам Коткин неоднократно приводит свидетельства и цитаты из источников, свидетельствующие о нерешительности и неуверенности И. Сталина в принятии тех или иных решений в указанный период времени [10: 105–107].

Аналогично в своем объяснении причин и логики Большого террора Коткин опять же выдвигает несколько упрощенную версию событий, сближаясь с рядом американских исследований по истории СССР 1950-х годов и российских историков 1990-х годов. Он утверждает, что

террор руководился одним человеком с целью превратить «условную диктатуру» в «деспотизм», окончательно сломив волю соратников, которые имели право выбрать другого генерального секретаря партии, и удовлетворив жажду мести [10: 318–320].

При этом он игнорирует последние исследования по теме, в которых преобладают комплексные объяснения причин репрессий [8].

В чем заключается новизна данной биографии Сталина, чем она отличается от многочисленных предыдущих его биографий? Основные выводы Коткина касательно причин, особенностей становления власти Сталина и функционирования его диктатуры, а потом и «деспотизма» уже многократно звучали как в американской,

так и российской историографии. Аналогично интерпретация событий 1930-х годов через призму внешнеполитической ситуации и перипетий внешней политики, желания Сталина превратить Россию в мощную военно-промышленную силу, способную сохранить себя во враждебном международном окружении и насколько возможно расширить свои границы посредством «революции сверху», также неоднократнозвучивалась американскими биографами Сталина [17]. В рамках компаративного подхода СССР и гитлеровской Германии, ставшего уже традиционным для американской историографии, в том числе и акцентирующего внимание на исследовании личностей Stalin – Гитлер в эволюции их «диктатур» [4], [16], Коткин также не пришел к каким-либо радикально новым выводам.

Из малоизвестных фактов, приведение которых, собственно говоря, и является основным достоинством этой огромной, более чем на тысячу страниц, книги, интересны детальные выдержки из медицинских документов Сталина, посвященных состоянию его здоровья и хроническим недугам и диагнозам [4: 47, 365, 472–473, 743], [10: 73]. Представляется, что некоторые моменты требуют более детальной проработки: например, упоминаемое Коткиным покушение на Сталина, произошедшее на улице в Москве в 1931 году. Автор не сообщает, какова была реакция Сталина, как это повлияло на его планы.

Любопытны данные о физическом, моральном состоянии Сталина и его ближайших соратников в начале 1930-х годов [10: 325–327, 435–436, 498]. Больные, смертельно уставшие, эти люди тем не менее продолжали управлять огромной машиной, давшей сбой, повлекший бедствия и голод на Украине. Коткин задается закономерным вопросом: почему все продолжали исполнять приказы, почему режим не рухнул? В своем объяснении причин его устойчивости Коткин, помимо своей концепции диктатуры Сталина, подчеркивает роль идеологии в его победе [10: 159], а именно за счет широкой поддержки режима посредством массовой мобилизации при помощи мощной пропагандистской машины, интернационализации и манипуляции населением. Он развивает идеи, представленные в работе «Магнитная Гора» [12: 159, 297]. Тем самым он сближается, во-первых, с ревизионистами первой волны 1970-х годов начиная с Ш. Фицпатрик, которые подчеркивали «массовость» советского режима, и, во-вторых, возвращается к постревизионизму 2000-х годов, объяснявшему эту «массовость» при помощи индивидуальных тактик приспособления к режиму.

Но в целом, хотя Коткин и исходит из важного понимания, опять же подчеркиваемого современными историками, что утверждение власти Сталина и возникновение диктатуры в СССР – это был процесс, причем процесс сложный и

длительный, его основные выводы банальны. Практически все 1930-е годы он интерпретирует через «ожидание» Сталиным нападения Гитлера и репрессии. В контексте современных исследований разных аспектов советского общества и политики, экономики, роли И. Сталина в развязывании войны эта версия воспринимается как возвращение к историографическим основам холодной войны. Тем не менее, как было продемонстрировано выше, в традиционализме, даже архаичности Коткина присутствуют черты основных методологических подходов, использовавшихся в американской советологии с 1950-х годов. Помимо этого, Коткин, упоминая концепцию «альтернативной социалистической модерности», вписывает свою версию истории СССР сталинского периода в классификацию теорий модерности, выдвинутую известным американским историком-руссистом М. Дэвидом-Фоксом [5]. В этом своем утверждении Коткин сближается с историками, придерживающимися концепции «альтернативной модерности» – А. Рибром, Ш. Плаггенборгом, Д. Петери и др.² Коткин объясняет судьбу Стalinской России при помощи концепции альтернативной «социалистической модерности», но при этом утверждая, что продолжала она традиции и тенденции России имперской [11: 396–397].

Какие же характерные черты, присущие современной американской историографии Советской России, можно выделить на основании анализа данных крупнейших работ о сталинизме, написанных двумя ведущими американскими историками и претендующими на определенное

«переосмысление» нашего знания о сталинизме? В первую очередь это повышенный интерес к политике и идеологии в расставлении акцентов в исследовании, в методологическом плане – лингвистическим и герменевтическим практикам, не только ярко проявившийся в работе Слезкина, но и упомянутый в работе Коткина как дополняющий его версию устойчивости режима. Помимо этого, необходимо упомянуть неискоренимость наследия консервативной парадигмы исследований, отягощенной бременем «тоталитарной теории», проходящей красной нитью через работу Коткина в его несколько упрощенном объяснении событий 1930-х годов через призму приоритетов сталинской диктатуры. Эта же черта присуща и интерпретации Слезкина, усматривающего историю этих событий главным образом в революции 1917 года и «религиозной» большевистской ментальности. Тем самым он возвращается к «теории непрерывности», рассматривающей сталинизм как логическое продолжение революции и ленинского этапа советской истории, резко подвергнутой критике ревизионистами [7: 41].

Возможно, В. Меньковский прав в своем утверждении: несмотря на то что теоретические основы исследований пересмотрены в пользу постмодернистского представления о советской истории и личности, зачастую историки приходят к выводам, характерным именно для ранних этапов англоязычной историографии сталинизма [7: 107]. Очевидно, что новое поколение историков порой сознательно либо бессознательно обращается к историографическим парадигмам, продолжительное время считавшимся устаревшими.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Необходимо отметить, что единожды похожий термин употребляет и Коткин. Применительно к ситуации, сложившейся в 1936 году, ссылаясь на формальное право членов Политбюро избрать нового генерального секретаря, называет Сталина «диктатором на условном контракте» (р. 308) и приводит этот факт как один из мотивирующих факторов для Сталина в его желании развязать репрессии и «превратить диктатуру в деспотизм» (Там же). Однако он не распространяет этот термин на механизм принятия решений в советском руководстве конца 1920-х – начала 1930-х годов как ограничивавший личную власть Сталина.

² При этом сам М. Дэвид-Фокс относит Коткина к историкам с «теорией общей модерности» на основании своей интерпретации его первого тома исследования, посвященного Сталину. Представляется, что это не совсем верно. Видимо, Коткин хотел сказать, что процесс модерности, трактуемый им с geopolитической точки зрения, был общим для всех европейских стран, но способ перехода в это состояние, выбранный Сталиным, – специфическим.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арон Р. История XX века. М.: Ладомир, 2007. 1103 с.
2. Бердяев Н. Религиозные основы большевизма (Из религиозной психологии русского народа) [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn031.htm (дата обращения 30.06.2018).
3. Булгаков С. Сочинения. Т. 2. Избранные статьи. М.: Наука, 1993. 1351 с.
4. Буллок А. Гитлер и Сталин: жизнь великих диктаторов: В 2 т. Смоленск, 2000.
5. Дэвид - Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4 (140) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nlobooks.ru/node/7551> (дата обращения 18.06.2018).
6. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
7. Меньковский В. И. Советский Союз 1930-х гг. в англоязычной историографии. Сыктывкар, 2013. 220 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/11/menkovskij-i-dr_monografija.pdf (дата обращения 10.06.2018).
8. Хлевнюк О. В. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010. 479 п.
9. Gill G. Stalinism. New York, 1990. 108 п.
10. Kotkin S. Stalin: Waiting for Hitler, 1929–1941. New York, Penguin Press, 2017. 1184 п.

11. Kotkin S. 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytic Frameworks // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. Issue 2. P. 384–425.
12. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley, 1995. 639 p.
13. Krylova A. The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies // *Kritika*. 2000. Vol. 1. Issue 1. P. 110–146.
14. Nove A, ed. *Stalin Phenomenon*. London, 1993. 232 p.
15. Slezkine Y. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton University Press, 2017. 1104 p.
16. Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. Cambridge, New York, 1997. 369 p.
17. Tucker R. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941*. New York, 1990. 707 p.

Ermolaeva O. E., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

CONTEMPORARY AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF STALIN'S RUSSIA: METHODOLOGICAL ADVANCES AND TRADITIONAL INTERPRETATIONS

The article analyzes two recent scholarly works by prominent American historians in the field of the Soviet history. Contextualizing them within contemporary American historiography of Stalin's Russia, it demonstrates that they combine recent methodology with the traditional, even archaic, interpretations. Further on, the article contemplates upon their use of the methodology of the earlier generations of Soviet historians, and upon recent trends as well as general tendencies in the field. In particular, the article juxtaposes the contemporary, postmodernist and poststructuralist approach of Yuri Slezkine, based on the studies of the "Soviet subjectivity" through the analysis of literary works, with his rather traditional generalizations and discusses the common features between them accordingly. In the second work under analysis, Stephen Kotkin attempts to create a new biography of Joseph Stalin through deep and detailed analysis of his political and personal surroundings. However, eventually he offers a rather simplified version of the Soviet history of the 1930s, where major events and processes of the 1930s are viewed through the lens of "Stalin vs. Hitler" history and explained with the help of the outdated conceptions.

Key words: American historiography, contemporary approaches, traditional interpretations, history of the USSR, Stalin's period

REFERENCES

1. Aron R. *History of the XX century*. Moscow, 2007. 1103 p. (In Russ.)
2. Berdyayev N. The religious foundations of Bolshevism (from the religious psychology of the Russian people). Available at: www.magister.msk.ru/library/philos/berdyayev/berdn03.htm (accessed 30.06.2018) (In Russ.)
3. Bulgakov S. Selected works. Vol. 2. Selected articles. Moscow, 1993. 1351 p. (In Russ.)
4. Bullock A. *Hitler and Stalin: lives of the great dictators*. Vol. 1, 2. Smolensk, 2000. (In Russ.)
5. David-Fox M. Modernity in Russia and the USSR: absent, common, alternative or intermingled? *New Literary Review*. 2016. No 4 (140). Available at: <http://www.nlobooks.ru/node/7551> (accessed 18.06.2018). (In Russ.)
6. Losev A. F. *The dialectics of myth*. Moscow, 2001. 558 p. (In Russ.)
7. Menkovsky V. I. Soviet Union of the 1930s in the anglophone historiography. Syktyvkar, 2013. 220 p. Available at: https://illhkomisc.ru/wp-content/uploads/2014/11/menkovskij-i-dr_monografija.pdf 10 (accessed 10.06.2018) (In Russ.)
8. Khlevnyuk O. *Master of the house: Stalin and his inner circle*. Moscow, 2010. 479 p. (In Russ.)
9. Gill G. *Stalinism*. New York, 1990. 108 p.
10. Kotkin S. *Stalin: Waiting for Hitler, 1929–1941*. New York, Penguin Press, 2017. 1184 p.
11. Kotkin S. 1991 and the Russian Revolution: Sources, Conceptual Categories, Analytic Frameworks // *Journal of Modern History*. 1998. Vol. 70. Issue 2. P. 384–425.
12. Kotkin S. *Magnetic Mountain: Stalinism as Civilization*. Berkeley, 1995. 639 p.
13. Krylova A. The Tenacious Liberal Subject in Soviet Studies // *Kritika*. 2000. Vol. 1. Issue 1. P. 110–146.
14. Nove A, ed. *Stalin Phenomenon*. London, 1993. 232 p.
15. Slezkine Y. *The House of Government: A Saga of the Russian Revolution*. Princeton University Press, 2017. 1104 p.
16. Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. Cambridge, New York, 1997. 369 p.
17. Tucker R. *Stalin in Power: The Revolution from Above, 1928–1941*. New York, 1990. 707 p.

Поступила в редакцию 02.04.2018

АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ БЕЛОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры истории Института гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет (Кострома, Российская Федерация)

Belovi_1957@mail.ru

ВЛАДИСЛАВ АЛЕКСАНДРОВИЧ КОЛЕСНИКОВ

студент 2-го курса магистратуры кафедры истории Института гуманитарных наук и социальных технологий, Костромской государственный университет (Кострома, Российская Федерация)

vladkoles95@yandex.ru

РЕШЕНИЕ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ВОПРОСА В КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В АВГУСТЕ 1914 – ФЕВРАЛЕ 1917 ГОДА

В изучении продовольственного вопроса в годы Первой мировой войны до Февральского переворота (август 1914 – февраль 1917 года) особенно важным представляется сейчас региональный аспект. Продовольственный вопрос в Костромской губернии в годы Первой мировой войны до сих пор остается малоизученным, исследование данной проблемы через призму отдельно взятой губернии позволит выявить особенности ее решения на местах. Продовольственный вопрос в Костромской губернии стал проблемным с самого начала военных действий. Попытки остановить рост цен на продовольствие с помощью таксировки продуктов зачастую приводили к отрицательному эффекту. После великого отступления 1915 года в Российской империи было сформировано Особое совещание по продовольственному вопросу, была создана система уполномоченных Особого совещания. До февраля 1917 года выделяются два этапа решения проблемы: первый этап характеризуется отсутствием единого организационного центра, на втором этапе в центре ее решения становится уполномоченный Особого совещания.

Ключевые слова: Первая мировая война, продовольственный вопрос, русское общество, Костромская губерния, продовольственное снабжение, кооперация, земство, уполномоченный Особого совещания по продовольствию

В изучении продовольственного вопроса в годы Первой мировой войны намечается тенденция к исследованию проблемы на региональном уровне, поскольку ситуация в центре и на местах, по губерниям, различалась. При решении проблемы доставки хлеба проявились экономические противоречия производящих и потребляющих зерно регионов, отмечает П. В. Забелин, исследуя обеспечение продовольственной безопасности в Смоленской губернии [3]. Наибольшие трудности испытывали промышленные районы и столичные города, указывает Я. А. Голубинов, рассматривая продовольственный вопрос по материалам Самарской губернии [2].

Исследование состояния продовольственного вопроса во время Первой мировой войны по материалам Костромской губернии необходимо для понимания системы снабжения продовольствием непроизводящих и испытывающих нехватку хлеба губерний в условиях военного времени, выявления пределов социального самочувствия различных сословий и социальных слоев, а также путей преодоления продовольственного кризиса.

Костромская губерния в системе продовольственного снабжения относилась к потребляющей хлеб. Выращиваемые в губернии зерновые обес-

печивали население продовольствием не более чем на полгода¹, а недостаток продуктов покрывался ввозом хлеба из производящих губерний. В большей степени относительно дешевый и качественный хлеб доставлялся Волжским речным путем из восточных губерний [6: 24]. За трехлетие (1908–1911), в течение года зерновых по железным дорогам доставлялось: ржи – 206 тыс. пудов (10,6 %), пшеницы – 29,6 тыс. (1,4 %); по рекам – ржи 1733,4 тыс. (89,4 %), пшеницы – 2028 тыс. пудов (98,6 %)². Как видно, преобладал водный путь ввоза хлеба в губернию, что объяснялось выгодным расположением Костромы на главной судоходной артерии России. Железная дорога проходила через северные уезды губернии, но этот путь в снабжении использовался редко.

Начало Первой мировой войны не могло не отразиться на продовольственном снабжении губернии. Тем более и решение его не было централизовано. Продовольственным вопросом занимались губернатор, городские думы, земство, кооперативы.

Губернатор помимо утверждения такс издавал обязательные постановления, запрещавшие повышение цен на съестные припасы и предметы

первой необходимости. Виновные в нарушении постановлений подвергались в административном порядке заключению в тюрьме на три месяца, либо аресту на тот же срок, либо денежным штрафам до 3000 руб.³ Обязательные постановления Главноначальствующего зачастую запрещали вывоз хлебных продуктов из пределов Костромской губернии, как, например, в постановлении от 20 февраля 1915 года⁴. Но постановления были временным явлением, и запрещение на вывоз хлеба было отменено уже 9 апреля 1915 года⁵.

Городские Думы, а в небольших городах – городские уполномоченные с началом войны начали составлять таксы⁶ на продукты первой необходимости, утверждаемые затем губернатором и публикавшиеся в официальной газете «Костромские губернские ведомости». С началом военных действий и повышением цен на продовольственные продукты почти все городские управления пытаются установить собственные расценки⁷. Однако таксы на продукты не решали проблемы. Таксы не достигали своей цели, торговцы их игнорировали, продавая продукты по завышенным ценам, как было в Судиславле⁸. Установленные твердые цены не действовали и по причине зависимости от подвоза продуктов в город, как это было в Солигаличе⁹, а в посаде Большие Соли таксировка не действовала ввиду инфляции¹⁰. В Кологриве наличие таксы вызывало проблемы с закупками¹¹. В то же время наличие твердых цен приводило к исчезновению продуктов с мест торговли. Крестьяне предпочитали продавать продукцию своего хозяйства в свободной торговле, без нормирования цен. Поэтому весьма вероятным был риск оставить население вообще без продуктов¹². Таксы на продукты первой необходимости в большей части были отменены в течение 1915–1916 годов, к февралю 1917 года в Костромской губернии их уже не было, за исключением Солигалического уезда, где такса была установлена на печенный хлеб и булки¹³.

Земства занимались закупкой продовольствия для последующей его продажи населению, имея целью снижение спекулятивных цен. 2 сентября 1915 года Губернская Земская управа возбудила перед управлением сельской продовольственной части ходатайство о выдаче беспроцентной ссуды в размере 700 тыс. руб. для закупки предметов первой необходимости. 15 сентября 1915 года управа получила согласие и приступила к закупкам¹⁴.

Кооперативы Костромской губернии в рамках продовольственного вопроса оказывали значительную помощь населению, продавая товары по закупочной цене в борьбе со спекуляцией на рынке. В борьбе со спекуляцией со стороны предпринимателей кооперативы в феврале 1915 года делают шаги для устройства кооперативной мельницы. На эту цель они ассигновали около

7000 рублей¹⁵. Вопрос борьбы с дороговизной был рассмотрен на Губернском Кооперативном съезде 23–24 августа 1915 года, созванном по инициативе Костромского Центрального сельскохозяйственного общества – союзной организации кооперативов губернии. В работе съезда приняли участие представители 120 кооперативов¹⁶.

Вступление страны в мировую войну приводит к обострению продовольственного вопроса. Хлеб и мука начинают дорожать. К концу 1914 года отмечается рост цен на продукты первой необходимости. Правлениями потребительских обществ при фабриках Большой Костромской льняной мануфактуры и братьев Зотовых в Костроме была составлена справка о ценах на продовольствие до войны и к концу 1914 года. Мука ржаная (за мешок) – дорожает на 33,3 %, пшено – на 27,9 %, крупа ядрица – на 63 %, соль – на 77,7 %¹⁷. После погрома немецких магазинов в Москве в мае 1915 года в жандармское управление стали поступать сведения, что и среди костромских рабочих начали распространяться призывы к погрому крупных мукомольных фирм Чумакова и Аристова¹⁸. 5 июня 1915 года рабочие фабрики Кашина бросили работу и прошли к Зотовской фабрике, где сняли рабочих с работы и, соединившись в тысячную толпу, направились к центру города с требованием к губернатору упорядочить продовольственный вопрос¹⁹. В итоге демонстрация была разогнана стражниками, несколько рабочих было убито. Событие это вызвало запрос в Государственной Думе, следствием чего состоялся перевод губернатора Мякинина, взявшего всю вину на себя, в другую местность²⁰.

С августа 1914 по август 1915 года цены на многие продукты удвоились (мясо, сахар, крупа, мука пшеничная, соль) или даже утроились (мука ржаная и пр.). В то же время покупательные возможности населения за этот период времени снижаются²¹.

К середине 1915 года становится ясно, что война приобретает затяжной характер, а Русская армия отступает. Необходимо было решать продовольственный вопрос не только в рамках отдельно взятой губернии, но и в масштабах всей России. 17 августа 1915 года учреждается Особое совещание по продовольствию под председательством главноуправляющего земледелия и землеустройства [5] (до 26 октября 1915 года эту должность занимал А. В. Кривошеин). В октябре 1915 года создается система уполномоченных председателя особого совещания по продовольствию. В их обязанности входило: выяснение количества продовольствия, необходимого для снабжения местного населения; определение состояния запасов продуктов в губернии; поиск поставщиков хлеба; принятие необходимых мер к образованию местных запасов продовольствия для урегулирования цен; распределение среди местного населения; сношение с органами Ми-

нистерства путей сообщения о подвозе к населенным пунктам. Уполномоченные совещания становятся резидентами, информированными о продовольственном положении во вверенных им районах [4: 142].

Телеграммой от 21 октября 1915 года председатель Особого совещания по продовольствию А. В. Кривошеин назначил уполномоченным по Костромской губернии председателя Костромской губернской земской управы Бориса Николаевича Зузина²². Это распоряжение застало Зузина в передовом отряде действующей армии. Лишь по возвращении с фронта в ноябре он принимает на себя обязанности уполномоченного. Фактически Совещание при уполномоченном в Костромской губернии начинает работу с 21 ноября 1915 года. На первом заседании был намечен план по изучению состояния продовольственных запасов в губернии и мер к их пополнению²³. Уездным земствам и городам были выданы специальные опросные листы для составления сведений, необходимых для выяснения актуальных вопросов снабжения. В крупных городах – Костроме, Кинешме, Юрьевце проводится перепись запасов продовольствия. Были собраны сведения от начальников судоходных станций о движении продовольственных грузов²⁴.

В конце 1915 – начале 1916 года начинается оформление уездных продовольственных совещаний, а также более мелких – волостных и районных²⁵. В общем виде складывается иерархическая структура совещаний, призванных решать продовольственный вопрос. Задачи районных и волостных совещаний были связаны с выяснением нужд местного населения, учетом имеющихся в районе наличных запасов продовольствия и семян, определением поставщиков, организаций закупок, устройством складов. Помимо этого, районные совещания получают право возбуждать вопрос о реквизиции продовольствия²⁶.

В Костромской губернии Совещание при уполномоченном по продовольствию становится центром в деле решения продовольственного вопроса.

Первые проблемы, с которыми пришлось столкнуться новой системе, появились уже в начале 1916 года. В связи с нехваткой продовольствия губернское продовольственное Совещание признает необходимым прекратить вывоз пшеничной муки за пределы региона²⁷. В Костроме и одноименном уезде ввиду дефицита в марте была установлена продажа пшеничной муки исключительно по карточкам, выданным жителям Городской управы, соответственно жителям уезда – местной управой. Мука распределялась от уполномоченного через городское и уездные продовольственные совещания. При этом в городе отпуск муки населению осуществлялся частными торговцами, а в уезде – исключительно кооперативами. В июне 1916 года ввиду значительного

поступления в город муки, помимо уполномоченного, продажа ее по карточкам в Костроме была фактически отменена, однако продолжала осуществляться в Костромском уезде через местное продовольственное Совещание. Тем не менее в Костроме, как и в одноименном уезде, с 1 июня введен отпуск по карточкам сахара. Летом 1916 года уездными продовольственными совещаниями, за исключением Чухломского и Макарьевского, вводится карточная система на сахар. В то же время запасы частных торговцев былипущены в продажу без ограничений²⁸. Распределение продуктов производилось через систему кооперативов²⁹, при посредстве частных торговцев³⁰, через общественные лавки³¹. Расходы на введение продовольственных книжек и карточек окупались наложением процента на заготовительную стоимость продукта. Так, в Нерехте он составлял 5 % на 1 руб. заготовительной стоимости³², в Буйском уезде цена книжек составляла 10 коп.³³

В решении вопроса снабжения населения была признана желательной самостоятельная заготовка общественными организациями и губернским земством продовольственных продуктов³⁴.

Костромская губернская земская управа 20 июня 1916 года постановила ходатайствовать перед губернатором о предоставлении гарантии государственного казначейства по займу в 2 млн руб. под 6,5 % годовых, которые планировалось использовать для закупки продовольствия³⁵. Ввиду того что ходатайство было сделано от лица губернской земской управы, а не от лица земского собрания, оно натолкнулось на юридические трудности, и губернатор не мог вынести его на обсуждение Губернского по земским и городским делам присутствия, поскольку это могло привести к признанию за земскими управами распорядительной власти, а они являлись лишь органами исполнительными³⁶. Данный вопрос рассматривался заместителем министра внутренних дел, начальником Главного управления по делам местного хозяйства. В итоге только 3 августа губернатор получил телеграмму от начальника Главного управления по делам местного хозяйства, что заем Костромскому губернскому земству на продовольственные операции разрешается с соблюдением законодательных требований³⁷. К этому времени сроки закупок были упущены, а осенние речные рейсы оказались неиспользованными, и 12 млн пудов хлеба предстояло ввозить по железной дороге³⁸. В такой обстановке 31 октября 1916 года Совещание при уполномоченном признало необходимым незамедлительное введение карточной системы на продовольственные продукты во всей губернии³⁹. С 1 ноября Костромская губерния как потребляющая по снабжению пшеницей отнесена к Таврической губернии, а рожью – к Тамбовской, Воронежской и Казанской губерниям. Соответственно пшеничной мукой – к Нижнему Новго-

роду, а ржаной – к Нижегородской и Ярославской губерниям⁴⁰.

С 1 января 1917 года карточная система вводилась на территории всей губернии на продажу ржаной и пшеничной муки, всех круп и сахара. Перед введением продовольственных карточек в каждом уезде проводилась перепись запасов продуктов, а также составление списков с общим указанием наличного числа едоков в семье. Перепись производилась уездными продовольственными совещаниями при содействии самого населения и через кооперативы, а где это не представлялось возможным – через сельские и волостные администрации. Задержки в проведении карточной системы затрудняли снабжение уездов продовольствием губернскими организациями⁴¹.

В условиях подготовки к введению карточной системы 2 декабря 1916 года управляющий министерством земледелия телеграммой в адрес губернской управы предложил разверстать налог в 3,2 млн пудов овса по уездам: Варнавинскому, Ветлужскому, Кологривскому и Макарьевскому, которые были признаны производящими⁴². Однако местная управа постановила считать эту цифру налога невозможной. Было признано, что губерния в состоянии поставить 1,338 млн пудов овса⁴³, да и из этой величины в ответе министерству признавалось, что 958 018 пудов доставить будет затруднительно⁴⁴.

По ноябрьскому и декабрьскому планам снабжения Костромская губерния не получила ни одного вагона зерна и муки, фактически иссяк и запас круп. Сообщалось также, что население переходит к усиленному питанию овсяной мукой⁴⁵. 10 января 1917 года уполномоченный по продовольственному вопросу Б. Н. Зузин отправляет телеграмму в адрес Центрумуки (Петроград) с просьбой указать возможные районы закупок пшеницы и ржи для предстоящей навигации в опасении, что весенние рейсы, как и в истекшем году осенние, останутся неиспользованными. Он высказывал опасения, что это поставит губернию в критическое положение. В ответной телеграмме министерство информировало, что закупки хлебов возможны лишь по окончании разверстки для снабжения армии, срок которой занимал период в 6 месяцев начиная с 1 января⁴⁶. 3 февраля 1917 года в связи с критическим остатком в 520 тыс. пудов продовольственным Совещанием были подвергнуты пересмотру нормы отпуска пшеничной муки населению губернии. Население городов по этому постановлению получало по 10 фунтов муки в месяц, рабочие – 5 фунтов, сельское население – 5 фунтов к Пасхе⁴⁷.

Февральско-мартовский переворот Костромская губерния встречала в положении тяжелого продовольственного кризиса. 12 марта 1917 года в помещении Губернской земской управы состоялось организационное заседание Губерн-

ского продовольственного комитета, созванное губернской управой. Комитет определил следующие задачи: обеспечить снабжение населения продовольствием до навигации, произвести обследование частных хозяйств, организовать закупки и снабжение в навигационный период. От имени Комитета была выражена благодарность Б. Н. Зузину за труды по обеспечению Костромской губернии продовольствием⁴⁸.

Следует отметить, что не менее острые проблемы с поставками продовольствия характерны были и для столицы Империи и северо-западных губерний. Так, столица к началу 1917 года оказалась в катастрофическом положении. Бесконечные очереди у хлебных лавок стали привычным явлением. В последние дни января произошло сокращение хлебного запаса столицы до 10 дней. Подвоз продовольствия составлял лишь 50 % от нормы [4: 247]. Продовольственный кризис наложился на сложный социальный и цивилизационный конфликт [1]. Все это в конечном счете определит революционный настрой солдат столицы в условиях февраля – марта 1917 года.

Таким образом, за 2,5 года войны в Костромской губернии очевидны два этапа в решении продовольственного вопроса:

1) август 1914 – ноябрь 1915 года. Характеризуется отсутствием единого центра, который бы руководил решением продовольственного вопроса. В его решении участвовали губернатор, городские думы, земства, кооперативы. Попытка решения продовольственного вопроса установлением такс приносила в основном отрицательный результат, поскольку продовольствие дорожало, пропадало с рынков, а крестьяне отказывались его продавать. Уже в первый год войны очевиден заметный рост цен на продукты.

2) Ноябрь 1915 – февраль 1917 года. Связан с деятельностью уполномоченного Особого совещания по продовольственному вопросу. Уполномоченный становится центральной фигурой в решении продовольственного вопроса. Уже в начале 1916 года для решения продовольственного кризиса в Костроме и уезде были введены карточки на пшеничную муку, а летом 1916 года – на сахар, при этом происходит отказ от системы такс на продовольствие. Губерния оказалась в тяжелом положении ввиду несоставившихся продовольственных закупок 1916 года и неиспользованных осенних речных рейсов, поэтому для решения надвигающегося кризиса встал вопрос о введении карточной системы на территории всей губернии. Проблему обостряло требование министерства земледелия о реквизиции овса для нужд армии.

Февральско-мартовские события в столице Костромская губерния встречала в условиях нарастающего продовольственного кризиса. В ходе переворота в Костроме создается Губернский продовольственный комитет, и на этом закан-

чиваются деятельность уполномоченного Особого совещания по продовольственному вопросу. В условиях революционной смуты продовольственный вопрос в Костромской губернии будет одним из важнейших в борьбе за власть, приве-

дет к неуправляемым эксцессам и погромам⁴⁹. Эту проблему уже на классовых основах придется решать новой советской власти в последующие годы Гражданской войны и восстановления народного хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Совещание об обработке полей // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 3. С. 17–19.
- ² К вопросу о продовольствии населения Костромской губ. // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 3. С. 4–10.
- ³ Обязательное постановление Главноначальствующего Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. 1914. 2 августа. С. 2.
- ⁴ Обязательное постановление Главноначальствующего Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. 1914. 2 августа. С. 2.
- ⁵ Обязательное постановление Главноначальствующего Костромской губернии // Костромские губернские ведомости. 1915. 15 апреля. С. 1.
- ⁶ Такса – твердые цены на продукты первой необходимости, в Костромской губернии устанавливались городскими думами, в небольших городах – городскими уполномоченными, утверждались костромским губернатором.
- ⁷ Государственный архив Костромской области (далее ГАКО). Ф. 535. Оп. 2. Д. 79. Л. 79об.
- ⁸ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 112. Л. 117.
- ⁹ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 112. Л. 154.
- ¹⁰ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 112. Л. 41, 41об.
- ¹¹ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 112. Л. 35.
- ¹² ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 79. Л. 79об.
- ¹³ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 79. Л. 136.
- ¹⁴ Губернское земское собрание // Известия Костромского губернского земства. 1915. № 11. С. 34–50.
- ¹⁵ Кооператоры! // Костромской кооператор. 1915. № 2–3. С. 2–3.
- ¹⁶ Из жизни кооперации Костромской губернии // Костромской кооператор. 1915. № 12–19. С. 16–17.
- ¹⁷ Вздорожание жизни // Известия Костромского губернского земства. 1915. № 4. С. 5–9.
- ¹⁸ Костромское охранное отделение: записки жандармского офицера. Кострома, 1917. С. 27–28.
- ¹⁹ Там же. С. 28.
- ²⁰ Там же. С. 38.
- ²¹ Вопрос о борьбе с дороговизной в Костромском уездном земстве // Известия Костромского губернского земства. 1915. № 7. С. 40–48.
- ²² Особое совещание по продовольственному делу // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 1. С. 26–28.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Деятельность Костромского уполномоченного и учрежденных им в губернии продовольственных организаций за время с 15 ноября 1915 г. по 1-е апреля 1916 года // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 4. С. 20–26.
- ²⁵ Продовольственная организация в Костромской губ. // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 7. С. 41–46.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Деятельность Костромского уполномоченного и учрежденных им в губернии продовольственных организаций за время с 15 ноября 1915 г. по 1-е апреля 1916 года // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 4. С. 20–26.
- ²⁸ ГАКО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 172. Л. 174–174об.
- ²⁹ ГАКО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 172. Л. 3.
- ³⁰ ГАКО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 172. Л. 107–107об.
- ³¹ ГАКО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 172. Л. 37.
- ³² ГАКО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 172. Л. 139.
- ³³ ГАКО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 172. Л. 143.
- ³⁴ Деятельность Костромского уполномоченного и учрежденных им в губернии продовольственных организаций за время с 15 ноября 1915 г. по 1-е апреля 1916 года // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 4. С. 20–26.
- ³⁵ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 155. Л. 38.
- ³⁶ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 155. Л. 40, 40об.
- ³⁷ ГАКО. Ф. 535. Оп. 2. Д. 155. Л. 52.
- ³⁸ Совещание при Уполномоченном по продовольственному делу // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 13. С. 11–16.
- ³⁹ Совещание о введении карточной системы // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 18. С. 13–15.
- ⁴⁰ Как губерния снабжается продовольствием // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 19. С. 13–14.
- ⁴¹ ГАКО. Ф. 535. Оп. 1. Д. 172. Л. 126, 126об., 127.
- ⁴² Хлебная повинность в Костромской губ. // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 21. С. 8–9.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ К итогам развёрстки овса // Известия Костромского губернского земства. 1917. № 2. С. 9–12.
- ⁴⁵ Совещания о развёрстке 3137000 пуд. овса в Костромской губ. // Известия Костромского губернского земства. 1916. № 22. С. 11–17.
- ⁴⁶ Использование весенней навигации для ввоза хлеба // Известия Костромского губернского земства. 1917. № 4. С. 14.
- ⁴⁷ Новые нормы отпуска пшеничной муки в губернии // Известия Костромского губернского земства. 1917. № 5. С. 11–12.
- ⁴⁸ Губ. Продовольств. Комитет // Известия Костромского губернского земства. 1917. № 10. С. 11–15.
- ⁴⁹ См.: Хроника революционных событий 1917 года в Костроме / Сост. А. М. Белов. Кострома, 2017. 144 с. С. 71, 93 и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б е л о в А. М. К истории Русской революции // Вестник Костромского государственного университета. 2017. Т. 23. № 4. С. 268–270.
2. Г о л у б и н о в Я. А. Продовольственный вопрос в Российской провинции в годы Первой мировой войны (на материалах Самарской губернии) // Вестник СамГУ. История, педагогика, филология. 2007. № 3–5 (55). С. 194–200.
3. З а б е л и н П. В. Обеспечение продовольственной безопасности Смоленской губернии в годы Первой мировой войны // Региональные исследования. 2013. № 1. С. 136–142.
4. К и т а н и н а Т. М. Война, хлеб и революция (продовольственный вопрос в России. 1914 – октябрь 1917 г.) / Под ред. С. И. Потолова. Л.: Наука, 1985. 384 с.
5. Ко н д р а т ьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции // Исторические материалы [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://istmat.info/node/25336> (дата обращения 04.06.2018).
6. Р од н о в М. И. Пространство хлебного рынка (Уфимская губерния в конце XIX – начале XX вв.). Уфа, 2012. 225 с.

Belov A. M., Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)
Kolesnikov V. A., Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)

SOLUTION OF THE FOOD PROBLEM IN KOSTROMA PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR (FROM AUGUST 1914 TO FEBRUARY 1917)

The study of the food problem during the First World War until the February Revolution (from August 1914 to February 1917) tends to shift to the study of regional history. The food problem in Kostroma province during the First World War is understudied, and exploring this problem through the prism of a single province will reveal the local features of this issue solution. The food issue in Kostroma province became a problem from the very beginning of the hostilities because of its consuming nature. Attempts to stop the rise in food prices by product taxation often had a negative effect. After the Great Retreat of 1915, the Russian Empire established the Special Meeting on Food Crisis and formed the institute of commissioners to regulate food issues. Until February 1917, the problem was being resolved in two stages: the first stage is characterized by the lack of a single organizational center, while during the second stage the central role in this issue is taken by the Special Meeting's Commissioner.

Key words: First World War, food problem, Russian society, Kostroma province, food supply, co-operation, Commissioner of the Special Meeting on Food Crisis

REFERENCES

1. Belov A. M. On the history of the Russian Revolution. *Vestnik of Kostroma State University*. 2017. Vol. 23. No 4. P. 268–270. (In Russ.)
2. Golubinov Ya. A. Food supply problem in Russian province during the period of the First World War (by the example of Samara region). *Vestnik SamGU*. 2007. No 3–5. P. 194–200. (In Russ.)
3. Zabelin P. V. Role of a zemstvo and city self-management in the decision of the food question during the period of the First World War (on materials of Smolensk province). *Regional'nye issledovaniya*. 2013. No 1. P. 136–142. (In Russ.)
4. Kitaina T. M. War, bread and Revolution. Leningrad, 1985. 384 p. (In Russ.)
5. Kondrat'ev N. D. Kondrat'ev N. D. Grain market and its regulation during WWI and the Revolution. *Istoricheskie materialy*. Available at: <http://istmat.info/node/25336> (accessed 04.06.2018) (In Russ.)
6. Rodnov M. I. The space of the bread market (Ufa province in the late XIX and early XX centuries). Ufa, 2012. 225 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 07.06.2018

ВАСИЛИЙ СТЕПАНОВИЧ ХРИСТОФОРОВ

доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник ИРИ РАН, Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Российская Федерация)

xvsarhiv@rambler.ru

ТАЙНОЕ ПРОТИВОБОРСТВО СОВЕТСКИХ И ФИНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ В 1941–1944 ГОДАХ: УСТАНОВКИ, ЦЕЛИ, РЕЗУЛЬТАТ

В статье, написанной на основе документов Центрального архива ФСБ России, рассказывается о тайном, но достаточно жестоком противоборстве советских и финских специальных служб, которое велось в 1941–1944 годах. Приводятся примеры деятельности финских диверсантов в тылу Красной армии, говорится о мерах, принимавшихся советской контрразведкой по их розыску, задержанию и уничтожению. Содержатся данные о вербовке финскими спецслужбами советских военнопленных и результатах этой работы. Отмечаются положительные результаты и недостатки в работе советской контрразведки.

Ключевые слова: СССР, Финляндия, спецслужбы, разведка, контрразведка, диверсанты, парашютисты, Кировская железная дорога, военнопленные

В 1941–1944 годах на советско-финском фронте между специальными службами обеих стран велось постоянное жесткое тайное противоборство. Разведки забрасывали специально подготовленные группы в тыл друг друга с целью ведения разведывательной и диверсионной деятельности. Контрразведывательные подразделения и СССР, и Финляндии имели четкие установки: найти, задержать или уничтожить специальные группы противника.

При подготовке статьи использовались источники, хранящиеся в Центральном архиве ФСБ России, общая характеристика которых приведена в публикациях на финском языке [5], [6], а также работы карельских историков, затрагивавших эту проблему в своих работах [1], [2].

Накануне войны контрразведывательные функции в той или иной степени были возложены на Государственную тайную полицию Финляндии, Центральный отдел надзора (контрразведка) при Главной квартире финской армии и Контрразведывательное бюро 2-го (разведывательного) отдела Генерального штаба финской армии.

Центральный отдел надзора (контрразведка) при Главной квартире финской армии, а также его филиалы – отделы надзора в городах Хельсинки, Тампере, Оулу, Вааза, Рованиеми (Лапландский отдел), Турку, Миккели, Йоэнсуу, а также на станции Коувола – в мирное время вели контрразведывательную работу в финской армии. После нападения Финляндии на Советский Союз и оккупации финской армией части районов Карело-Финской ССР и Ленинградской области на Центральный отдел надзора и его филиалы (отделы надзора в наиболее крупных городах Финляндии), а также на созданные отделы надзора

на оккупированной советской территории было возложено ведение контрразведывательной работы среди гражданского населения на территории Финляндии и на оккупированных территориях. Центральный отдел надзора состоял из трех отделов: юридического, контрразведывательного и хозяйственного. Контрразведывательный отдел проводил весь комплекс контрразведывательной работы, а также руководил и координировал контрразведывательную работу периферийных отделов надзора. Во время Советско-финляндской войны Центральный отдел надзора (начальник – полковник Генерального штаба Роппонен Маттио) проводил контрразведывательную работу в частях и соединениях финской армии, на оборонных предприятиях и объектах транспорта в Финляндии и среди местного населения оккупированной территории. Отделы надзора выявляли: антифинские настроения населения; лиц, проводивших антифинскую пропаганду; дезертиров; случаи перехода на сторону противника; занимались цензурой переписки военнослужащих финской армии; вели розыск политических преступников из числа военнослужащих финской армии и лиц, сбежавших из-под следствия или из тюрем. Кроме того, отдел надзора занимался обслуживанием концентрационных лагерей¹.

На оккупированных территориях КФССР были созданы отделы надзора в Петрозаводске и Выборге, Великой Губе (Заонежский район), Олонце, Медвежьегорске, Ладве (Прионежский район). Основной задачей отделов надзора на оккупированной территории была борьба с советскими партизанами и разведчиками, выявление партийного, советского и комсомольского актива, официальных и негласных сотрудников НКВД –

НКГБ, бойцов истребительных батальонов, лиц, враждебно настроенных к финским властям. Аналогичная работа проводилась и среди лиц, заключенных финскими властями в концентрационные лагеря на оккупированных территориях².

При работе с местным населением сотрудники отделов надзора подчеркивали, что населению оккупированных территорий мешают строить «новую жизнь» советские партизаны и разведчики, периодически появлявшиеся в данной местности и выходившие на связь со своими родственниками.

Сотрудники отдела надзора, дислоцировавшегося в Петрозаводске, вели расследование дел задержанных советских разведчиков и партизан, которые содержались в Петрозаводской тюрьме. После вынесения приговоров советские разведчики и партизаны направлялись для отбытия наказания в центральную тюрьму Восточной Карелии в пос. Киндасово Пряжинского района (Киндасовская тюрьма).

Контрразведывательное бюро 2-го (разведывательного) отдела Генерального штаба финской армии руководило работой против советской разведки на территории Финляндии, на оккупированной территории Карело-Финской ССР и в тылу Красной армии. Контрразведывательной работой в войсках частях финской армии занималась государственная тайная полиция (полевая жандармерия), руководимая МВД Финляндии. Так, армейским корпусам были приданы роты полевой жандармерии, которые контактировали с пунктами контрразведывательного бюро.

Работа 2-го отдела Генерального штаба финской армии велась по двум основным направлениям. Во-первых, активная работа среди советских военнопленных. Финские контрразведчики вели разведывательный опрос, подбирали кандидатов и вербовали агентов как для работы в лагерях военнопленных, так и для направления в тыл Красной армии под видом лиц, бежавших из плена, с целью внедрения в советские разведывательные и контрразведывательные органы, органы управления Красной армией, а также для дальнейшего оседания на территории Карело-Финской ССР, Мурманской, Архангельской, Вологодской областей. Во-вторых, финские контрразведчики активно работали с захваченными советскими партизанами и разведчиками, вели их идеологическую обработку, стараясь перевербовать с целью внедрения в советские разведывательные и контрразведывательные службы.

Архивные документы свидетельствуют, что финская разведка регулярно направляла в тыл Красной армии разведывательно-диверсионные группы. Большая часть из них не смогла достигнуть поставленной цели. Многие финские разведчики и диверсанты были задержаны или погибли при переходе линии фронта. В 1941 и 1942 годах в тыл Карельского фронта были направлены

87 разведывательно-диверсионных групп. Из них 33 – уничтожены при попытке перехода линии фронта, 23 – задержаны подразделениями войск НКВД по охране тыла фронта и особыми отдельными НКВД Архангельского военного округа, Ленинградского и Карельского фронтов, 7-й отдельной армии. 27 групп, вступив в бой, возвратились, не выполнив задание. Только 4 группы достигли Кировской железной дороги и совершили диверсии [3: 94–96, 212–213].

В состав финской оперативной группы «О» генерала Ойонена входили кавалерийская и егерская бригады, а также войсковой разведывательно-диверсионный отряд, который дислоцировался в Заонежском районе. В феврале 1942 года в тыл Красной армии была направлена разведывательно-диверсионная группа этого отряда, состоявшая из 83 человек. Диверсантов обнаружили и уничтожили части Красной армии. Несколько человек из разведывательно-диверсионной группы были захвачены в плен и дали показания о деятельности финских диверсантов³.

Начиная с августа 1942 года задержания в Карелии, Ленинградской, Мурманской, Архангельской и Вологодской областях носили массовый характер, многие агенты из числа советских военнопленных сами приходили с повинной в советскую контрразведку⁴.

1 сентября 1942 года в Коношском районе Архангельской области с самолета была десантирована группа из 13 агентов финской разведки с заданием собрать сведения о воинских частях, аэродромах, танках, самолетах и провести диверсионные акты на железной дороге. 2 сентября радиоконтрразведка НКВД СССР зафиксировала работу двух нелегальных радиостанций в районе Каргополь – Няндома – Вытегра. 5 сентября эта группа в Плесецком районе Архангельской области, на 941-м километре Северной железной дороги, заминировала железнодорожное полотно, в результате чего произошло крушение товарного поезда. Отступая, диверсанты заминировали пути отхода и убили стрелочницу. 16 сентября на том же 941-м км, на вновь построенной линии, на мине подорвался товарный поезд, груженный мукой [3: 329].

Для ликвидации финских диверсантов и предупреждения диверсий на Кировской и Северной железных дорогах из Москвы была направлена группа сотрудников 2-го (контрразведывательного) и Транспортного управлений НКВД СССР, которые с сотрудниками УНКВД по Архангельской области приступили к оперативному розыску. В качестве агентов-маршрутников использовали местных охотников, рыбаков и звероловов. Были взяты под контроль важнейшие станции: Коноша, Няндома, Емца, Обозерская, Плесецкая, Вожега, а также места вероятного нахождения диверсантов: рабочие поселки и прилежащие к железным дорогам населенные пункты. Круглосуточно ра-

ботали три радиоконтрразведывательные группы НКВД СССР, находившиеся в Архангельской области [3: 304–307].

В поиске диверсантов участвовали все подразделения и истребительный батальон УНКВД по Архангельской области, части Красной армии и внутренних войск НКВД, подразделения охраны железных дорог и исправительно-трудовых лагерей (Каргопольского и Северодвинского). После обнаружения двух групп финских диверсантов в Архангельской области 8 октября 1942 года была проведена операция по их задержанию, в ходе которой 4 диверсанта убиты, 9 – захвачены. В ходе операции изъято 2 коротковолновые радиостанции, аппарат для подслушивания телефонных переговоров, шифры и коды, стрелковое оружие и боеприпасы. Кроме того, захвачен гидросамолет «Хайнкель-115», присланный для эвакуации диверсантов [3: 329–330].

В течение 1942 года на территорию Вологодской области противник забросил семь диверсионных групп: 24 немецких и финских разведчик-диверсанта были обезврежены⁵.

Советская военная контрразведка регулярно задерживала финских разведчиков, подготовленных в разведывательной школе в г. Рованиеми. Так, 14 апреля 1942 года Особым отделом НКВД 14-й армии была арестована группа агентов финской разведки, состоявшая из бывших красноармейцев, находившихся в финском плену, – И. И. Аристова, М. И. Вербицкого и И. Г. Шабанова. Каждый агент был снабжен красноармейской книжкой на вымышленную фамилию и справками с печатями эвакогоспиталей о том, что находился на лечении и освобожден от строевых занятий сроком на 15 дней с амбулаторным лечением в батальоне выздоравливающих в Мурманске. Арестованные агенты имели задание проникнуть в Мурманск и собрать сведения о расположении воинских частей, штабов, аэродромов, складов, а также сведения о перевозках, осуществлявшихся через порт.

В марте 1942 года отряд из 80 человек, сформированный из финских военнослужащих 1-й отдельной разведывательной роты, вышел в тыл Красной армии на мыс Бесов Нос и далее на устье р. Водла. Задачей отряда было разгромить штаб партизанской бригады в дер. Теребовская и уничтожить суда, находившиеся во льду и на берегу. Этот отряд был своевременно обнаружен советскими контрразведчиками и полностью уничтожен.

Часть переброшенных в советский тыл агентов финской разведки, прошедших подготовку в разведшколах в 1942–1943 годах, добровольно явилась с повинной, другая часть была задержана советской контрразведкой. Некоторые агенты финской разведки из числа советских военно-пленных, оказавшихся на советской территории, не приступая к выполнению заданий, являлись с

повинной в органы НКВД и заявляли, что они переброшены финской разведкой со специальными заданиями. Так, 1 февраля 1942 года на территорию Архангельской области в качестве разведчика заброшен бывший советский военнопленный С. В тот же день он добровольно явился в УНКВД по Архангельской области и рассказал о задании, полученном от финской разведки. 5 апреля 1942 года был переброшен со шпионскими заданиями на территорию СССР бывший советский военнопленный А., давший согласие работать на финскую разведку. Переходя линию фронта, А. пришел в ближайшую воинскую часть, где рассказал о том, что завербован финской разведкой. 18 августа и 1 сентября 1942 года в Управление НКВД по Архангельской области явились три агента-парашютиста финской разведки в форме военнослужащих Красной армии, имевшие при себе фиктивные документы, с заданием разведывательно-диверсионного характера⁶.

Большинство агентов финской разведки из числа советских военнопленных были выявлены и обезврежены нашей военной контрразведкой в достаточно короткие сроки. Так, 5 апреля 1942 года на территорию СССР переброшен агент финской разведки В., снабженный оружием и боеприпасами, компасом, деньгами, синтетическими веществами, справкой эвакогоспитала, красноармейской книжкой, бланком командиро-вочного удостоверения. Уже 13 апреля 1942 года В. арестован Особым отделом НКВД 14-й армии в Мурманске. 30 июля и 4 августа НКВД КФССР задержаны два агента финской разведки К. и Н., бывшие военнослужащие Красной армии, находившиеся с 1942 года в финском плену. В лагере для военнопленных они были завербованы финской разведкой и направлены для прохождения специальной подготовки в Петрозаводскую разведывательную школу. В ночь на 10 июля сброшены на парашютах в 10 км южнее ст. Малошуйка Архангельской области с целью вести наблюдение за передвижением по железной дороге, собирать сведения о прохождении воинских эшелонов, вербовать агентуру из местных жителей⁷. В процессе допросов от них были получены данные о структуре, преподавателях и сотрудниках Петрозаводской разведшколы, кадровом составе Управления Восточной Карелии, мероприятиях финских оккупационных органов на временно захваченной территории Карелии.

Для розыска и задержания финских диверсантов меры принимались незамедлительно. Однако не всегда это давало положительный результат. Так, 2 сентября 1942 года на территории Коношского района приземлилась группа финских парашютистов численностью 12 человек. 5 сентября на перегоне между станциями (участок Архангельск – Плесецкая) они совершили подрыв товарного поезда, груженного лесоматериалами,

и благополучно возвратились на территорию Финляндии [3: 206–207, 238–239]⁸.

В середине января 1943 года советской контрразведкой были получены данные о том, что спецслужбами Финляндии направлены на территорию СССР несколько диверсионно-разведывательных групп. Розыск диверсантов вели сотрудники НКВД КФССР, военнослужащие 80-го полка войск НКВД (по охране Кировской железной дороги и Обозерской ветки), а также подразделений войск НКВД и частей Карельского фронта. 20 января на участок Кировской железной дороги выехали 6 оперативно-разыскных войсовых лыжных групп. Сотрудники транспортного отдела НКВД, районных отделений УГБ и милиции, разведотделений войск НКВД вели активный розыск во всех населенных пунктах, где могли появиться иностранные разведчики. В места предполагаемого маршрута передвижения разведчиков были направлены под видом охотников и лесников агенты-маршрутчики. Поиск и обнаружение диверсионных групп противника вели несколько самолетов-разведчиков BBC Карельского фронта. В результате была обнаружена и ликвидирована лишь одна из финских разведывательных групп из 2-й отдельной разведывательной роты в районе ст. Чупа Лоухского района и несколько финских диверсантов взяты в плен⁹.

Во второй половине сентября 1943 года для совершения диверсионных актов на Кировской железной дороге финской разведкой была направлена диверсионная группа, которую доставили на территорию Карелии на самолете. 23 сентября разведывательно-поисковая группа 73-го пп войск охраны тыла Карельского фронта в районе Кенозера обнаружила группу диверсантов, трое из которых были одеты в форму советских пограничников. После короткой перестрелки диверсанты, оставив на месте боя одного убитого и 7 вещмешков, в которых находились 4 парашюта, 25 взрывателей, 5 сигнальных полотнищ и другое снаряжение, забрали 3 раненых и отступили на юго-запад в направлении Ондозера. Скрывшись от преследования, финские диверсанты утром 24 сентября на 705-м км Кировской железной дороги подорвали колею железнодорожного полотна с помощью мины замедленного действия. В результате поиска диверсантов, организованного силами погранвойск НКВД с использованием 4 самолетов, 24 сентября с самолета были замечены 2 лодки, в которых находились 10 и 8 человек, двигавшиеся к западному берегу Ондозера. Пулеметным и пушечным огнем самолетов лодки были расстреляны и потоплены¹⁰.

В сентябре – ноябре 1943 года радиоконтрразведывательной службой НКГБ СССР на территории КФССР и Архангельской области была зарегистрирована работа радиостанций разведы-

ватально-диверсионных групп противника, находившихся в советском тылу от 15 до 30 дней, после чего они перешли обратно линию фронта или были сняты противником с помощью самолетов. Это свидетельствовало о серьезных недостатках в работе советских спецслужб. Так, например, связь противника с группой, выброшенной в сентябрь в район Сегежа – Надвоицы, была зафиксирована 14 сентября, корреспондент обнаружен 16 сентября, но его дислокация определена лишь 30 сентября, а разыскные группы прибыли в данный район только 10 октября. Связь противника с другой группой, выброшенной в район Онеги, была зафиксирована 28 сентября, а корреспондент обнаружен только 6 октября, его дислокация – 7 октября, а разыскные группы прибыли к месту дислокации корреспондента в район Онеги только 11 октября.

Для организации работы по поиску агентуры финских спецслужб, исключения в дальнейшем возможности безнаказанного пребывания финских диверсионных групп на советской территории в конце ноября 1943 года в Северо-Западный регион выехала группа руководящих работников НКГБ СССР. Для установления в кратчайшие сроки дислокации радиостанций противника был создан полустанционный пеленгаторный пункт в Пудоже, увеличена численность сотрудников, работавших на пеленгаторном пункте в Кандалакше, приняты меры по улучшению координации и взаимодействия пеленгаторных средств в Вологде, Архангельске и Мурманске, увеличено количество радиоразыскных средств¹¹.

20 июля 1944 года с территории Финляндии на гидросамолете в тыл Красной армии в районе болота Сарсую был направлен Я. Я. Хейнонен, военнослужащий 1-го батальона 31-го пехотного полка финской армии, дислоцировавшегося в местечке Руокоярви, с задачей связаться с финской разведывательной группой, действовавшей в районе Нурмиярви, и передать ей продукты. 21 июля 1944 года гидросамолет был обнаружен, один из парашютистов задержан¹².

По данным НКГБ КФССР, дер. Вокнаволок и Бабья Губа Калевальского района в 1944 году были сходным пунктом при направлении разведывательно-диверсионных групп разведывательного отдела Главной ставки финской армии. Кроме того, там дислоцировались две финские контрразведывательные группы, которые организовывали работу в тылу Красной армии.

Для ведения разведки в тылу Красной армии активно использовались разведывательные подразделения финских пограничных частей и подразделений, при которых постоянно находились представители финских разведывательных органов. Так, Отдельный пограничный батальон, охранявший границу Финляндии с СССР на участке 82-го отдельного пограничного полка войск НКВД по охране тыла Карельского фрон-

та, вел ближнюю и дальнюю разведку советского тыла в сторону устья рек Лутто и Рестикента, подступов к Кировской железной дороге в районе станций Мончегорск – Оленья. Егерский взвод (взвод дальней разведки), входящий в состав комендантской роты пограничного батальона, вел разведку в приграничной полосе, захватывал пленных, совершал диверсии, сопровождал агентов и разведывательно-диверсионные группы финской разведки, направлявшиеся в тыл Красной армии. Разведывательную работу вели и другие отдельные пограничные батальоны (7-й – на Кандалакшском направлении в районе Ала-куртти; 8-й – до августа 1942 года дислоцировавшийся в Пинкайони, затем переместившийся на Ухтинское направление в район дер. Вокнаволок).

Для борьбы с советскими партизанами и разведчиками, организации патрульной службы в оккупированных деревнях и других населенных пунктах, проведения облав и прочесывания местности активно использовались военнослужащие Олонецкой национальной бригады, сформированной летом 1941 года и укомплектованной личным составом из членов националистических организаций «Карельского академического общества», «Союза племенных воинов», «Восточно-Карельского комитета», а также карелами и ингерманландцами, проживавшими в Финляндии. Личный состав Олонецкой национальной бригады воспитывался в духе идей «Великой Финляндии».

Олонецкая национальная бригада выполняла карательно-полицейские функции и в основном занималась борьбой с советскими партизанами и разведчиками. В этих целях она несла патрульную службу в деревнях, периодически проводила облавы и прочесывание местности.

Следует отметить, что в финских и германских разведшколах было подготовлено и заброшено в тыл Красной армии значительно больше агентов, чем было задержано. Так, по данным финского журналиста Ю. Рислакки, в 1941–1944 годах финская разведка забросила в тыл Красной армии до 500 агентов, из которых половину составляли советские граждане. Их розыск продолжался и после окончания войны и в СССР, и за рубежом [2: 474].

В заключение стоит рассказать, что в 1943 и 1944 годах финская контрразведка подготовила аналитические документы под названием «Так-

тические и другие сведения о противнике», в которых были приведены ориентировки по борьбе с советскими партизанами, сформулированы понятия, кого «нужно относить к советским партизанам, разведчикам и шпионам», даны характеристики каждой этой категории в отдельности. К категории «шпионы» финны относили всех советских партизан и разведчиков, экипированных в гражданскую одежду или в финскую военную форму. Дела на «шпионов» расследовались отделами надзора и передавались финским военно-полевым судам.

По данным финской контрразведки, «подрывную работу в тылу финской армии вели органы НКГБ, Штаб партизанского движения и разведотдел Карельского фронта». Финская контрразведка знала о реорганизации, проведенной в апреле 1943 года в советской разведке и контрразведке. Эти данные она получила от сдавшегося добровольно в плен бывшего сотрудника НКВД Ш., переправленного осенью 1943 года в тыл противника от Штаба партизанского движения в качестве командира диверсионной группы¹³ [6].

Анализ названного документа финской контрразведки свидетельствовал о том, что противник имел достаточно объективное представление о комплектовании разведывательно-диверсионных групп НКГБ и их подготовке.

По мнению финской контрразведки, причинами провалов советских разведывательно-диверсионных групп в большинстве случаев была их недостаточная подготовка, что в действительности имело место в 1941–1943 годах. Финская контрразведка делала вывод о «массовости засылки агентуры» и подчеркивала, что сезон 1943–1944 годов – «наиболее оживленный».

На самом деле никакой массовости в заброски агентуры советских спецслужб не было. Ложное представление у финской контрразведки сложилось в результате изменения в тактике действий разведывательно-диверсионных отрядов, которые стали действовать не крупными соединениями, а мелкими группами¹⁴ [6].

Анализируя способы переправы советских разведывательных групп через линию фронта, финская контрразведка правильно указывала, что многие советские разведывательные группы провалились на переправах из-за слабой подготовки на переправочных пунктах, что в действительности имело место в 1943 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20633. Т. 1. Л. 58–127.

² ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20633. Т. 1. Л. 58–101; Ф. 66. Оп. 1. Д. 724. Л. 212.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 724. Л. 327.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 3. Л. 78–133.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 3. Л. 76.

⁶ Архив УФСБ России по Республике Карелия. Ф. СДП. Оп. 1. Д. 114. Л. 30.

⁷ ЦА ФСБ России. Ф. 3 ос. Оп. 9. Д. 3. Л. 78–133. Л. 106.

⁸ Там же.

⁹ ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20633. Т. 7. Л. 448.

¹⁰ ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 1016. Л. 394–395.

- ¹¹ ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 87. Д. 51. Л. 80–82.
¹² ЦА ФСБ России. Ф. 41. Оп. 87. Д. 51. Л. 118–123.
¹³ ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20633. Т. 1. Л. 58–101.
¹⁴ Там же.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Веригин С. Г. Противостояние: борьба советской контрразведки против финских спецслужб (1939–1944). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2018. 279 с.
- Лайдинен Э. П., Веригин С. Г. Агентурная разведка армий фашистской Германии и Финляндии на Северо-Западе Советского Союза в 1941–1944 гг. / Барышников Н. И., Лайдинен Э. П. Избранное. Из истории советско-финляндских отношений. СПб., 2013. С. 465–474.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. М., 2003. 701 с.
- Христофоров В. С. История страны в документах архивов ФСБ России: Сб. статей и материалов. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы, 2013. 960 с.
- Христофоров В. FSB:n keskusarkiston aineistoja vuosilta 1917–1991 // Акти. Helsinki, 2014. № 1. С. 14.
- Христофоров В. Jatkosodan 1941–1944 aineistot FSB:n keskusarkistossa // Акти. Helsinki, 2015. № 2. С. 20–21.

Khristoforov V. S., Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

SECRET CONFRONTATION BETWEEN SOVIET AND FINNISH SPECIAL SERVICES FROM 1941 TO 1944: ATTITUDES, OBJECTIVES, RESULTS

The article, written on the basis of the documents from the Russian Federal Security Service Central Archive, tells about the secret, but rather brutal confrontation between Soviet and Finnish special services, which took place from 1941 to 1944. Specific examples of the Finnish saboteurs' activities in the Red Army's rear and the measures taken by Soviet counterintelligence for their search, detention and elimination are given. The article presents information about the Soviet prisoners of war recruitment by Finnish special services and the results of this work. Positive results and shortcomings in the work of Soviet counterintelligence are specified. Key words: USSR, Finland, special services, intelligence, counterintelligence, saboteurs, paratroopers, Kirov railway, prisoners of war

REFERENCES

- Verigin S. G. Opposition: Soviet counter-intelligence struggle against Finnish security services (1939–1944). Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2018. 279 p. (In Russ.)
- Laidinen E. P., Verigin S. G. Secret agent intelligence of fascist Germany's and Finland's armies in the northwest Soviet Union between 1941 and 1944. Baryshnikov N. I., Laidinen E. P. Selected works. From the Soviet-Finnish relations history. St. Petersburg, 2013. P. 465–474. (In Russ.)
- Soviet security services during the Great Patriotic War: collection of documents. Vol. 3. Book 2. Moscow, 2003. 701 p. (In Russ.)
- Khristofov V. S. The country's history in the Russian Federal Security Service archival documents: collection of articles and other materials. Moscow, 2013. 960 p. (In Russ.)
- Khristofov V. S. The Russian Federal Security Service archival documents abstracts (1917–1991). Akti. Helsinki, 2014. No 1. P. 14.
- Khristofov V. S. The continuation of war (1941–1944): the Russian Federal Security Service archival documents abstracts. Akti. Helsinki, 2015. No 2. P. 20–21.

Поступила в редакцию 16.07.2018

КОНСТАНТИН ВАЛЕРЬЕВИЧ ГОДУНОВ

аспирант Отдела истории революций и общественного движения России, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
kgodunov@eu.spb.ru

ВАЛЕНТИНА ВЛАДИМИРОВНА ВОЛОХОВА

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
vavolokhova@yandex.ru

ЛОКАЛЬНЫЙ КУЛЬТ РЕВОЛЮЦИОННОГО ГЕРОЯ: ПАМЯТЬ О ТЕРРОРИСТЕ А. М. КУЗЬМИНЕ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ*

Впервые рассматривается процесс формирования образа Александра Михайловича Кузьмина, на определенном этапе ставшего олицетворением революционного движения в Карелии. В центре внимания авторов оказались особенности трансформации образа революционного героя под воздействием различных политико-культурных процессов. Показано, что память о Кузьмине стала ресурсом, открытым для использования различными акторами, в процесс конструирования образов террориста были вовлечены разнородные силы: активисты левых партий, семья революционера, рабочие Александровского завода, видные деятели культуры. История образа Кузьмина говорит о важной особенности и революционной, и советской политической культуры: обращение к длительной истории борьбы за свободу, напоминание о жертвах, которые были принесены, должны были подчеркнуть справедливость и неизбежность революции, укрепить авторитет ее «вождей». Дискуссии обувековечении памяти Кузьмина способствовали формированию и закреплению специфической политической культуры, для которой были характерны стремление к сакрализации революции, культ жертвенности ради общего дела, вера в быстрые изменения, которые повернут ход не только российской, но и мировой истории.

Ключевые слова: политическая культура, А. М. Кузьмин, Первая русская революция, Революция 1917 года, культ «борцов за свободу», памятники Петрозаводска

ВВЕДЕНИЕ

Одна из важных новаций современного гуманитарного знания – расширительное толкование «сферы политического», предполагающее интерес не только к истории государственных структур, но и к социокультурным особенностям господства и подчинения. Одним из базовых понятий, используемых сторонниками обновленной политической истории, является понятие «политическая культура». Не существует единого определения этого сложного явления. Выстраивая полемику с подходами социальной истории в марксистском духе, с «традиционной» политической историей, исследовательница Французской революции Линн Хант рассматривает политическую культуру как «ценности, ожидания и неявные правила, отражавшие и формировавшие коллективные намерения и действия» [10: 10]. Это определение представляется гибким и способствующим развитию новых подходов к изучению революции 1917 года: новый политический язык, новые ритуалы, новые символы были важнейшей частью колossalных изменений, происходящих в стране после революции. Работающие в данном направлении ученые показали, что без изучения

трансформации политических ценностей, норм, явных и неявных «правил игры» понимание глубинных процессов революционной эпохи будет затруднено. Б. И. Колоницкий, изучавший особенности политической культуры Российской революции [6], показал, что в 1917 году история революционного движения (прежде всего – образы участников Первой русской революции) легла в основу коммеморативного проекта, стала «стержнем политики памяти новой России» [6: 121]. В связи с этим исследователям политической культуры не обойтись без анализа этого явления. При этом, как показывают современные исследователи «эпохи войн и революций», ситуация на местах была настолько мозаичной и сложной, что без изучения региональных аспектов революции, Гражданской войны и дальнейшего укрепления государства невозможно судить «о происхождении и дальнейшей эволюции советской системы» [11: 784]. В связи с этим вопрос о том, как формировался и развивался культ «борцов за свободу» на локальном уровне, представляет особый интерес.

В центре внимания авторов данной статьи – вопрос о том, как в Петрозаводске формировался

образ Александра Михайловича Кузьмина, на определенном этапе ставшего олицетворением революционного движения в Карелии. Какие силы стремились увековечить память о Кузьмине? Каковы были их мотивы? Как трансформировался образ революционного героя под воздействием различных политico-культурных процессов? Ответы на эти вопросы должны помочь выяснить некоторые важные особенности политической культуры России революционного и постреволюционного периодов.

1908 ГОД: «РАБОЧИЕ АЛЕКСАНДРОВСКОГО ЗАВОДА ОТНОСЯТСЯ СОВЕРШЕННО РАВНОДУШНО К ПАМЯТИ ЕГО...», НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА КУЗЬМИНА

Александр Михайлович Кузьмин родился в 1888 году в Петрозаводске в семье рабочего Александровского завода и сам начал трудовую деятельность на этом заводе. В период Первой русской революции он участвовал в нелегальных собраниях, митингах и демонстрациях. 23 июня 1908 года Кузьмин совершил покушение на жизнь старшего следователя Санкт-Петербургской судебной палаты Н. С. Крашенинникова, который во время пребывания в Петрозаводске выносил обвинительные приговоры рабочим активистам. Кузьмин ранил следователя кинжалом и вечером того же дня был арестован. Свою вину революционер не отрицал, утверждая, что не планировал убийство Крашенинникова, «думая лишь ранить и этим выразить протест против представителя юстиции»¹.

31 июля 1908 года военно-окружной суд вынес девятнадцатилетнему террористу смертный приговор, и 29 августа Кузьмин был повешен во дворе петрозаводской тюрьмы. На казнь заключенные-социалисты отреагировали в соответствии с установками субкультуры революционного под-

полья: ими была объявлена голодовка, протестующие пели революционный похоронный марш².

Власти сделали все возможное, чтобы известие о казни не проникло в город (в тюрьме даже на несколько дней отменили свидания), родители Кузьмина не были извещены о месте его погребения. А когда было решено в ответ на просьбу отца указать родителям место захоронения сына, их предупредили, что никаких манифестаций на могиле происходить не должно. Однако вскоре товарищу окружного прокурора М. И. Жаба стало известно, что «могилу Кузьмина украшают красными цветами, и на ней ставится виселица»³. Среди рабочих Александровского завода ходила брошюра, посвященная Кузьмину, заканчивавшаяся словами «Хвала тебе, борец за свободу»⁴. Тем не менее уже с середины сентября 1908 года ни о каких акциях, связанных с именем Кузьмина, в источниках не упоминается. Олонецкий губернатор Н. В. Протасьев в рапорте директору департамента полиции так подводил итог первому этапу формирования памяти о Кузьмине:

До сих пор никто, кроме родных, могилу Александра Кузьмина не посещал и рабочие Александровского завода относятся совершенно равнодушно к памяти его, но распоряжение об указании могилы казненного, по моему мнению, являлось во всяком случае нежелательным, так как нельзя поручиться, чтобы когда-нибудь при каких-либо антиправительственных движениях не могло осуществиться демонстративное посещение могилы⁵.

Как мы увидим, это опасение сбудется десятилетие спустя.

1917 ГОД: «СДЕЛАТЬ ПРАХУ КУЗЬМИНА ДОСТОЙНЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ПОХОРОНЫ». ПАМЯТНИК БОРЦУ ЗА СВОБОДУ

Первая заметка о Кузьмине в губернской периодической печати появилась после революционных событий февраля 1917 года. 21 марта в «Известиях Петрозаводского комитета общественной безопасности» эсер И. П. Морозов (под псевдонимом «товарищ Степанов»⁶) опубликовал статью «Памяти товарища Кузьмина». Начиналась статья с восторженного описания происходивших в стране преобразований («перед нами мелькнула заря ярким светом новой жизни»), а Кузьмин представлял одним из тех, кто, несмотря на гибель, приблизил «светлый праздник воскресения попранных прав человека, праздник свободы и братства»⁷. Уже это первое упоминание о Кузьмине говорит о том, что формирование памяти о революционере было частью важнейшего политico-культурного процесса первых месяцев после Февраля – эйфоричного, праздничного, «пасхального» переживания революции, воспринимаемой в качестве сакрального события. Вспоминая о предшественнике этих перемен, автор утверждал, что суд над Кузьмином оказал на горожан сильное эмоциональное воздействие:



Фотопортрет А. М. Кузьмина. Национальный музей Республики Карелия. КГМ-2750

Каждый его шаг, каждое движение и мужественный вид гипнотизировал толпу, покорял ее, вызывал отвращение к судьям. Город переживал какое-то смятение⁸.

На первом организационном собрании эсеров, состоявшемся в Петрозаводске 31 марта, собравшиеся, «отдавая дань уважения и восхищения бывшему своему товарищу по партии Кузьмину, павшему смертью славных в борьбе за свободу своего народа», приняли решение:

почтить его память деятельным участием в манифестации 4-го апреля с возложением венка на могилу погибшего борца и содействовать сбору [средств] на памятник ему⁹.

Таким образом, несмотря на то что в ходе следствия Кузьмин заявил о своей принадлежности к анархистам¹⁰, в 1917 году петрозаводские социалисты-революционеры вспоминали о революционере как о своем однопартийце. Важно отметить, что в условиях узости круга социалистов в Петрозаводске в годы Первой русской революции и размытости границ между партийными организациями точно установить партийную принадлежность Кузьмина практически невозможно, однако в 1917 году он будет устойчиво ассоциироваться с партией эсеров.

Первые после февральского этапа революции праздники отразили две эмоции: радость избавления от монархии и благодарность мученикам революции [12: 80–81]. Эта благодарность выражалась в ходе торжественных погребальных церемоний. В Петрозаводске траурная манифестация прошла 4 апреля. Она, с одной стороны, подчеркивала значимость культа «борцов за свободу», а с другой – позволяла вписать события в Олонецкой губернии в общероссийский контекст и представить местных социалистов как участников общероссийского революционного процесса. Кузьмин стал центральной фигурой траурной церемонии. У его могилы были произнесены речи, прозвучали «Вечная память» и «Похоронный марш», депутация оставила на могиле венок. После этого манифестанты направились к тюрьме, «за стенами которой еще так недавно возвышалась эмблема самодержавной власти – виселица»¹¹. Так в ходе акции поминовения устанавливался символический контроль представителей победившей революции над бывшим ранее враждебным пространством. Это было важной функцией революционных праздников – они становились временем освоения

территории, которая воспринималась рабочими как место нахождения «социального противника», которое необходимо завоевать, освоить, сделать своим [3: 53].

Особую эмоциональную атмосферу церемонии придавало то, что на могиле Кузьмина «проливала слезы его старушка мать. И, когда над могилой в первый раз прозвучали слова вечной памяти, убитая тяжелым горем, она лишилась

чувств»¹². В то же время автор заметки, посвященной траурной манифестации, писал:

«Вечная память» и звуки Марсельезы! Святой и великий диссонанс! Гражданская панихида, где «со святыми упокой» звучит не только скорбью о погибшем, но и грозным гневом народа! Где скорбная молитва звучит призывом к борьбе! Где одновременно склоняются знамена с надписью «Вечная память павшим за дело свободы» и с девизом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Молитва об умершем соединяется с боевым призывом! Революционный диссонанс! Последовательный, потому что смерть бойца революции – эмблема борьбы за свободу! Их могилы – маяки на всемирном беспредельном пути к свободе!¹³

Как видим, автор заметки считал нужным подчеркнуть, что в ходе церемонии проявилась не только семейная, индивидуальная память о погибшем. Корреспондент с гордостью писал о соединении элементов христианских ритуалов с революционными церемониями: память о Кузьмине сакрализовалась, а революционная эйфория затмевала скорбь о павшем герое. Подобные описания оказали глубокое воздействие на формирующуюся политическую культуру: исследователи революционной символики полагают, что сакрализация «борцов за свободу» была генетически связана с квазирелигиозным почитанием «вождей» (в частности – с культом В. И. Ленина) [9: 75]. Автор заметки формулировал и желаемый образ будущего: он полагал, что жертвы, принесенные «борцами за свободу», положили начало изменению хода мировой истории, заложили основу порядка, который принесет освобождение не только России, но и всего мира.

Однако столь эмоциональное отношение к памяти о Кузьмине, по-видимому, не было характерно для большинства жителей Петрозаводска. Первое предложение установить ему памятник не имело последствий. Толчком к новому обсуждению послужило письмо «товарища больного солдата»¹⁴, направленное рабочим Александровского завода в мае 1917 года. Автор письма призывал вспомнить о местном герое и

сделать праху Кузьмина достойные гражданские похороны, какими почтена память революционных жертв в Севастополе – мичмана Шмита [так в тексте], в Петрограде – товарищей рабочих¹⁵.

В письме в очередной раз проявилось стремление вписать местную историю в общероссийский революционный контекст, желание показать значимость региональных событий. «Солдат» напоминал рабочим, чтоувековечивание памяти Кузьмина – это их революционный долг, и предлагал похоронить героя «на Заводской площади или в ограде Заводской церкви и на его могиле поставить памятник, отлив его на Александровском заводе»¹⁶.

26 мая 1917 года на общем собрании Комитета рабочих Александровского завода предложение «солдата» было поддержано и принято решение

поручить представителям рабочих в Олонецком губернском Совете рабочих и солдатских депутатов организовать перенесение тела Кузьмина в ограду заводской церкви и решить вопрос о сооружении памятника на его могиле. Собравшиеся решили отчислить по одному рублю с человека на сооружение памятника. Показательно, что в протоколе общего собрания ошибочно был указан год казни Кузьмина – 1906¹⁷. Возможно, это связано с тем, чем память о нем была актуальна именно в контексте событий Первой русской революции, поэтому происходило неосознанное смещение даты. Но в связи с этой ошибкой, которая повторится еще не раз, встает вопрос: насколько крепка была память о революционере в 1917 году?

На протяжении всего лета – начала осени 1917 года инициатива по увековечению памяти Кузьмина исходила от Комитета рабочих Александровского завода. Именно он собирал средства на установку памятника, а почувствовав их недостаток, обратился ко всем «товарищам олончанам» с призывом принять участие в сборе средств на памятник¹⁸. В результате к октябрю 1917 года было собрано уже 1 640 рублей, и Комитет рабочих направил двух своих членов на переговоры с Исполкомом Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов по поводу сооружения памятника «павшему Борцу за Свободу тов. Кузьмину»¹⁹. Создать проект будущего памятника Губсовет предложил жившему в Петрограде уроженцу Петрозаводска скульптору Льву Иосифовичу Свирскому. Для воспроизведения внешнего облика революционера ему была направлена фотография Кузьмина²⁰. Таким образом, по замыслу заказчиков, памятник должен был отражать индивидуальные черты героя, иметь портретное сходство и быть легко узнаваем. Выбор в качестве скульптора Л. Свирского, по-видимому, был не случаен. Весной – летом 1906 года он принимал участие в волнениях в Петрозаводске²¹, подозревался жандармами в принадлежности к группе социал-демократов, а осенью 1908 года подвергся обыску по одному делу с А. Копятковичем и В. Куджиевым²². Именно председатель Исполкома Олонецкого губсовета В. М. Куджиев подписал распоряжение о приглашении Свирского в качестве скульптора²³.

События октября 1917 года не сняли вопрос об установке памятника с повестки дня. В провозглашенном 27 октября высшим губернским органом власти Губсовете лидирующие позиции занимали эсеры и меньшевики. Более того, Губсовет не признал власть большевиков и заявил о готовности руководить краем до созыва Учредительного собрания [4: 266]. Возможно, в новой политической ситуации увековечение памяти члена партии эсеров, отдавшего жизнь за свободу, приобретало особую актуальность, так как жертва Кузьмина

становилась еще одним аргументом в борьбе за власть.

1918–1919 ГОДЫ: «ТОВАРИЩ С ВЕНЦОМ РЕВОЛЮЦИОННОГО ГЕРОЯ». ОСПАРИВАЕМАЯ ПАМЯТЬ О КУЗЬМИНЕ

В ночь с 4 на 5 января 1918 года Губсовет принял резолюцию о признании советского правительства и провозглашении в Петрозаводске и Олонецкой губернии советской власти. 5 января был избран состав нового президиума Губисполкома во главе с большевиком В. М. Парфеновым.

Несмотря на изменение расстановки политических сил в Петрозаводске, обсуждение проекта памятника Кузьмину не прекратилось, что отразило особенности политической ситуации в регионе. Союз большевиков и левых эсеров был необычайно важен для сохранения власти Советов в Олонецкой губернии [13: 37–78], компромисс между ними отразился и в сфере политico-культурного творчества. В марте 1918 года были опубликованы воспоминания о Кузьмине И. П. Морозова, вступившего в феврале 1917 года в партию левых эсеров²⁴. Показательно, что Морозов в первых же строках подчеркивал свою партийную связь с Кузьминым, причисляя его к эсерам, и акцентировал внимание на том, что инициатива написания воспоминаний принадлежала рабочим Александровского завода²⁵. В сентябре 1918 года в «Известиях Олонецкого губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов» появилась статья, автор которой вновь подчеркнул социальную и партийную принадлежность революционера: «Сын рабочего Александровского завода несмотря на свои юношеские годы тов. Кузьмин много поработал в 1905–1908 гг. в кружках партии с.-ров»²⁶. Однако в опубликованной в том же году брошюре, где были переизданы воспоминания Морозова, социал-демократ А. А. Копяткович акцентировал внимание на связи Кузьмина с РСДРП. Не причисляя его к социал-демократам, он писал о том, что преследование властями членов именно его партии было проявлением той самой несправедливости, против которой выступил Кузьмин. При этом Копяткович подчеркивал, что ему, как социал-демократу, не понять террористический акт Кузьмина, ведь своей революционной работой Кузьмин принес бы больше пользы делу революции. Однако в конце брошюры автор подчеркивал, что подвиг Кузьмина, как и подвиг других бойцов, способствовал свержению самодержавия в России²⁷.

3 июля 1918 года на заседании Олонецкого губернского исполнительного комитета Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов вновь был поднят вопрос об установке памятника. В итоге была избрана комиссия для переговоров со скульптором, в которую вошли социал-демократы В. М. Парфенов, Н. Т. Григорь-

ев и левый эсер И. П. Морозов. Автором проекта по-прежнему оставался Л. И. Свирский. Трудности военного времени, нехватка материальных средств стали главным препятствием на пути создания памятника. В декабре 1918 года Свирский предложил установить вместо металлического памятник из временного материала (гипса, бетона и пр.)²⁸.



Эскиз памятника А. Кузьмину. Автор – Л. Свирский. Обсуждался на заседании Губернского исполнительного комитета Олонецкого Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в феврале 1919 года. НА РК. Р-28. Оп. 1. Д. 7/30. Л. 46

Стремление увековечить в истории города имя Кузьмина выразилось не только в обсуждении вопроса о памятнике. В дни празднования первой годовщины Октября Заднепровская улица, на которой жил Кузьмин, была переименована в его честь²⁹. Так имя революционера было закреплено в городской политической топографии. Однако, в то время как большевики перекодировали политическое пространство Петрозаводска, левые эсеры, описывающие Кузьмина в качестве своего предшественника, попытались использовать память о революционном Октябре против бывших союзников по коалиции. Организаторы праздничных торжеств планировали, что праздничная манифестация станет совместной акцией большевиков, анархистов и левых эсеров, однако последние использовали праздник для выступления с антибольшевистскими лозунгами [2].

Из-за военных действий на территории Карелии обсуждение Губисполкомом нового проекта памятника состоялось лишь в феврале 1919 года. По замыслу Л. Свирского, памятник должен был представлять собой бюст Кузьмина на каменном пьедестале со ступенчатым основанием. На пере-

дней стороне основания предполагалось выгравировать соответствующую надпись; на задней стороне – выдержки из предсмертного письма Кузьмина. Памятник предполагалось отлить из гипса с обработкой его под бронзу³⁰. В данном проекте памятника обращает на себя внимание квазирелигиозная символика: перед бюстом на наклонной плите должна была быть помещена эмблема – терновый венец, перевивающий кинжал. Стоит отметить, что изображение тернового венца активно использовалось после 1905 года. В период Гражданской войны данный символ прочно вошел в геральдику Белого движения, что не мешало широкому его использованию и большевиками. Эмблема меча (кинжала) служила символом власти, а также военной эмблемой [7: 358].

Предложенный Свирским проект был утвержден, а скульптору было решено выделить 50 % запрашиваемой на производство памятника суммы³¹. Однако военные действия в непосредственной близости от Петрозаводска весной 1919 года помешали установке памятника. Кроме того, в условиях Гражданской войны образ террориста Кузьмина не подходил для решения мобилизационных задач. Летом 1919 года в Петрозаводске возникло новое место поминовения революционных героев – Братская могила коммунаров, погибших в боях с врагами советской власти [1], о Кузьмине на 10 лет будет забыто. Единственным обнаруженным за это время упоминанием о Кузьмине стали несколько строк в изданных в 1922 году мемуарах А. Копятковича, в которых он вновь утверждал, что Кузьмин рассказывал ему о «громадном политическом влиянии» на него лесных собраний социал-демократов в 1906 году³².

1929 ГОД: «ПЕРВЫЙ РЕВОЛЮЦИОНЕР-БОРЕЦ». МЕЖДУ ПАМЯТЬЮ И ЗАБВЕНИЕМ

Несмотря на то что проект памятника в 1919 году не был реализован, спустя 10 лет было решено вернуться к идее увековечения памяти Кузьмина. В 1929 году состоялось открытие обелиска на могиле революционера. Если в годы революции и Гражданской войны увековечение его памяти обсуждалось на уровне Губисполкома, то в 1929 году памятник сооружался на средства Петрозаводского горсовета Карельским комитетом по охране памятников старины³³, что косвенно свидетельствует о понижении символического статуса революционера. Памятник представлял собой порфировую глыбу, на которой было выбито изображение звезды и закреплена доска с текстом:

Кузьмин Александр Михайлович (1888–1908) активный участник революционного движения в Петрозаводске 1905–1907 гг. По приговору царского суда казнен 11.09.1908 года³⁴.

Показательно, что заслуги Кузьмина обозначались с помощью клише «активный участник революционного движения в Петрозаводске 1905–1907 гг.». Кроме того, обращает на себя внимание сходство данного обелиска с памятниками, установленными в это время на могилах иных участников революции, Гражданской войны, советских государственных деятелей.

На открытие памятника, приуроченное к XII годовщине Октября, на Неглинском кладбище собрались рабочие Онежского (бывшего Александровского) завода, других предприятий, бывшие революционеры-подпольщики Морозов, Аксентьев, Григорьев, Чехонин и др. Присутствовали на церемонии мать и сестра Кузьмина. В газетной статье, посвященной открытию памятника, корреспондент акцентировал внимание на присутствии рабочих и на том, что и сам герой являлся рабочим Онегзавода³⁵. С речью у памятника выступил революционер-подпольщик, рабочий Онегзавода Т. М. Чехонин. Он еще раз подчеркнул пролетарское происхождение героя и то, что его подвиг был ради рабочих. Чехонин закончил свое выступление такими словами: «Кузьмин погиб, как настоящий революционер, с твердой верой в торжество рабочего класса»³⁶.

В церемонии открытия обращает на себя внимание отсутствие представителей городских и республиканских властей. Объяснение данного факта, возможно, нужно искать в особенностях политической ситуации, сложившейся в Петрозаводске к этому времени. Возрастающее влияние «красных финнов» неоднозначно воспринималось русским населением края. «Национальный вопрос» сказался и на политике памяти. Л. Е. Терещенков отмечает, что в это время в изучении истории революционного движения актуализировалась тема Финляндской революции в ущерб революции Октябрьской [8: 24]. В этих условиях обращение к памяти Кузьмина было попыткой привлечь внимание к роли петрозаводского подполья в истории революционного движения в Карелии. Характерно, что корреспондент «Красной Карелии» в репортаже об открытии памятника назвал Кузмина «первым революционером-борцом» Карелии, полностью игнорируя его партийную принадлежность³⁷.

Осень 1929 года – года Великого перелома – поставила точку в прославлении подвига Кузьмина. На излете 1920-х годов воспоминания об эсере-террористе времен Первой русской революции утратили свою актуальность, а в конце 1930-х годов некоторые из тех, кто его прославлял, были причислены к «врагам народа» (в 1937 году за контрреволюционную деятельность был осужден И. П. Морозов, в 1938 году расстрелян Т. М. Чехонин). В очерке 1932 года К. Г. Паустовского «Онежский завод» А. Кузьмин предстал в новом образе. На основании воспоминаний ли-

тейного мастера Онегзавода П. Авдеева литератор так описывал революционера:

…угрюмый и экзальтированный юноша, мечтающий об убийстве императора и испытывающий любовь к церковной службе и пристрастие к «божественной» живописи³⁸.

В 1917–1918 годах, как мы видели, сакральные метафоры и квазирелигиозные символы использовались для прославления Кузьмина, а упоминание о том, что будущий революционер закончил церковно-приходскую школу, носило нейтральный характер³⁹. В 1930-е годы ситуация изменилась: упоминание о тяге революционера к церковным ритуалам использовалось для снижения образа террориста, напоминающего Авдееву «монашка из заштатного монастыря»⁴⁰. Подобные характеристики, впрочем, едва ли оказали серьезное воздействие на эволюцию памяти о Кузьмине: очерк Паустовского, написанный в 1932 году, был опубликован лишь в 1958 году, в последнем volume сочинений писателя.

ВРЕМЯ ЗАБВЕНИЯ

В воспоминаниях 1957 года, отложившихся в фонде ленинградского Истпарта, А. А. Копяткевич утверждал, что своим террористическим актом Кузьмин хотел

отомстить за нас – социал-демократов большевиков, с которыми он встречал[ся] (в 1905–1907 годах) в лесу на собраниях и сходках⁴¹.

Копяткевич вспоминал, что перед смертью Кузьмин «говорил мне, что любил ходить на наши “кружки” и готов был идти вместе с нами»⁴². «Большевизация» Кузьмина, начатая Копяткевичем еще в «эпоху войн и революций», спустя десятилетия достигла высшей точки. Автор воспоминаний выразил надежду, что петрозаводчане вспомнят о Кузьмине в дни приближающегося пятидесятилетнего юбилея его казни. Эта надежда не воплотилась в жизнь: в следующий раз упоминание о Кузьмине в карельской прессе появилось лишь в 1963 году: в журнале «На рубеже» вышла биографическая статья о революционере⁴³. Однако для большинства петрозаводчан Кузьмин оставался забытым героем. В 1972 году жительница города обратилась в редакцию газеты «Ленинская правда» с просьбой рассказать о человеке, которому был установлен памятник на Неглинском кладбище. В опубликованной в ответ на эту просьбу статье Кузьмин представлял революционером, близким к петрозаводским социал-демократам, выступившим в их защиту против несправедливых приговоров царского суда⁴⁴.

В октябре 1974 года по решению исполкома Петрозаводского городского Совета депутатов трудящихся «в целях увековечения памяти ветеранов Коммунистической партии и видных советских работников» с Неглинского кладбища на участок Почетных захоронений Сулажгорс-

кого кладбища среди прочих была перенесена и могила Кузьмина⁴⁵. Однако этот шаг стал скорее очередным актом забвения, так как содержание «революционной деятельности», за которую он был удостоен этой чести, оставалось неизвестным жителям Петрозаводска.

ВЫВОДЫ

История образа Кузьмина говорит о важном элементе и революционной, и советской политической культуры: обращение к длительной истории борьбы за свободу, напоминание о жертвах, которые были принесены, должно было подчеркнуть справедливость и неизбежность революции, укрепить авторитет ее «вождей». Образ юного террориста невозможно было игнорировать: без него участие жителей Олонецкого края в одном из эпохальных для революционной и советской политики памяти событий теряло ореол героизма. В связи с этим не удивительно, что память о Кузьмине стала ресурсом, открытый для использования различными акторами, в процесс конструирования образов террориста

были вовлечены разнородные, далеко не только большевистские силы: активисты левых партий, семья революционера, рабочие Онежского завода, видные деятели культуры. Все они так или иначе способствовали формированию и закреплению специфической политической культуры, для которой было характерно стремление к сакрализации революции, культ жертвенности ради общего дела, вера в быстрые изменения, которые изменят ход не только российской, но и мировой истории. Эта политическая культура сформировалась не только в результате деятельности государственных и партийных структур, но и в результате сложного взаимодействия различных акторов, в спорах, дискуссиях и взаимодействии выработавших нормы политической жизни и представление о реальности, в которой жили люди.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы благодарят Б. И. Колоницкого за обсуждение ключевых положений статьи, А. И. Бутвило и Е. В. Усачеву за помощь в поиске биографических материалов.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Политизация языка религии и сакрализация языка политики во время Гражданской войны» № 17-81-01042.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 2/35. Л. 311–312.
- ² НА РК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 10/150. Л. 19.
- ³ НА РК. Ф. 31. Оп. 5. Д. 10/149. Л. 4.
- ⁴ НА РК. Ф. 324. Оп. 3. Д. 76/1251. Л. 82.
- ⁵ НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 36/939. Л. 115–116.
- ⁶ О том, что именно он выступил в качестве автора статьи, Морозов писал позднее: Морозов И. П., Копяткович А. А. Воспоминания о товарище Александре Михайловиче Кузьмине. Петрозаводск, 1918. С. 11.
- ⁷ Товарищ Степанов. Памяти товарища Кузьмина // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 21 марта. С. 1.
- ⁸ Там же.
- ⁹ 1-е организационное собрание С.-Р. в Петрозаводске // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 6 апреля. С. 2.
- ¹⁰ НА РК. Ф. П-14. Д. 2/35. Л. 311–312.
- ¹¹ Местная жизнь. Впечатления // Известия Петрозаводского комитета общественной безопасности. 1917. 5 апреля. С. 1.
- ¹² Там же.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Фамилию автора письма установить не удалось. Можно предположить, что им был И. П. Морозов, служивший в армии в годы Первой мировой войны и демобилизованный в 1917 году. НА РК. Ф. Оп. 6. Д. 7284. Л. 1.
- ¹⁵ НА РК. Ф. П-6259. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 110.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ НА РК. Ф. П-6259. Оп. 1. Д. 1/8. Л. 119.
- ¹⁸ Там же. Л. 2–3.
- ¹⁹ НА РК. Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 84.
- ²⁰ Там же. Л. 82.
- ²¹ Из рапорта полицейского пристава городскому судье о проводах политических ссыльных // Петрозаводск: 300 лет истории: Документы и материалы: В трех книгах. Кн. 3. 1903–2003. Петрозаводск: Карелия, 2003. С. 39.
- ²² Копяткович А. А. Из прошлого Олонецкой организации (1905–1908 гг.) // 1905 год в Карелии. Петрозаводск, 1926. С. 31–32.
- ²³ НА РК. Ф. Р-1541. Оп. 1. Д. 1/9. Л. 82.
- ²⁴ НА РК. Ф. П-3. Оп. 6. Д. 7284. Л. 1.
- ²⁵ Воспоминания о товарище Александре Михайловиче Кузьмине // Известия Олонецкого Губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 5 марта (20 февраля). С. 3.
- ²⁶ И. Д. Александр Михайлович Кузьмин // Известия Олонецкого Губернского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 11 сентября (29 авг.). С. 3.
- ²⁷ Морозов И. П., Копяткович А. А. Указ. соч. С. 16–18.
- ²⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 142. Оп. 6. Д. 95. Л. 141.
- ²⁹ Список улиц, площадей, бульваров, мостов Петрозаводска, переименованных ко дню празднования первой годовщины Октябрьской революции. 23 октября 1918 г. // Петрозаводск: 300 лет истории... С. 140.

- ³⁰ НА РК. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 7/30. Л. 45.
- ³¹ Там же. Л. 44.
- ³² Копяткевич А. А. Из революционного прошлого в Олонецкой губернии (1905–1908 гг.). Петрозаводск, 1922. С. 5.
- ³³ НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 16/184. Л. 55.
- ³⁴ На открытии памятника Кузьмину // Красная Карелия. 1929. 10 ноября. С. 2.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Паустовский К. Г. Онежский завод // Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Пьесы, очерки, статьи. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958. С. 246.
- ³⁹ Морозов И. П., Копяткевич А. А. Указ. соч. С. 2.
- ⁴⁰ Паустовский К. Г. Указ соч. С. 246.
- ⁴¹ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. 4000. Оп. 12. Д. 793. Л. 19.
- ⁴² Там же. Л. 20.
- ⁴³ Старогин-Фрейндлинг А. По приговору царского суда [К биографии революционера А. М. Кузьмина. 1888–1908] // На рубеже. 1963. № 4. С. 103–109.
- ⁴⁴ Рунов В. Обелиск революционеру // Ленинская правда. 1972. 17 сент. С. 3.
- ⁴⁵ НА РК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 195/1427. Л. 62.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- В о л о х о в а В. В. История братской могилы коммунистов в контексте политической жизни Петрозаводска в годы Гражданской войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 3 (164). С. 19–26.
- Г о д у н о в К. В. Левые оппоненты большевиков и революционные празднования 1918 г. // Российская история. 2016. № 5. С. 184–195.
- Д у б р о в с к а я Е. Ю. Российская революция 1917 года и Гражданская война в памяти населения Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2016. 110 с.
- Д у б р о в с к а я Е. Ю., Ко р а б л е в Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
- Ж у р а в л е в В. В. Понятие «политическая культура» в современных исследованиях по истории революции и гражданской войны в России // Власть и общество в Сибири в XX веке. Новосибирск, 2015. С. 21–26.
- К о л о н и ц к и й Б. И. «Товарищ Керенский»: Антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». Март – июнь 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 520 с.
- К о р н а к о в П. К. Символика и ритуалы революции 1917 г. // Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть. СПб.: Глагол, 1994. С. 356–365.
- Т е р е ш е н к о в Л. Е. Работа Карельского Истпарты по формированию исторической памяти о революции и Гражданской войне в Карело-Мурманском регионе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 7 (212). С. 23–28.
- F i g e s O., K o l o n i t s k i i B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven; London, Yale University Press, 1999. 212 p.
- H u n t L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1984. 251 p.
- N o v i k o v a L. The Russian Revolution from a Provincial Perspective // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2015. Vol. 16. No 4. P. 769–785.
- S t i t e s R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, Oxford, 1989. 344 p.
- W r i g h t A. S. The Establishment of Bolshevik Power on the Russian Periphery: Soviet Karelia, 1918–1919. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Glasgow, 2012. 358 p. Available at: <http://theses.gla.ac.uk/3105> (accessed 08.05.2018).

Godunov K. V., St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russian Federation)

Volokhova V. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LOCAL CULT OF A REVOLUTIONARY HERO: MEMORY OF TERRORIST A. M. KUZMIN IN PETROZAVODSK*

This article presents the first overview of the history of shaping Alexander Mikhailovich Kuzmin's image in Petrozavodsk. At some stage he became the personification of the revolutionary movement in Karelia. The authors analyze the peculiarities of the revolutionary hero image transformation under the influence of various political and cultural processes. The authors show that the memory of Kuzmin became a resource open for use by various actors, and heterogeneous forces were involved into the process of constructing the terrorist images – i.e. activists of the left parties, the family of the revolutionary, workers of the Aleksandrovsky plant and prominent cultural figures. The history of Kuzmin's image tells about an important element of both revolutionary and Soviet political culture: such reference to the long history of struggle for freedom and a reminder of all the sacrifices was supposed to emphasize the justice and inevitability of the revolution and strengthen the authority of its "leaders". Discussions on memorializing the Alexander Kuzmin contributed to the formation and consolidation of a specific political culture, which was characterized by the desire to sacralize the revolution, by a cult of sacrifice for the sake of the common cause, and by a belief in rapid changes capable of turning the tide of both Russian and world history.

Key words: political culture, Alexander M. Kuzmin, First Russian Revolution, Russian Revolution of 1917, cult of "freedom fighters", monuments of Petrozavodsk

ACKNOWLEDGMENTS

The authors thank Boris I. Kolonitsky for discussing the key theses of the article and Andrey I. Butvilo and Elena V. Usacheva for their help in the search for biographical information.

* This work is financially supported by the Russian Foundation for Basic Research as part of the project No 17-81-01042.

REFERENCES

1. Volokhova V. V. History of the common grave of communists in the context of Petrozavodsk political life during the Russian Civil War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2017. No 3 (164). P. 19–26. (In Russ.)
2. Godunov K. V. Left opponents to the Bolsheviks and revolutionary festivals of 1918. *Russian history*. 2016. No 5. P. 184–195. (In Russ.)
3. Dubrovskaya E. Yu. Russian Revolution of 1917 and the Civil War in the memory of Karelian population. Petrozavodsk, 2016. 110 p. (In Russ.)
4. Dubrovskaya E. Yu., Korablev N. A. Karelia during the First World War: 1914–1918. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 432 p. (In Russ.)
5. Zhuravlev V. V. B. Concept of “political culture” in the modern study of history of the Revolution and the Civil War in Russia. *Power and Society in Siberia in the 20th century*. Novosibirsk, 2015. P. 21–26. (In Russ.)
6. Kolonitskiy B. I. “Comrade Kerensky”: the antimonarchy revolution and the images of the “leader of the people”. March – June 1917. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2017. 520 p. (In Russ.)
7. Kornakov P. K. Symbols and rituals of the 1917 Russian Revolution. *Anatomiya revolyutsii. 1917 god v Rossii: massy, partii, vlast'*. St. Petersburg, Glagol Publ., 1994. P. 356–365. (In Russ.)
8. Treshchenko L. E. The work of the Karelian Commission on the History of the October Revolution (ISTPART) on shaping the historical memory of the Revolution and the Civil War in the Karelian and Murmansk region. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2010. No 7 (212). P. 23–28. (In Russ.)
9. Figes O., Kolonitskiy B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven, London, Yale University Press, 1999. 212 p.
10. Hunt L. Politics, Culture, and Class in the French Revolution. Berkeley, Los Angeles, University of California Press, 1984. 251 p.
11. Novikova L. The Russian Revolution from a Provincial Perspective. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2015. Vol. 16. No 4. P. 769–785.
12. Stites R. Revolutionary Dreams: Utopian Vision and Experimental Life in the Russian Revolution. New York, Oxford, 1989. 344 p.
13. Wright A. S. The Establishment of Bolshevik Power on the Russian Periphery: Soviet Karelia, 1918–1919. Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy. Glasgow, 2012. 358 p. Available at: <http://theses.gla.ac.uk/3105> (accessed 08.05.2018).

Поступила в редакцию 15.05.2018

АЛЕКСЕЙ ЮРЬЕВИЧ ЖУКОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
Zhukov@krc.karelia.ru

СУДЬБА КАРЕЛЬСКОГО ПЛЕННИКА ЮРИЯ КОНДРАТЬЕВА (по материалам Посольского приказа 1675–1676 годов)*

На основе комплекса источников судебно-правового характера и сопутствующих материалов второй половины XVII века прослежена борьба за личную свободу Юрия Кондратьева, который был пленен в Кексгольмском лене Швеции русскими войсками и стал «дворовым человеком» у дворянина Ивана Пятого. Но по суду Посольского приказа он отстоял статус свободного, его семья также получила свободу. Основная цель и задачи исследования состоят во «вписывании» судьбы Ю. Кондратьева в общеисторический контекст страны, в эволюцию институтов государства, особенно приказной системы и законодательства. Новизна исследования заключается в изучении личностного аспекта процесса общей трансформации традиционного общества в свете расширения поля правоспособности личности. Хронологические рамки работы вписываются в начальный период вызревания политического строя абсолютизма в недрах сословно-представительной монархии. В основу анализа положен микроисторический подход, а отчасти и методология истории повседневности.

Ключевые слова: плен, холопство, Посольский приказ, Челобитный приказ, суд, указ, право прецедента, социальный статус, правоспособность личности, Олонецкий уезд

В отечественной историографии середину – вторую половину XVII века называют предпетровским временем [12: 551]. Его суть связана с трансформацией в России строя сословно-представительной монархии в сторону социально-политической системы абсолютной монархии. В данных условиях правовое положение отдельного человека уже не было так жестко регламентировано незыблемостью социального статуса «от рождения». В систему абсолютизма начинали встраиваться «социальные лифты», которые помогали даже «маленькому человеку» улучшать свое положение в обществе. Наиболее заметно это явление проявлялось в сфере государственной гражданской и военной службы, для которой в 1722 году был введен даже «табель о рангах»¹. Конечно, в XVII веке данная система государственного поощрения и закрепления кадров на службе государю и в целом служба государству как единый централизованный механизм еще не оформились институционально; они только разрабатывались от случая к случаю в законодательной и правовой практике. И вместе с тем после основополагающего кодекса Соборного уложения 1649 года была предпринята серьезная попытка новой унификации всего основного законодательства государства. 16 декабря 1681 года появился указ царя Федора Алексеевича с «боярским приговором» «Об учинении в приказах вновь статей о таких делах, которых в Уложении не на-

писано и в новых статьях не написано». По указу, все приказы обязывались сводить в краткие «памяти» («списки») поступавшие к ним новеллы законодательства и выработанные прецеденты в приказной правоприменительной практике для создания обобщенного проекта нового Уложения². Данный указ выполнялся неукоснительно до конца XVII века и даже в начале XVIII века. Во всяком случае, исследователи находят, что самый полный экстракт таких законодательных новелл и прецедентов в делах Судного приказа относится к 1702 году. П. В. Седов делает обоснованный вывод, что указ о фиксации законодательных новелл «положил начало новому этапу в систематизации законодательства» [12: 474]. Законодательство и правоприменительная практика постепенно расширяли поле правоспособности личности, предоставляя возможности для повышения ее социального и правового статуса. В историографии данный процесс исследуется в основном на материалах Государева Двора и вообще привилегированных сословий (из новейших работ см., например: [3], [11], [12]) или на примере отдельных отраслей и реалий государственного строя, например актуальной для содержания данной статьи практики тюремного заключения [10]. Это не удивительно, поскольку отложившиеся в архивах источники (и количественно, и с точки зрения разносторонности отражения различных сфер исторического бытия) относятся прежде

всего к представителям правящих слоев и групп. Проблема пленя, положения военнопленных в начале эпохи Нового времени рассматривалась в историографии в основном на примере Северной войны России со Швецией, при этом главное внимание уделялось пленным военнослужащим (то есть взрослым) [4], [7]. Тем интереснее проследить эволюционный путь государственного строя на примере истории «маленького человека». Сложность заключается в том, что крайне редко сохраняются посвященные им обширные архивные материалы. Не в том смысле, конечно, что имена простых людей архивные источники не содержат, наоборот – те же генеральные и местные переписи почти сплошь состоят из имен таких «простецов». Но уникальными являются «дела» – то есть несколько связанных друг с другом по смыслу источников, посвященных одной личности, на основании которых можно проследить жизненный путь данного простого человека в контексте истории страны хотя бы на протяжении одного-двух десятилетий. И поэтому в силу своей уникальности такие «дела» вводятся в научный оборот прежде всего в форме их научной публикации. Для примера сошлемся на две публикации в серьезном научном специализированном сборнике статей, посвященном истории Российского государства в XIV–XVII веках. О. Ю. Куц опубликовал материалы за вторую половину 1650-х – начало 1660-х годов о «крестьянстве» донских казаков братьев Фомы и Калины Севастьяновых (21 документ) [9]; в «Приложении» к статье В. К. Зиборова «Из родословной русского однодворца» публикуется материал судебного дела 1656 года, которое определяло право однодворцев села Зорина на земли по реке Псёл [6]. Можно также указать на исследование И. А. Черняковой феномена обельных крестьян, но при этом помнить, что последние являлись все же привилегированной и весьма немногочисленной группой крестьянства, получившей царское освобождение от налогов и государственных повинностей за личное служение престолу [15: 193–204]. В монографии М. Б. Булгакова о народах Европейского Севера России в XVII веке исследуется адаптация к тогдашней российской политической, фискальной, хозяйственной и культурной повседневности не совокупности простых людей как таковых, а целых этносов [2].

Вновь повторим: в отношении Средневековья и начала Нового времени документальные свидетельства о жизни простых людей уникальны сами по себе. Но они тем более значимы, если в них судьба «маленького человека» тесно переплетается с магистральными направлениями истории всей страны – с ее внутренним управлением и внешней политикой, войнами, восстаниями и основами социально-экономического строя. Один из таких уникальных архивных материалов иложен в основу данной статьи. Это сохранив-

шееся в собраниях РГАДА судебное дело, озаглавленное архиварисом так:

1675 года, мая 16. Дело об освобождении из кабального холопства уроженца города Корелы Юрия Кондратьева с семьей, взятого малолетним в плен³.

Сразу укажем, что дело неполное, то есть все перипетии долгого судебного разбирательства в нем отсутствуют, но главные из них все же имеются, в том числе результат разбирательства. По возможности мы будем проверять сведения источника независимыми от него документальными материалами, что, несомненно, докажет высокую достоверность анализируемого корпуса документов судебно-следственного характера. Основная задача исследования состоит во «всплытии» личной судьбы «карельского пленника» Юрия Кондратьева в общеисторический контекст страны, комментирование представленных источников в тесной связи с эволюцией институтов государства, особенно его приказных (правительственных) органов и законодательства, с социальным и политическим поведением и правовыми обычаями высшей знати, дворянства и крестьянства. Методология исследования опирается на подходы и методы, которые выработала историческая наука при изучении структур государства и в области политической антропологии. Во-первых, имеет место институциональный подход, когда институты государства исследуются как самостоятельное явление в отрыве от других сторон политической жизни. Во-вторых, выделяется функциональный подход, при котором анализ институтов власти соединяется с изучением практик осуществления этой власти. Для данной работы второй подход более актуален, нежели первый. Но определяющим для нас выступает все же микроисторический подход, а отчасти и методология истории повседневности [8], которые позволяют наиболее четко выявлять судьбу управляемых в их столкновениях и во взаимодействии со структурами и органами государственной власти, с администраторами и представителями привилегированных слоев общества.

Итак, судебное дело началось с первой челобитной некоего Юрия Кондратьева на имя царя Алексея Михайловича об освобождении его от кабального холопства; примерная датировка – не позднее 15 мая 1675 года – устанавливается по со проводительной надписи (помете на обороте листа): «183-го году 15 мая. Поставить и допросить и велеть положить подлинную крепость». В челобитной Юрий пишет, что он, будучи малолетним, был захвачен в плен под городом Корелой (так в России продолжали называть Кексгольм, ныне Приозерск) и попал в неволю к Ивану Ларионову сыну Пятого. Но в 1661 году вышел царский указ об извещении Челобитного приказа о всех шведских пленных для их полного учета. Иван же Пятый и сам не известили приказ, и его не отpus-

кал известить, «а держит у себя и кабалит неволею»⁴.

Дело по члобитной Юрия вершилось в Посольском приказе – именно здесь были сняты показания с Ивана Пятого «против сего члобитья», видимо, и помета на обороте жалобы Юрия также появилась здесь. А Иван показал, что «в прошлых годех он был на государевой службе на Олонце» вместе с братом Кондратием, и именно к Кондратию солдат Сямозерской волости Ивашка Бессонов привел «нахожного малого», то есть ребенка-найденыша, доложив, что «нашел ево на дороге покинута». Кондратий взял мальчика себе и «крестил его, наречен Юрием», «вспоил и вскормил... и выучил грамоте». Впрочем, Иван не знает, записал ли Кондратий Юрия в приказе Холопьего суда. Затем, по разделу с братом Юрка попал к нему, к Ивану, но сбежал от него на 5 лет, а был пойман уже на юге, в 1670/71 году во время похода стольника и воеводы князя Ивана Васильевича Бутурлина «против воровских казаков» и возвращен Ивану. А в нынешнем 183 (1674/75) году Юрка, обокрав Ивана, вновь сбежал с его московского двора. Между тем имя Юрки записано в Раздельной грамоте Ивана с братом. На обороте показания имеется подпись Ивана Пятого⁵. Оба документа нуждаются в проверке достоверности их сведений. И такую возможность предоставляют независимые источники. Во-первых, это бюджет Олонецкого уезда «Сметные и поместные списки доходов и расходов Олонца и Заонежских погостов» 7165 (1656/57) года. В части расходов отмечено годовое жалованье офицерам полков нового строя, в частности «полковнику Вальтеру Кармихелю и его полку иноземцам и русским начальным людям», в том числе по 7 рублей в месяц капитанам Ивану и Кондратию Пятого⁶. Полностью подтверждается их служба на Олонце в «полках нового строя».

В Олонецком уезде было развернуто три таких полка [1]. Первый и второй полки являлись пехотными (солдатскими) полковников Александра Гамильтона и Вальтера Кармихеля; в 1656/57 году появился третий, рейтарский (кавалерийский), полк полковника Томаса Крафера. Все три полка участвовали в походе на Корелу в 1656–1657 годах. Но из того же бюджета известно, что из полка Кармихеля под Корелу ходили 888 солдат, а остальные стояли заставой в Погранкондушах и на Олонце⁷. Поэтому нет ничего удивительного в том, что солдат-сямозерец доставил офицеру своего полка найденыша. Как видим, уездные олонецкие бюджеты достоверно доказывают совпадение и времени, и места, и персон. Впрочем, имя Кондратия Леонтьева сына Пятого фигурирует и в других источниках, более близких ко времени члобитной 1675 года. Они более емко характеризуют фамилию Пятого. В 1680 году, после сильного пожара в столице, правительство

приняло решение о каменном строительстве и ремонте в самом Кремле (здания приказов), стен и башен Кремля и Китай-города. В связи с этим 6 мая со строителями и их начальниками были заключены уголовные записи, из которых следует, что общий надзор за работами был поручен дворянину московскому К. Л. Пятого и подьячему Якову Зыкову. Исследовавший эти документы П. В. Седов отмечает, что в Боярском списке предыдущего 1679/80 года дворянин Кондратий записан всего лишь рейтаром и принадлежал, следовательно, к самым низам привилегированных московских чинов. Вместе с тем еще один брат Кондратия и Ивана Пятого, Антип Леонтьев, являлся «карлой» (шутом) в царских палатах, то есть имел непосредственный доступ к царю Федору Алексеевичу. По этой причине он оказался, что называется, «своим человеком» для влиятельных царедворцев боярина Ивана Максимовича Языкова и окольничего Михаила Тимофеевича Лихачева. Именно поэтому, заключает исследователь, они постарались приставить родного брата своей «весомой» креатуры – царского шута – к надзору за доходным казенным строительством [12: 529]. Для нас же данный сюжет интересен тем, что объясняет упорство, с каким впоследствии Иван Пятого оспаривал судебный приговор могущественного Посольского приказа. Можно уверенно предположить, что через своего брата Антипа Иван приобрел крепкий тыл среди чинов высшей государственной бюрократии – клана Языковых-Лихачевых. Последние, неуклонно наращивая придворный вес, уже главенствовали в Думе к концу царствования Федора Алексеевича (умер в 1682 году) [11: 410, 412].

Но вернемся к судьбе Юрия и его правовому статусу. Во-первых, становится понятно, почему у Юрия появилось отчество Кондратьев – по имени его крестного отца капитана Кондратия Пятого (по церковному обычаю, при переходе инославного в православие ему давали отчество по имени крестного отца). Во-вторых, само это крещение иностранца в православие означало, причем однозначно, что он теперь становится подданным русского царя. Более того, русско-шведское Валиесарское перемирие 1658 года запрещало выдавать шведам православных; этот пункт подтверждался затем Кардисским мирным договором 1661 года. В Швецию возвращались только те ее подданные, которые не пожелали перекрещиваться. Поначалу обменом пленных занимался Разрядный приказ (главное военное ведомство России), но в 1659 году эту работу царь возложил на Посольский приказ [5: 221–224]. Очевидно, именно поэтому члобитная Юрия было передана на разбирательство именно в Посольский приказ. Обмен пленных проводился в том числе и через Олонец, то есть на глазах капитана. Кондратий и Иван Пятого остались капитанами в полку В. Кармихеля и по уезд-

ным бюджетам 1657/58, 1658/59 и 1659/60 годов⁸. Очевидно, в эти годы размена пленных Юрия и крестили, поскольку, окрестив мальчика, Кондратий полностью лишил его возможности вернуться на родину. Впрочем, капитан о нем заботился. Более того, он не записал Юрия в книги приказа Холопьего суда, то есть оставил свободным человеком, своим воспитанником, – а вполне мог бы его «похолопить». Кстати, насчет записи в Холопы книги Иван Пятого не мог явно лгать следствию, ответив лишь, что не знает об этом. Дело в том, что холопское состояние – это тоже правовой статус, который регулировался законом: статусу холопа и правоотношениям с ним посвящена обширная глава XX «Суд о холопех» (119 статей) Соборного уложения 1649 года⁹. В соответствии с законом, все хозяева холопов в России были обязаны записать их в книги Холопьего суда, и поэтому явная ложь И. Л. Пятого была бы легко разоблачена отсутствием имени Юрия в документации этого приказа.

Неизвестно, почему при разделе имущества между братьями Юрий попал к Ивану Ларионову. Но, очевидно, он остался недоволен изменением в судьбе и сбежал. Куда? Он прибыл к донским казакам Степана Разина и участвовал в их восстании, но был вновь пленен в 1670/71 году. Проверяем ли это? Поход И. В. Бутурлина против «воровских казаков» действительно имел место, причем именно зимой 1670/71 года. Так, в декабре 1670 года Москва распорядилась о том, чтобы посланные для подавления разинцев воеводы Долгорукий, Хитрово и Бутурлин «промышл чинили все за одно», то есть тесно координировали свои действия. Такая тактика принесла успех, и от разинцев ими было очищено волжское правобережье (пензенские и тамбовские места) [13: 304].

О конкретных обстоятельствах пленения, содержания в тюрьме и отсылки Юрия Ивану Пятого источники не сообщают. Но известно, что Юрий не сдался и вновь сбежал, теперь уже написав челобитную на имя царя. Мотивы этого поступка раскрывает сам Юрий, который пришел в Посольский приказ на разбирательство и оставил собственноручно подписанные показания «распросные речи». По его словам, он из города Корелы, пленен солдатами и не помнит, кто его родители, какого города солдаты и продали ли они его Кондратию или просто «поступились» (отдали). Но он твердо знает, что Кондратий не записал его в книги Холопьего суда. Далее, когда Юрий остался за Иваном, тот насилино женил его на своей «старинной девке Аньотке» (очевидно, дворовой прислуге в холопском состоянии), а бежал от Ивана потому, что тот хотел его «покабалить силою»¹⁰. Кабала – это правовой акт, которым берущий взаймы поступал в холопы заимодавцу, покуда не будет выплачен весь долг, – это и называлось кабальным холопством.

Юрий Кондратьев не являлся россиянином по рождению, он – малолетний найденыш, по существу, пленник, судьбой которого распорядились солдаты, передав (или продав?) его своему командиру капитану Кондратию Пятого. Но последний все же попытался «вписать» Юрия в российскую действительность: он стал его крестным отцом и заботился о воспитаннике (выучил грамоте). Впрочем, это не помешало Кондратию отдать крестника брату Ивану при разделе имущества: по существу, с Юрием поступили как с движимым имуществом. Более того, чтобы усилить подчиненное положение Юрия, низведя его до статуса дворового холопа, Иван Леонтьев женил его на своей «дворовой девке», то есть на холопке. Для окончательного «похолопления» Юрия не хватало одного – признания данного статуса государством посредством записи в книгу приказа Холопьего суда. Именно поэтому не желавший становиться холопом Юрий Кондратьев и сбежал от Ивана Пятого, подаввшись к разинцам. В этих поступках братьев Пятого мы видим отличие социального поведения, бытовавшего в дворянской среде, от правовых обычаях солдат-крестьян, если такие найденыши оставались при них. Так, в 1590/91 году шведский отряд вторгся в Поморье, разорив ряд селений; в отместку царские воеводы с местными жителями совершили рейд в шведскую Северную Финляндию. Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 года зафиксировала результаты тех походов, в том числе следующий: в Шуерецком проживают «Исачко Ильин да приимыш его Якушко немчин... Карпик Анфилофьев да приимыш его Сенька немчин»; при этом Дозор различает лишь терминологически этих бывших шведских подданных от неродных детей из числа местных уроженцев:

Власко Оксентиев, прозвище Улкой, да его пасынок Манулка... Иванко Балаха да его пасынок Иванко Иванов з Яму, да сын его Михалка¹¹ («з Яму» – то есть с беломорского острова Еместров напротив деревни Колежма. – А. Ж.).

Фиксация в переписи-дозоре пасынков и приемных детей, причем совершенно однотипно с родными сыновьями крестьян, однозначно указывает на признание государством одинакового (равного между собой) крестьянского статуса крестьянских детей как за первыми, так и за вторыми и третьими – все они стали или станут такими же крестьянами-тяглецами, как и их приемные и родные отцы. И совсем другой пример является нам положение Юрия, избегнувшего холопства только своим своевременным бегством. Разумеется, и речи не шло о «дворянстве» Юрия: он – не приемный сын Кондратия, а всего лишь крестник. Тем не менее и челобитье на царское имя, и разбирательство в могущественном Посольском приказе, и взятие у Юрия показаний

— все это говорит о вполне законном юридическом процессе, который, как теперь очевидно, мог инициировать даже «маленький человек» — и не просто незнатный, но вообще не имеющий кровнородственных связей в стране, на которые можно хоть как-то опереться, человек с крайне низким социальным статусом, к тому же прямо участвовавший в крупнейшем антиправительственном восстании. Но при этом Юрий смог некоторое время противиться закабалению, будучи лично крайне зависим от дворянина И. Л. Пятого. Более того, сам судебный процесс между дворянином Иваном Пятого и совершенно ничтожным по сословным меркам Юрием Кондратьевым вылился в амбициозный спор двух приказов — Посольского и Челобитного и, в конце концов, привел к победе Юрия. Поскольку он изначально являлся шведским подданным, то его дело поступило для разбирательства в Посольский приказ, который в 1675 году возглавляли крупнейший дипломат и «любимец царский» (фаворит) боярин Артамон Сергеевич Матвеев и думный дьяк Григорий Богданов, то есть члены правительства Государевой Думы: на этом высшем правительственном уровне и решалась судьба Юрия, именно они и вынесли свой приговор по делу¹².

Надо сказать, что в 1670–1680-х годах происходила острая политическая и придворная борьба между кланами Милославских и Нарышкиных за бразды правления в государстве и влияние на царя. А. С. Матвеев, по существу, возглавлял партию Нарышкиных, и в 1674–1675 годах (в последние годы жизни царя Алексея Михайловича, женатого вторым браком на Наталье Кирилловне, урожденной Нарышкиной) находился в зените своей придворной власти; иностранные дипломаты называли его канцлером [11: 410, 470–471], [12: 207, 211]. Судебный приговор, вынесенный этим сановником, приобретал силу окончательного решения (по крайней мере, пока он «находился в силе»).

Вначале посольские судьи сняли показания с Кондратия Пятого, который подтвердил факт пленения Юрия, но сказал, что и сам был тогда под Корелой¹³. Затем посольские выяснили общее положение с бывшими шведскими пленными. Оказалось, что при отъезде в Швецию ее великих и полномочных послов те не оставили в Москве никакого «королевского дворянина» для розыска и возврата шведских подданных. И поэтому 21 июля 1674 года вышел царский указ об отдаче всех холопов — бывших шведских пленных их прежним владельцам: не давать воли тем, кто уже являлся холопом или крепостным. И именно по этому указу плененный разинец Юрий Кондратьев был возвращен Ивану Пятому по челобитью последнего¹⁴. Таким образом, между 1671 и 1674 годами Юрий находился где-то в заключении, что подтверждает сведения Ивана Ларионова о 5-летнем отсутствии у него Юрия, сбежавшего,

следовательно, в 1669 году. Попутно посольские выяснили, что, вопреки жалобе Юрия, Иван все же подал на него челобитную в Челобитный приказ в марте 1675 года, узнав у его подьячего, которому «приказаны полоняочные книги», что до нового указа царя холопам и крепостным велено жить за своими господами¹⁵.

Посольский приказ не удовлетворили вроде бы законные действия по возврату Юрия Ивану, поскольку оставался невыясненным самый важный юридический пункт: имелась ли на Юрия кабала или другая «крепость»? И выяснилось, что оба брата Ларионовы Пятого

крепостей они на него, малого Юрия никаких не положили, а сказали, что он им крепок только по крещенью и женат на старой девке, а в приказах нигде не записан¹⁶.

И вот тут ясно проявилась одна из основных черт судебного строя России — право прецедента. Оказалось, что в таком положении Юрий не был первым и по аналогичному случаю даже состоялся царский указ. Он также кратко зафиксирован в приговоре:

В нынешнем во 183 [1674/75] году по указу Великого государя и по помете на деле дьяка Емельяна Украинцева освобожден от Ивана Сербина свейского ж полону малой Васка Миколаев для того, что он, Иван, на того малого крепостей никаких не положил. И дана ему (Василию. — А. Ж.) воля, где он жить похочет¹⁷.

Дьяк Украинцев, кстати, также входил в руководство Посольского приказа и, следовательно, участвовал в суде¹⁸, очевидно, что он и обратил внимание главы Посольского приказа на этот прецедент. В результате 3 июля 1675 года боярин А. С. Матвеев вынес свой приговор по делу:

…приказал иноземцу Юрию Кондратьеву дать волю, и от Ивана Пятого его освободить, потому что не положил он, Иван, на него никаких крепостей, и дать ему волю, где он, Юрка, жить похочет¹⁹.

Как видим, опытные приказные судьи оформили свой приговор с теми же формулировками, что и царский указ о «малом Васке Миколаеве». Поэтому оспаривание данного судебного решения приказа по Юрию Кондратьеву означало бы подвергать сомнению законность и правомочность царской воли, что, несомненно, являлось очевидным юридическим нонсенсом.

Казалось бы, судьба Юрия определилась. После суда он нанялся в слуги к подьячему Посольского приказа Кузьме Нефимонову. Между прочим, это означало, что теперь по любому делу Юрий был *подсуден только Посольскому приказу*. А Кузьма действительно служил здесь, что проверяется другими источниками. Ведь Кузьма Никитич Нефимонов вовсе не остался одним из безвестных посольских подьячих. Уже при царе Петре Алексеевиче его карьера выросла до ранга царского посланника в Вену, где в 1696 году он

от имени России заключил с австрийским императором и Венецией наступательный и оборонительный союз против Османской империи на три года, который и вылился в Азовские походы Петра I [14: 524]. Безусловно, К. Н. Нефимонов относился к даровитой посольской бюрократии, причем в 1675 году он был еще сравнительно молодым человеком. Так, известно, что в том же, 1675 году состоялось сокращение разбухших штатов дипломатического ведомства, и отбор шел строго про признаку профессионализма; в результате в приказе осталось только 12 подьячих «средней и меньшей статей», то есть наиболее молодые и талантливые [3: 62]. Увы, нам неизвестно, как при карьере молодого подьячего протекала жизнь его слуги Юрия. Если он оставался при Кузьме Нефимонове и не умер, то весьма вероятно, что в возрасте за 50 лет он повидал Вену. Правда, сразу после суда, в 1676 году, судьба Юрия вновь чуть было не повернулась в худшую сторону. К тому же напомним, что его жена Анюта и, как выясняется, их сын Ивашка все еще оставались за Иваном Пятого. Оказывается, по смерти царя Алексея Михайловича (умер 30 января 1676 года) братья Пятого нанесли неожиданный удар. 19 июля 1676 году подьячий Кузьма Нефимонов подал челобитную против братьев на имя нового царя Федора Алексеевича: Кондратий и Иван возобновили уже решенное в Посольском приказе дело новой челобитной в Челобитный приказ, который арестовал Юрия вновь, и теперь братья «против него замышляют». Но Юрка, пишет Нефимонов, освобожден и получил волю по суду, о чем имеется «Отпускная» Посольского приказа; во-вторых, он, Кузьма (а значит, и его слуга), «судом и правою во всяких делах ведомы» только своему приказу, – цитирует подьячий указ царя Алексея Михайловича. Из Посольского приказа в Челобитный приказ уже отослана «память»-выписка о суде, но там ее не приняли и «хотят без суда отдать Юрку Ивану». А сам Юрий Кондратьев «в полонных книгах» не записан ни за кем²⁰.

Дата подачи челобитной посольского подьячего – 19 июля – весьма примечательна. По нашему мнению, она связана с опалой боярина А. С. Матвеева при новом царе Федоре Алексеевиче. Дело в том, что кроме главенствующих группировок Милославских и Нарышкиных в Думе присутствовали еще и так называемые старые бояре во главе с князем Юрием Алексеевичем Долгоруковым и Богданом Матвеевичем Хитрово: они придерживались близких им по сердцу старых порядков – «без комедий и балетов», которые стали входить в моду при дворе царя Алексея Михайловича. Поначалу именно эти «старые бояре» и взяли кратковременно главенство в Думе при юном царе Федоре. Так, между 1 и 8 февраля А. С. Матвеев был отстранен от заведования Ап-

текарским приказом (по традиции, приказ возглавляли виднейшие члены Государевой Думы), что прямо говорило о начале падения могущества его и в целом «партии Нарышкиных». Главой Посольского приказа он оставался до 4 июля, когда состоялась его опала; новым судьей приказа стал думный дьяк Илларион Иванов [12: 201, 207–213]. Очевидно, что только после отставки А. С. Матвеева братья Пятого осмелились жаловаться вновь, а Челобитный приказ арестовал Юрия. (Дата подачи челобитной подьячим К. Н. Нефимоновым – 19 июля.) Кроме того, напомним, что креатурой группировок «старых бояр» был «царский карла» Антип Леонтьев Пятого, брат Кондратия и Ивана. Итак, с приходом к власти ретроградно настроенной старой боярской знати и следовавших за ними назначенцев Иван и Кондратий Леонтьевы получили возможность на пересмотр невыгодного им приговора опального главы Посольского приказа. Возглавивший этот приказ думный дьяк Илларион Иванов был мало сведущ в посольских делах, поскольку ранее являлся дьяком приказа Большого дворца [3: 217]. Но в помощниках у него оставался опытный посольский дьяк Е. И. Украинцев²¹. В результате корпоративный дух (посольских людей и их слуг судят только в Посольском приказе) и высокий статус посольских дьяков заставили и их повести войну за Юрия и даже за его семью с коллегами из Челобитного приказа и с братьями Пятого. К сожалению, мы не знаем, как именно Посольскому приказу удалось их отстоять, поскольку как раз документов об этом архивное дело не содержит. Но можно вполне уверенно предположить, что посольские опирались на судебно-юридическое право precedente: приговор по делу Юрия написан в тех же формулировках и с теми же основаниями, что и указ Алексея Михайловича о другом шведском пленном – Василии Миклаеве. Таким образом, перед Челобитным приказом всталась невыполнимая задача опровергнуть прямую царскую волю. Зато известен победный для Посольского приказа и Юрия Кондратьева, слуги «посольского человека», итог этого судебно-приказного «сражения».

На л. 23 дела записана вторая челобитная Юрия Кондратьева на имя еще прежнего царя Алексея Михайловича с просьбой отдать ему жену и сына Ивашку, отобрав их, таким образом, у Ивана Пятого²². А лист 22 дела – это подлинная расписка Юрия от 5 августа 1676 года о том, что в Посольском приказе он «взял у Ивана Пятого свою жену Анютку и сына Ивашку»²⁴. В соответствии с порядками и понятиями того времени, «взять в Посольском приказе» означало несомненно, что прежний приговор посольских остался в силе – и именно поэтому процедура передачи произошла «на территории» победителей, то есть с однозначным «уроном чести» проигравшей стороны – Челобитного приказа и братьев

Пятого. Конечно, не следует идеализировать Посольский приказ как действовавший только строго по закону. Доказательством обратного служит документ о жизненной коллизии в судьбе еще одного «маленького человека» – олончанина Митрофана Репенкова. Он писал в челобитной на имя царя Федора Алексеевича (не позднее 30 ноября 1681 года):

В нынешнем, государь, во 190-м году ноября в 21 день поимали меня, сироту твоего, приставы и привели в Посольский приказ, и с Посольского приказу отослан я, сирота твой, на Посольской двор и посажен в Колодничью палату без твоего, великий государь, указу и без приказу думного дьяка Лариона Ивановича с товарищи, и сижу по се время и помираю голодною смертью. А указу мне, сироте твоему, никакого нет, а вины я над собою никакой не знаю, и челобитчика на меня никакого нет же. ... смируйся, вели ... указ учинить и из Колодничьей палаты освободить, а исца мне поставить.

На обороте челобитной помета от 30 ноября 1681 года: «Взять к делу и положить на стол, а истца поставить»²⁴, то есть ввести дело в правовые рамки. Думается, что в случае с Юрием главным побудительным мотивом для посольских являлась амбициозная борьба за «честь» с Челобитным приказом – защита собственных решений от претензий на другое решение со стороны иного приказного ведомства. Видимо, имела место и политическая подоплека – противодействие бастиона новых порядков ретроградам из партии «старых бояр». Но подчеркнем: опирались посольские судьи на закон («указы»), с помощью которых и Юрий Кондратьев смог поднять свой социальный статус – от пленника и совершенно ничтожного «человека дворового» до статуса свободного человека, защищенного своей службой посольскому подъячему от произвола прежних «хозяев» и незаконных действий правительенного ведомства Челобитного приказа; свободу получили также его жена и сын.

Итак, мы проследили, насколько было возможным, судьбу «маленького человека» Юрия Кондратьева. Оказалось, что во второй половине XVII века, при благоприятных обстоятельствах, законодательство и его применение в судебно-правовой практике уже могли обеспечить защиту перед «сильными мира сего» даже социально обездоленных лиц, не имевших в стране никаких родственных корней и никакой иной надежды, кроме как на верховную власть. При этом вступление в борьбу «маленького человека» с представителями привилегированных сословий предполагало его активную жизненную позицию. Юрий Кондратьев прошел несколько этапов этой борьбы, которая тесно сопрягалась с юридическими и политическими устоями государства. Вначале – он бесправный пленник; даже будучи крещенным в православие, он ничего не мог сделать для улучшения своего социального положения и передавался из рук в руки de-facto

как движимое имущество, по существу он являлся «дворовым человеком». Но уже на этом этапе российское законодательство воспрепятствовало произволу его «хозяина»: Юрий не превратился в холопа de-jure, даже когда Иван Пятого женил его на своей дворовой девке-холопке. Второй этап связан с активным сопротивлением Юрия самим устоям политического строя – в виде побега от «хозяина» и участия в антиправительственном восстании. В ответ власти не «мстили безоглядно»: они подвергли плененного Юрия тюремному заключению, а затем Челобитный приказ вернул его старому «владельцу», то есть *status quo* социального положения Юрия восстановилось. Третий этап завершился для Юрия успехом, когда в своем сопротивлении сложившемуся порядку вещей он стал опираться на юридические устои самого государства: подал челобитную на имя царя и получил нужный приговор Посольского приказа, впервые сделавшего его свободным человеком. При этом посольские судьи опирались на уже имевший место указанной (то есть полностью законный) прецедент. Четвертый этап связан со стремлением Юрия закрепить и развить успех: он стал слугой подъячего Посольского приказа, резко исключая, таким образом, право и бывших его «хозяев», и других правительственные ведомства развернуть против него новое судебное преследование. Более того, в новой челобитной он просил вернуть ему его семью, то есть сделать и их свободными людьми. Заключительный, пятый, этап связан с отстаиванием Юрием этого нового статуса свободного – для себя и получением свободы его семьей. Данный последний, победный для Юрия и Посольского приказа этап был отягощен политико-придворными баталиями на высших этажах государственной власти при юном царе Федоре Алексеевиче. Но закон («указы») предыдущего царя сработали в пользу посольских дьяков и Юрия: им удалось преодолеть ретроградную позицию Челобитного приказа и своекорыстие бывших владельцев Юрия. В условиях выревания режима абсолютной монархии теперь далеко не все решали родственные и корпоративные связи: юридический статус и правоспособность личности, даже такой незначительной, как пленный-найденыш, опирались на новеллы в законодательстве и судопроизводстве, проводимые через отдельные царские указы и прецедентные приговоры приказного суда.

К сожалению, в нашем распоряжении не имеется архивных документов, которые помогли бы проследить дальнейший жизненный путь Юрия Кондратьева и его семьи. Но и приведенных свидетельств из времен царствования Алексея Михайловича и его сына Федора достаточно, чтобы прийти к обобщающему выводу. В целом пример судеб простых людей, Юрия Кондратьева и его товарища по несчастью Василия Николаева, сви-

действует, что во второй половине XVII века Россия действительно переходила к порядкам Нового времени, постепенно отказываясь от жестких феодальных установлений прежних веков.

Переход осуществлялся и на законодательном уровне, и в конкретной практике государственного управления, даже в такой ее консервативной сфере, как судопроизводство.

* Работа выполнена на средства бюджетного финансирования плановой научной темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)» (Срок выполнения: 2018–2020 гг.). Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое: С 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб., 1830 (далее – ПСЗ). Т. VI. 1720–1722. С. 486–493.
- ² ПСЗ. Т. II. 1676–1688. С. 366–367.
- ³ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 159. Приказные дела новой разборки. Оп. 2. Д. 1401. Л. 1–23.
- ⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 2–2об.
- ⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 3–3об.
- ⁶ РГАДА. Ф. 137. Боярские и городовые книги. Оп. 1. Олонец. Д. 4. Л. 197об., 198об.
- ⁷ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 4. Л. 200об.–203об.
- ⁸ РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Олонец. Д. 4. Л. 245–246, 295–295об., 351–351об.
- ⁹ Соборное уложение 1649 года. М.: Изд-во МГУ, 1961. С. 237–264.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 4.
- ¹¹ Дозорная книга Шуерецкой волости 1598 г. // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asikirjoja Karjalan historiasta 1500–ja 1600–luvuilta. Петрозаводск; Йоэнсуу / Joensuu; Petroskoi, 1987. [Т.] I. С. 237–238.
- ¹² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 9–10.
- ¹³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 5.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 5, 9–10.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 7–10.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 6.
- ¹⁷ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 6.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 9.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 10, 19–21.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 12–13, 18.
- ²¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 15.
- ²² РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 23.
- ²³ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 1401. Л. 22.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 2317. 1681 г., ноября 30. Челобитная олончанина Митрофана Репенкова об освобождении его из Колодничьей палаты или о предъявлении ему судебного иска. 1–1об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Б р у с н и ц и н а Д. В. Олонецкие пашенные солдаты в годы русско-шведской войны 1656–1658 гг. // Carelica. 2015. № 1 (13). С. 54–63.
2. Б у л г а к о в М. Б. Народы Европейского Севера России в XVII в.: управление и хозяйство. М.: Институт российской истории РАН, 2008. 204 с.
3. Д е м и д о в а Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М.: Наука, 1987. 229 с.
4. Д у р о в И. Г. Положение российских и шведских военнопленных в период Северной войны 1700–1721 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 1–14.
5. Жу к о в А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород: Изд-во Новгородского гос-университета, 2003. 256 с.
6. З и б о р о в В. К. Из родословной русского однодворца // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 474–483.
7. К о з л о в С. А. Русские пленные Великой Северной войны 1700–1721 / Отв. ред. З. В. Дмитриева. СПб.: Историческая иллюстрация, 2011. 416 с.
8. К р о м м М. М. Политическая антропология: новые подходы к изучению феномена власти в истории России // Исторические записки. 2001. Т. IV (122). С. 370–397.
9. К у ц О. Ю. Дело о «крестьянстве» братьев Фомы и Калины Севастьяновых конца 50 – начала 60-х гг. XVII столетия // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 438–463.
10. П а ш к о в а Т. И. Тюремное заключение в законодательстве Московской Руси // Российское государство в XIV–XVII вв.: Сб. статей, посвящ. 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 82–98.
11. Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII в. (Очерки истории). СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.
12. С е д о в П. В. Закат Московского царства: Царский двор конца XVII века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 604 с.
13. С о л о в ѿ в С. М. История России с древнейших времен. Кн. VI. Т. 11. М.: Мысль, 1991. 671 с.
14. С о л о в ѿ в С. М. История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 14. М.: Мысль, 1991. 701 с.
15. Ч е р н я к о в а И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1998. 297 с.

Zhukov A. Yu., Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

**THE FATE OF KARELIAN PRISONER YURI KONDRATYEV
(on the basis of the Posolsky Prikaz materials of 1675 and 1676)***

Using a set of judicial and legal sources and accompanying materials of the second half of the XVII century, the author traced the struggle for personal freedom of Yuri Kondratyev, who was captured by the Russian troops in the Kexholm County of Sweden and became a servant (a “household man”) of a nobleman Ivan the Fifth. However, the court of the Posolsky Prikaz (Ambassadorial Prikaz) granted him the status of a free man, and his family also got their freedom. The main goal and tasks of the research are to “inscribe” the fate of Yuri Kondratyev into the country’s general historical context and the evolution of state institutions, especially the evolution of the prikaz system and legislation. The novelty of the study is that it examines the personal aspect of the general transformation of traditional society in the light of an individual’s legal capacity expansion. The chronological framework of the work is the initial period of absolutism formation within the estate-representative monarchy. The analysis is based on a microhistorical approach, and partly on the methodology of everyday life history.

Key words: captivity, servitude, Posolsky Prikaz (Ambassadorial Prikaz), Prikaz of Petitions (Chelobitny Prikaz), court, decree, precedent law, social status, legal personality, Olonets County (Uyezd)

*The study received government funding as part of the planned research project “Karelia during Peace and War (from the Middle Ages to the Present Day)” (project time frames: from 2018 to 2020). State registration number: AAAA-A18-118030190093-9.

REFERENCES

1. Brusnitsina D. V. Olonets fallen soldiers during the Russian-Swedish War of 1656–1658. *Carelica*. 2015. № 1 (13). P. 54–63. (In Russ.)
2. Bulgakov M. B. Peoples of the European North of Russia in the XVII century: management and economy. Moscow, 2008. 204 p. (In Russ.)
3. Demidova N. F. Service bureaucracy in Russia in the XVII century and its role in the formation of absolutism. Moscow, 1987. 229 p. (In Russ.)
4. Durov I. G. The situation with Russian and Swedish prisoners of war during the Great Northern War of 1700–1721. *Military-Historical Journal*. 2006. No 2. P. 1–14. (In Russ.)
5. Zhukov A. Yu. Administration and self-government in Karelia in the XVII century. Veliky Novgorod, 2003. 256 p. (In Russ.)
6. Ziborov V. K. The pedigree of a Russian smallholder farmer. *Russian state between the XIV and the XVII centuries. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of the birth of Yu. G. Alekseyev*. St. Petersburg, 2002. P. 474–483. (In Russ.)
7. Kozlov S. A. Russian prisoners of the Great Northern War of 1700–1721. (Z. V. Dmitrieva, Ed.). St. Petersburg, 2011. 416 p. (In Russ.)
8. Kromm M. M. Political anthropology: new approaches to the study of power phenomenon in the history of Russia. *Historical Notes*. 2001. Vol. IV (122). P. 370–397. (In Russ.)
9. Kuts O. Yu. The case of the “peasant status” of two brothers, Foma and Kalina Sevastyanov, in the late 1650s and early 1660s. *Russian state between the XIV and the XVII centuries. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of the birth of Yu. G. Alekseyev*. St. Petersburg, 2002. P. 438–463. (In Russ.)
10. Pashkova T. I. Imprisonment in the legislation of Moscow Rus. *Russian state between the XIV and the XVII centuries. Collection of articles dedicated to the 75th anniversary of the birth of Yu. G. Alekseyev*. St. Petersburg, 2002. P. 82–98. (In Russ.)
11. 11. Ruling elite of the Russian state between the IX and the early XVIII centuries. (Essays on history). St. Petersburg, 2006. 548 p. (In Russ.)
12. Sedov P. V. Decline of the Moscow Kingdom: the Imperial Court at the end of the 17th century. St. Petersburg, 2006. 604 p. (In Russ.)
13. Solov'yov S. M. History of Russia since ancient times. Vol. 11. Moscow, 1991. 671 p. (In Russ.)
14. Solov'yov S. M. History of Russia since ancient times. Vol. 14. Moscow, 1991. 701 p. (In Russ.)
15. Chernyakova I. A. Karelia at the turn of the epoch: essays on the social and agrarian history of the 17th century. Petrozavodsk, 1998. 297 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 23.05.2018

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
kriyfed@yandex.ru

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА В КАРЕЛИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕЕ РЕШЕНИЕ*

Статья посвящена изучению продовольственного кризиса в годы Первой мировой войны на территории современной Карелии. Актуальность темы заключается в двух факторах. Первый из них обусловлен столетним юбилеем окончания Первой мировой войны и вниманием историков к этому событию. Другой – проблемой общественной безопасности, на которой традиционно сосредоточен фокус внимания общественности. Научная новизна статьи заключается в том, что в ней впервые был проведен комплексный анализ причин продовольственного кризиса в Карелии в период Первой мировой войны и изучено, насколько он повлиял на социально-экономическое положение различных слоев населения края. Установлена низкая эффективность мер государственной власти, предпринимаемых для его преодоления. Кроме того, сделан вывод о положительной роли земств и самоорганизации населения для борьбы с дороговизной, спекуляцией, контрабандой хлеба за границу и угрозой голода. Было установлено, что продовольственный кризис и низкоэффективные меры государства по его преодолению стали причиной сепаратистских настроений в среде крестьян Беломорской Карелии и приграничных волостей Повенецкого уезда.

Ключевые слова: Карелия, Олонецкая губерния, Кемский уезд, Первая мировая война, продовольственный кризис, крестьянство, земство, Мурманская железная дорога

К началу 1915 года руководству участвующих в войне стран стала очевидна перспектива затяжного конфликта. Экономика России была к этому не готова. Если армия ощущала все усиливающийся недостаток патронов, снарядов и винтовок, то одним из главных испытаний для тыла стал недостаток продовольствия.

Масштабный продовольственный кризис в Российской империи в годы Первой мировой войны был вызван целым комплексом проблем. Мобилизационные кампании поставили под ружье огромное число трудоспособного мужского населения страны, в социальной структуре которой преобладало крестьянство. Деревня лишилась рабочих рук, а темпы удешевления наемного труда ускорялись в арифметической прогрессии. Прямыми следствием военного времени стали инфляция и значительный рост цен, в том числе на продовольствие.

Все вышеуказанные факторы напрямую отразились на населении Карелии, которая в начале XX века занимала части территорий Олонецкой и Архангельской губерний, а также Выборгской губернии Великого княжества Финляндского. Задача статьи состоит, во-первых, в анализе предпосылок развития продовольственного кризиса в крае; во-вторых, в исследовании механизмов преодоления сложившегося положения, предложенных властью и обществом; в-третьих, в выявле-

нии особенностей продовольственного кризиса, которые были характерны для Карелии. Главное внимание уделено анализу положения, складывающегося в Олонецкой губернии.

Изучение продовольственного кризиса в России в годы Первой мировой войны является традиционным сюжетом, к которому историки обращаются при исследовании положения тыла. Эта проблема изучалась в общероссийском масштабе в советской историографии [6], [12]. Не потеряли эти сюжеты актуальности и в постсоветской исторической науке на фоне общего интереса исследователей к Первой мировой войне [5]. Сейчас продовольственный кризис активно изучается на уровне отдельных губерний [11].

В последние годы идет активное изучение социально-экономического положения Карелии в период Первой мировой войны. Эта проблематика освещена в обобщающих работах [1], [4]. Ее различные аспекты нашли отражение в трудах Н. А. Кораблева и Е. Ю. Дубровской, А. А. Голубева [2], [3], [7], [8], [9].

Природно-климатические и географические особенности региона обуславливали необходимость постоянного подвоза продовольствия для обеспечения нужд населения. Речь идет не только о горожанах, но и о жителях деревни. Например, крестьянам Петрозаводского уезда своего хлеба в разных хозяйствах хватало лишь на 4–5

месяцев. Крестьяне с большими наделами могли рассчитывать на свой хлеб в течение полугода. Уже в январе – феврале они докупали муку или зерно. Таким образом, крестьяне не только не могли обеспечить город этим продуктом, но и сами пополняли запасы зерна и муки на городских торговых площадях¹. Ситуация с обеспечением хлебом населения Кемского уезда Архангельской губернии была еще хуже. По подсчетам Н. А. Кораблева, несмотря на увеличение здесь в пореформенные десятилетия площадей посевов, урожай зерновых в этой части Карелии был в среднем в два раза меньше, чем в крестьянских хозяйствах Олонецкой губернии [8: 55]. Более того, часть населения Кемского уезда вообще не практиковала земледелие, занимаясь исключительно морскими промыслами. Прежде всего, речь идет о Поморье [8: 62].

Другим важным фактором, игравшим существенную роль в продовольственном обеспечении жителей российской Карелии, была слабо развитая система путей сообщения. Данные табл. 1, показывающие динамику и объемы доставки продовольствия в Петрозаводск в 1914 и 1915 годах, подтверждают, что основной объем перевозки крупнотоннажных грузов приходился на водный транспорт.

Таблица 1
Поставка продовольствия в Петрозаводск
в 1914–1915 годах²

Вид транспорта	1914 год	1915 год
Водный	10809,92 т (75,78 %)	9198 т (73,17 %)
Гужевой	3453,28 т (24,22 %)	3372 т (26,83 %)
Всего:	14263,2 т (100 %)	12570 т (100 %)

При дешевизне и больших объемах перевозок водный транспорт имеет очевидный недостаток – зависимость от продолжительности навигационного периода. Ряд товаров, например мука и зерно различных видов, поставлялись в эту часть края только водным путем из Рыбинска. Гужевые перевозки были практически невозможны весной и осенью, когда грунтовые дороги непригодны для проезда. Таким образом, вся логистика доставки продовольствия до населенных пунктов Карелии имела ярко выраженный сезонный характер. В особенно сложном положении с продовольственным снабжением находились крестьяне отдаленных волостей Повенецкого уезда. Крестьяне деревень Ребольской волости предпочитали закупать хлеб в Финляндии, в городе Лиекса, находившемся в 100 верстах от Ребол. Дорога до уездного города была более чем в три раза длиннее и намного хуже по качеству³.

Аналогичная ситуация со снабжением складывалась и в Беломорской Карелии, жители которой также получали продовольствие водным путем. Приграничные с Финляндией волости традиционно имели прочные экономические связи с Великим княжеством. В то же время, по

всей вероятности, они не распространялись на торговлю хлебом. Карельские крестьяне из деревень вокруг озера Соколозеро (Олангская волость Кемского уезда), которые находились в 15 км от границы⁴, получали хлеб из населенных пунктов, расположенных на берегу Кандалакшской губы. В связи с этим вести о германских военных кораблях в российских северных морях чрезвычайно волновали население даже отдаленных волостей Беломорской Карелии⁵.

Еще одной важной составляющей в комплексе проблем, которые привели к тяжелому продовольственному кризису в Карелии во время войны, стал неурожай 1914 года. В целом ряде источников отмечается, что в результате летней засухи крестьянские хозяйства в различных местностях как Олонецкой губернии, так и северной Карелии понесли большие убытки. Не была в нужном объеме подготовлена кормовая база для скота, семенные фонды крестьянских хозяйств на посевную 1915 года были заполнены не полностью⁶.

Постоянные мобилизации мужчин трудоспособного возраста также крайне отрицательно сказывались на продовольственном обеспечении Олонецкой губернии. В Каргопольском уезде, явившемся, по словам губернатора М. И. Зубовского, житницей края⁷, из 46 873 мужчин⁸, проживавших здесь в 1913 году, к концу 1916 года под ружье было поставлено 15 000 человек⁹, то есть треть мужского населения уезда. Из населенных пунктов, находившихся на территории нынешней Карелии, по подсчетам Н. А. Кораблева и Е. Ю. Дубровской, всего за время Первой мировой войны было мобилизовано не менее 28 000 человек, то есть половина трудоспособного мужского населения края [3: 57]. Такое массовое сокращение рабочей силы в деревне привело, с одной стороны, к уменьшению посевных площадей, а с другой – к резкому подорожанию наемной рабочей силы. Летом 1913 года средняя поденная плата в карельских уездах Олонецкой губернии на посеве озимых работнику с лошадью и со своим пропитанием составила 179,25 коп., летом 1914 года стоимость этих работ возросла до 192,75 коп., а во время летней посевной 1915 года достигла 295,5 коп. Таким образом, цена на рабочие руки за два года (по сравнению с последним мирным летом 1913 года) увеличилась на 40 %¹⁰. Все эти факторы в одинаковой степени приводили к росту цен на продовольствие.

Наконец, существовала еще одна важная причина продовольственного кризиса в годы войны, которая была характерна для Карелии. Она связана со строительством железных дорог в крае. Весной 1914 года начались работы по укладке Олонецкой железной дороги, которая была предназначена соединить Петрозаводск со столицей Империи. Строительство осуществлялось силами наемных рабочих из других губерний. В июне

1915 года на сооружении второго участка железной дороги (на территории Олонецкой губернии) работало не менее 7000 рабочих, прибывших из других регионов страны¹¹.

Строительство Мурманской железной дороги, начатое в 1915 году, потребовало привлечения гораздо большего количества трудовых ресурсов. По требованию правительства сооружение этого жизненно важного в условиях войны пути должно было завершиться как можно быстрее. В связи с этим началась массовая вербовка рабочей силы в других регионах. К строительству также были привлечены военные из 8-й железнодорожной бригады. Кроме того, уже в 1915 году на работы по сооружению дороги были отправлены военнопленные. Летом этого года на прокладке Мурманского пути работало около 60 000 человек [3: 106]. С учетом 7 000 рабочих на Олонецкой дороге общее число работающих на постройках двух железных дорог летом 1915 года составляло 67 000 человек. В дальнейшем эта цифра почти не менялась: в среднем на постройке железной дороги каждый месяц трудились от 50 000 до 75 000 человек, а всего за время строительства на ней работали до 170 000 человек [1: 168–169]. Важно отметить, что это были рабочие разных категорий (вольнонаемные, военные, пленные), прибывшие из других регионов и стран. Часть из них работала на Кольском полуострове, но основное число рабочих трудилось на территории Карелии. На начало 1913 года в карельских уездах Олонецкой губернии и Кемском уезде Архангельской губернии проживало 280 700¹² человек. Таким образом, население региона, остро нуждавшегося в привозном продовольствии, резко возросло сразу на четверть от своей довоенной численности. В условиях военного времени этот фактор также серьезно сказывался на продовольственном положении и ценообразовании на продуктовом рынке.

Помимо увеличения численности населения в крае, строительство железных дорог неблагоприятно сказывалось на продовольственном положении Карелии и по другим причинам. Цены на продовольствие, а также сено и солому постоянно росли в силу постоянно высокого спроса на них со стороны перекупщиков, продававших эти товары затем на железнодорожном строительстве. В земской печати с тревогой отмечалось, что карельские крестьяне массово продавали скот на строящиеся железные дороги по крайне выгодным ценам – на 50–60 руб. превосходящим обычные. На эти деньги в Петрозаводске в феврале 1916 года можно было купить 450 кг простой рожаной муки. Желая получить большие и, главное, быстрые деньги, крестьянин оставался при этом без молока и удобрений, что вело к снижению урожайности его надела¹³. Наличие же денег в условиях кризиса хлебных поставок из волжских губерний не гарантировало стабильного снабже-

ния хозяйства этим продуктом. Кроме того, не исключено, что при заключении сделок крестьян могли обманывать. По сведениям А. А. Голубева, чиновники, обеспечивавшие снабжением рабочих на прокладке железной дороги, занимались финансовыми махинациями [2: 122]. Уездные земства через губернатора пытались повлиять на ситуацию с массовой покупкой у крестьян губернии скота и сена для нужд строительства железной дороги. В ответ на соответствующий запрос М. И. Зубовского из министерства земледелия пришел ответ, в котором подчеркивалось, что Олонецкая губерния освобождена от реквизиций скота в пользу армии. В связи с этим ходатайство о запрете на покупку скота для нужд строящейся железной дороги не обсуждалось¹⁴.

Таким образом, продовольственный кризис в крае развивался под влиянием комплекса проблем: слабо развитой логистики доставки продовольствия в Карелию, неурожая 1914 года, мобилизации трудоспособного мужского населения и строительства железных дорог на территории региона.

Продовольственный кризис выражался в постоянно растущих ценах на продукты питания. Причины этого явления заключались как в объективных законах рынка (нехватка товара на прилавках и высокие закупочные цены), так и в спекуляции, которая стала крайне сильным раздражителем социального спокойствия. В целом, если до войны семья из 4 человек тратила на продуктовую корзину и промышленные товары первой необходимости 32 руб. 27 коп., то к декабрю 1915 года эта сумма составляла уже 61 руб. 73 коп.¹⁵ Рост цен составил почти 50 %.

Население Карелии крайне болезненно воспринимало рост цен. В общественном сознании прочно закрепился образ купца-спекулянта в городе и кулака в деревне, которые наживались на страданиях людей. В одном из номеров «Олонецкой недели» была опубликована статья, в трагикомической форме высмеивающая поведение торговцев. В частности, на возмущение покупателя высокими ценами купец ответил:

Время теперь такое. <...> Никак нам, торговым людям, нельзя теперь не нажить. Вон, как хорошо в газетах пишут: «Подъем, мол, общий». Ну, а раз общий подъем, то как же нам без подъема цен. Еще скажут, не сочувствуем. А мы этому подъему во как сочувствуем¹⁶.

Крестьяне отправляли губернатору обращения с просьбой повлиять на купцов, постоянно увеличивавших цены. Однако М. И. Зубовский, отмечая рост отпускных оптовых цен в Рыбинске, лишь беспомощно, но резонно замечал в своих резолюциях: «Что же я могу сделать?»¹⁷ Характерный пример, демонстрирующий падение авторитета власти среди крестьян, произошел весной 1915 года в одной из деревень Пудожского уезда. В Российской империи к тому времени действовала уже отлаженная система продовольственных

капиталов, которая нивелировала последствия неурожая и сводила к минимуму возможный риск возникновения голода и других социальных потрясений. Продовольственные капиталы формировались взносами самих же крестьян и находились под управлением государства. В какой-то степени это была патриархальная форма взаимосвязи народа и царя, который гарантировал людям существование без голода. Как уже было отмечено, 1914 год был неурожайным и крестьяне не подготовили достаточно семян для посевной 1915 года. Обратившись к местному земскому начальнику за посевным материалом, крестьяне получили формально мотивированный отказ, который мог сорвать сроки посевной. После этого они выступили с угрозами забрать семена силой, мотивируя действия тем, что их семьи будут «помирать от голода», пока решение о выдаче семян пройдет через уездный съезд. При участии вышестоящих чиновников конфликт был исчерпан¹⁸. В то же время он демонстрирует кризис доверия сельского населения к власти. Продовольственная проблема все больше принимала остро социальный характер.

Население городов губернии обращалось к власти посредством анонимных записок с ультимативными требованиями по стабилизации цен на продовольствие. В одной из таких записок отмечалась близорукость местных властей, не замечающих социальное напряжение в обществе:

...стоит дать только маленький толчок. И тогда не только этих мизерных лавочонок, а от всего Петрозаводска останется очень мало¹⁹.

Понимая крайне негативное влияние, которое могут оказать на армию волнения в тылу из-за продовольственной проблемы, центральные власти пытались предпринять активные меры для преодоления кризиса. Так, губернатор М. И. Зубовский регулярно получал правительственные циркуляры с требованиями сдерживать рост цен на товары первой необходимости. На практике эти приказы выразились во введении в Карелии в сентябре 1914 года системы такс, то есть законодательно установленных предельных цен на ряд товаров первой необходимости. Однако как в регионе, так и по всей стране в целом эта мера не привела к желаемым результатам, поскольку не учитывала объективные законы ценообразования на рынке [7: 268]. Из уездов губернии регулярно поступали сообщения о завышении предельно допустимых цен. Так, один из торговцев заявил крестьянам в грубой форме весной 1915 года, что он не намерен соблюдать постановление губернатора: «Почему губернатор назначил таксу на хлеб, а не на рабочих?»²⁰

Другая мера, предпринятая М. И. Зубовским по смягчению продовольственного кризиса, была связана с пограничным положением Карелии. В январе 1915 года был введен запрет на вывоз в Финляндию муки и зерна. Эта мера была связана

с тем, что крестьяне приграничных с Великим княжеством волостей Олонецкого и Петрозаводского уездов занимались провозом этого продукта через границу с целью перепродажи. Экономическая выгода от спекуляции была очевидной: в январе 1916 года куль муки в Петрозаводске можно было приобрести за 19 руб. 50 коп.²¹, а перепродать в Финляндии уже за 33 руб.²² В связи с участниками случаями задержания контрабандистов с хлебом на границе власти ввели ограничения при покупке хлеба крестьянами приграничных волостей: необходимо было иметь отношение от удостоверения сельских властей о семейном положении и потребности в ржаной муке для семьи²³.

Вопросы снабжения населения губернии продовольствием составляли важную часть работы земств. В условиях острого продовольственного кризиса и ограниченности ресурсов земства всех уездов Олонецкой губернии прилагали значительные усилия для снабжения населения продовольствием. Зачастую только благодаря земским закупкам в уездах поддерживался необходимый минимальный запас хлеба, а также осуществлялось регулирование распределения этих ресурсов. Так, в Пудожском уезде, населению которого требовалось на зиму не менее 25 000 кулей (3 600 т) ржаной муки, торговцы могли заготовить лишь 10 000 кулей. Остальные 15 000 кулей (или 60 % от требуемого объема) планировало заготовить земство. При этом перспективы заготовки торговцами 10 000 кулей были непонятны. На закупку продовольствия земство тратило все имеющиеся средства, часто привлекая на эти цели финансирование из других статей бюджета²⁴.

Попытка смягчить острый продовольственный кризис в Карелии осуществлялась еще на одном уровне – самоорганизации населения. Речь идет о кооперативных лавках, которые открывались в годы войны повсеместно. За один лишь 1916 год в разных уездах губернии было открыто 44 общества потребителей²⁵. Помимо снабжения своих членов продуктами по более доступным ценам, общества потребителей приносили также и прибыль. Например, из годового отчета общества потребителей «Бережливость» в Толвуе следует, что чистый доход организации составил 600 руб.²⁶ Создавая общества потребителей, жители селений преследовали цель нарушить монополию местных торговцев и тем самым обезопасить себя от спекулятивного роста цен на продовольствие. Несмотря на положительное влияние, которое оказывало кооперативное движение в деревне на улучшение продовольственного положения, имели место и негативные явления. Согласно жалобам губернатору, некоторые общества потребителей фактически заменили собой торговцев-спекулянтов. Будучи монополистами, они не отпускали продукты не членам кооператива. В то же время, когда коопе-

ратив остро нуждался в деньгах, они отпускали продукты всем желающим²⁷.

Другой формой самоорганизации крестьян в области экономии хлеба стала самостоятельная охрана дорог, ведущих в Финляндию, для пресечения контрабанды муки. В конце 1917 года население с подозрением относилось к милиционерам, которые сами были замечены в организации незаконного вывоза продуктов. В связи с этим на сходе 26 декабря крестьяне Вешкельского общества постановили запретить вывоз муки в Финляндию под угрозой значительного штрафа и конфискации всего запаса муки контрабандиста в общественный запас. Чтобы еще больше мотивировать крестьян пресекать контрабанду, сход постановил отдавать крестьянину, пресекшему вывоз муки, часть конфискованного продукта²⁸.

Одним из способов улучшения снабжения населения Петрозаводска продуктами питания и снижения на них цен в городских лавках стала идея организации городского огорода. Инициативу взяло в свои руки местное земство, которое уже много лет пропагандировало среди крестьян идею о пользе посадок огородных и садовых культур.

Одним из самых активных популяризаторов развития огородничества в регионе был агроном, инструктор по садоводству и огородничеству Управления земледелия и государственных имуществ Олонецкой губернии Витольд Фомич Волейко. В конце ноября 1914 года он подготовил подробный доклад по вопросу организации в Петрозаводске городского промышленного огорода. Документ предназначался для выступления на заседании Петрозаводской городской думы, а его копия была отправлена губернатору. Необходимость разработки городского огорода, по мнению агронома, была обусловлена двумя факторами: во-первых, богатые витаминами овощи должны были быть обязательной частью рациона жителя севера в силу своей полезности, во-вторых, огород должен был решить проблему крайней высокой стоимости овощей в торговых точках Петрозаводска²⁹.

Анализ статистических материалов говорит о правильности постановки проблемы агрономом. За навигацию 1915 года в Петрозаводск было поставлено около 500 пудов капусты и прочих овощей (без картофеля)³⁰ при ежемесячной потребности населения в 300 пудах (без картофеля)³¹. Поставки овощей в город крестьянами уездов губернии едва ли могли значительно повлиять на статистику: во-первых, огородничество в карельской деревне лишь начинало набирать популярность, во-вторых, с 1915 года имеющиеся продовольственные излишки крестьяне стремились поставить на строительство железной дороги, закупочные цены на которой были на порядок выше цен, предлагаемых перекупщиками в Петрозаводске. Таким образом, ценообразование на овощи

в Петрозаводске диктовалось значительным дефицитом этих продуктов в городе.

По подсчетам В. Ф. Волейко, городской огород должен занимать площадь не менее 22 десятин (24 га). Предполагалось высадить капусту, картофель, репу, редьку, лук, свеклу, морковь, а также разместить хозяйственное постройки и подъездные дороги. При достаточном урожае, снятом с огорода такой площади, себестоимость овощей не должна была превышать 10 копеек за пуд, но для получения прибыли продажные цены следовало установить выше. Однако даже с этой наценкой овощи с городского огорода должны были быть значительно дешевле представленных в городских лавках.

На присланной в конце ноября 1914 года копии проекта губернатор М. И. Зубовский написал резолюцию: «Я переговорю по этому поводу с городским головой». Однако документ был положен под сукно. Вероятно, в ситуацию вмешалось купечество города, которое не было заинтересовано в появлении на рынке дешевых овощей³².

Ситуация начала сдвигаться с мертвой точки лишь в конце января 1916 года, когда В. Ф. Волейко решается написать о сложившейся ситуации напрямую в Петроград, в Управление сельской продовольственной части Министерства внутренних дел. Реакция Управления была незамедлительной. Уже 8 февраля губернатор М. И. Зубовский получил из Петрограда письмо, в котором от него требовалось доложить, на какой стадии находится работа по организации общественного огорода³³. После этого вмешательства административная работа по согласованию проекта городского огорода, которая не двигалась 14 месяцев, была проделана местными властями за 16 дней. 25 февраля М. И. Зубовский сообщил в МВД, что городская Дума одобрила проект огорода и постановила начать работы по его созданию весной текущего года³⁴. Власти согласовали размещение огорода в предложенном В. Ф. Волейко месте, но площадь отведенного участка оказалась немного меньше запланированной – 21,5 десятины (23,5 га).

Реалии весны 1916 года уже серьезно отличались от положения в стране осенью 1914 года, когда В. Ф. Волейко готовил проект огорода. В связи с острой нехваткой финансирования огородному комитету при городской Управе пришлось переделывать численные показатели. Всю площадь огорода уже невозможно было освоить за один летний сезон, поэтому из 20 десятин (1,5 десятины на отведенном участке должны были занять постройки и дороги) летом 1916 года решено было обработать и засадить овощными культурами только 3,5 десятины. Оставшуюся площадь постановили использовать в этом году только в качестве сенокосной³⁵.

Согласно планам на 1916 год, общий доход от огорода при нормальном урожае должен был

составить 3675 руб. При этом на устройство огорода городской Управой было отпущено 8370 руб. Всего же на полное обустройство огорода (в том числе на строительство необходимых хозяйственных сооружений) планировалось потратить 15000 руб. Таким образом, при нормальном функционировании городской огород, выполняя свою главную функцию – снабжение населения сравнительно дешевыми овощами, к концу 1920 года должен был начать приносить прибыль³⁶.

Организация работ на огороде была связана с еще одной трудностью – нехваткой рабочей силы. Сельскохозяйственные работы проводились поденными и сдельными рабочими из числа местного населения. Столярные и строительные работы были осуществлены силами строительного батальона. Кроме того, приобретенных на нужды огорода двух лошадей явно не хватало, в связи с чем к полевым работам привлекались лошади из пожарного обоза. Наконец, на огороде работали военнопленные³⁷. Это были солдаты австро-венгерской армии. Об этом косвенно свидетельствуют сведения из различных платежных ведомостей, где они фигурируют как «пленные австрийцы». В поддержку этой гипотезы говорят также венгерские и славянские фамилии: Божик, Худьец, Ениш, Ковач³⁸. Четко определить национальную принадлежность занятых в работах военнопленных было бы затруднительно даже при наличии соответствующей информации в источнике. Р. Нахтигаль, исследовавший положение военнопленных на строительстве Мурманской железной дороги, отмечал, что этническое многообразие пленных австро-венгерской армии приводило ведомства, занимавшиеся надзором за ними, в замешательство. В связи с этим всех военнопленных из Австро-Венгрии в документах именовали «австрийцами» [10: 113]. Хотя пленные отправлялись на сельскохозяйственные работы принудительно, их работа регулярно оплачивалась³⁹.

Собранный с огорода осенью урожай реализовывался различными способами. Значительная его часть была продана в городской лавке торговца Корытова, который получил 7 % от вырученной прибыли. Часть продукции реализовывалась прямо с огорода⁴⁰. Установленные городской Управой цены на продукцию огорода были на по-

рядок ниже (табл. 2) существующих в то время розничных цен в лавках города.

Итоги года и анализ цен в торговых точках города показали, что организация огорода достигла одной из главных своих целей: удалось добиться снижения розничных цен на овощи в Петрозаводске на 30–35 %. Исключение составила лишь капуста, урожай которой был на городском огороде незначительным и не мог создать условия для конкурентной борьбы в ценообразовании. Повлиять на оптовые цены в 1916 году общественный огород еще не мог из-за недостаточных объемов продукции, поставляемой на рынок города.

Таким образом, продовольственный кризис в Карелии в годы Первой мировой войны стал результатом комплекса проблем. В мирное время отсутствие надежных круглогодично функционирующих путей сообщения, связывающих регион с хлебородными губерниями, удавалось нивелировать за счет многолетнего опыта организации доставки хлеба в регион земствами и торговцами. В условиях войны, а также неурожая 1914 года она оказалась неспособной обеспечить продовольствием население региона. Важной предпосылкой кризиса стала мобилизация в армию трудоспособного мужского населения, вызвавшего рост цен на рабочую силу. Общий негативный фон хлебного рынка страны вызвал рост цен на продовольствие в Карелии, который искусственно подогревался спекуляцией. Другой особенностью ценообразования в регионе стало влияние на этот процесс строительства железных дорог и массовый приток трудовых мигрантов, который в значительной степени обострил хлебный голод в Карелии и ускорил рост цен. Меры, которые принимала власть для стабилизации положения в крае, оказались малопродуктивными. Усилия земств, ограниченных в финансовых ресурсах, в значительной степени позволили держать ситуацию со снабжением населения продуктами под контролем. Однако в условиях нарастающего системного кризиса в стране местные самоуправления не могли предпринять мер по стабилизации продовольственного положения в губернии. Определенную положительную роль в этой ситуации сыграла самоорганизация населения, которое объединялось в общества потребителей для борьбы со спекуляцией и пресекало

Таблица 2⁴¹

Цены на овощи в лавках Петрозаводска и цены на продукцию с городского огорода

Название овощной культуры	Цена в торговых точках Петрозаводска до открытия городского огорода (за пуд)	Цены на овощи с городского огорода
Картофель	3 руб. 20 коп.	2 руб.
Брюква	3 руб.	2 руб.
Свекла	4 руб.	2 руб. 80 коп.
Капуста	5–6 руб.	2 руб. 50 коп.
Редька	2 руб. 50 коп.	1 руб. 80 коп.
Огурцы	1 руб. 20 коп. (за десяток)	80 коп. (за десяток)
1 квадратный аршин капустной и брюквенной рассады	2 руб. – 2 руб. 50 коп.	50 коп.

контрабанду муки в Финляндию. Наконец, необходимо констатировать, что продовольственный кризис в Карелии имел долгосрочные политические последствия. Бедственное положение с продовольствием в Беломорской Карелии в 1917 году, где крестьянам приходилось использовать сосновую муку при выпечке хлеба [4: 322], а также обострившийся до крайности к этому времени продовольственный вопрос в Поросозерской и Ребольской волостях стали отправной точкой для многих событий в Карелии в период Гражданской войны. В феврале 1918 года священник из

Ребольской волости писал в губернской печати: «Земли здесь изобилие <...> имеется теперь (после революции. – А. К.) и воля. Но имея землю и волю, у крестьян Ребольской волости нет самого главного – хлеба»⁴².

Голод и фактическое отсутствие государственной власти, а значит, и перспективы решения этой проблемы толкали крестьян Ребольской и Поросозерской, а также северокарельских волостей к ориентации на Финляндию, с которой у населения уже сложились давние экономические и культурные связи.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: AAAA-A18-118030190093-9.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НАРК). Ф. 118 (Горское сельское общество). Оп. 1. Д. 2/30. Л. 6об.
- ² НАРК. Ф. 62 (Петрозаводская городская управа). Оп. 1. Д. 72/573. Л. 26–26об.
- ³ Село Реболы, Повенецкого у[езда] // Вестник Олонецкого губернского земства (далее – ВОГЗ). 1915. № 10. С. 18.
- ⁴ Линия российско-финляндской границы на одном из участков в Приполярье до 1940 г. проходила восточнее современной.
- ⁵ Сент-Илер К. К. Как мы прошли с Белого моря в Финляндию: (Отклики войны на Севере). Юрьев: [б. и.], 1915. С. 26.
- ⁶ Иконников П. С. Сообщение из Олонца // ВОГЗ. 1915. № 11. С. 12; НАРК. Ф. 1 (Канцелярия олонецкого губернатора). Оп. 2. Д. 17/741. Л. 44; НАРК. Ф. 118. Оп. 1. Д. 2/30. Л. 10об., 13, 14об.; Обзор Архангельской губернии за 1914 год: Ежегодный отчет. Архангельск: Архангельская губернская типография, 1915. С. 4.
- ⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 82.
- ⁸ Олонецкая губерния: Статистический справочник. Петрозаводск, 1913. С. 23.
- ⁹ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/39. Л. 5.
- ¹⁰ Посчитано по: Материалы по текущей статистике, Вып. 14, Лето – осень 1913 г. / Издание Олонецкого Губернского Земства; [Заведующий оценочно-статистическим отделом В. Бузин]. Петрозаводск: Северная Скоропечатня Р. Г. Кац, 1914. С. 51; Материалы по текущей статистике. Вып. 15. Зима 1913/14 г., весна, лето – осень 1914 г. / Издание Олонецкого Губернского Земства; [Заведующий оценочно-статистическим отделом Вл. Бузин]. Петрозаводск: Северная Скоропечатня Р. Г. Кац, 1915. С. 137; Материалы по текущей статистике. Вып. 16. Зима 1914/15 г., весна, лето – осень 1915 г. / Издание Олонецкого Губернского Земства; [Заведующий оценочно-статистическим отделом Вл. Бузин]. Петрозаводск: Северная Скоропечатня Р. Г. Кац, 1916. С. 155.
- ¹¹ Олонецкая железная дорога (Звонка – Петроград) // Известия Общества изучения Олонецкой губернии. 1915. Т. 5. № 2/3. С. 144.
- ¹² Посчитано по: Обзор Архангельской губернии за 1912 год: Ежегодный отчет. Архангельск: Архангельская губернская типография, 1913. [Ведомость № 2]; Олонецкая губерния: Статистический справочник / Стат. бюро Олонец. Губ. Земской Управы; Предисл. Вл. Бузина. Петрозаводск: Северная Скоропечатня Р. Г. Кац, 1913. С. 23.
- ¹³ Г. Г. Г. Крестьяне, берегите свой молочный скот! // ВОГЗ. 1916. № 4. С. 28.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 19/759. Л. 19, 21.
- ¹⁵ Бузин В. Война и жизнь // ВОГЗ. 1915. № 23. С. 2.
- ¹⁶ Городской патриотизм // Олонецкая неделя. 1915. № 18. С. 13.
- ¹⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121/7. Л. 94.
- ¹⁸ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/741. Л. 49.
- ¹⁹ Там же. Л. 190.
- ²⁰ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/733. Л. 2.
- ²¹ Местные хлебные цены // ВОГЗ. 1916. № 1. С. [36].
- ²² НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 19/759. Л. 4.
- ²³ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 19/766. Л. 2об.
- ²⁴ Чрезвычайное Пудожское уездное земское собрание 27 июня 1916 г. // ВОГЗ. 1916. № 15. С. 10–11.
- ²⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/32. Л. 10–10об.
- ²⁶ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/4. Л. 1об.
- ²⁷ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121/7. Л. 175.
- ²⁸ Алек. С. По границе с Финляндией (Петрозаводский уезд) // ВОГЗ. 1918. № 2–3. С. 16–17.
- ²⁹ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 121/6. Л. 209.
- ³⁰ НАРК. Ф. 62. Оп. 1. Д. 72/573. Л. 26.
- ³¹ Там же. Л. 24.
- ³² Кон д'Ор. Домашняя стратегия // Олонецкая неделя. 1916. № 8. С. 14.
- ³³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/10. Л. 7.
- ³⁴ Там же. Л. 2.
- ³⁵ Там же. Л. 17.
- ³⁶ Там же. Л. 19.
- ³⁷ Там же. Л. 26об.
- ³⁸ НАРК. Ф. 62. Оп. 2. Д. 9/181. Л. 31об.
- ³⁹ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/10. Л. 33.
- ⁴⁰ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/10. Л. 27об.
- ⁴¹ Там же. Л. 27об.–28.
- ⁴² Филин М. Накануне голода (с. Лужма Повенецкого уезда) // ВОГЗ. 1918. № 3–4. С. 18.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баданов В. Г., Кораблев Н. А., Жуков А. Ю. История экономики Карелии. Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. Кн. 1. 192 с.
2. Голубев А. А. Мурманская железная дорога. История строительства (1894–1917). СПб.: Петербургский гос. ун-т путей сообщения, 2011. 205 с.
3. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны, 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 425 с.
4. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Науч. ред. Н. А. Кораблев, В. Г. Макуров, Ю. А. Савватеев, М. И. Шумилов. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
5. Капрачев М. Д. О кризисе продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2012. № 1. С. 255–268.
6. Китанина Т. М. Война, хлеб и революция. (Продовольственный вопрос в России 1914 – октябрь 1917 г.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 384 с.
7. Кораблев Н. А. О продовольственном кризисе в Карелии в годы Первой мировой войны // Актуальные вопросы развития государства и общества: Материалы I заочной межрегиональной научно-практической конференции (30 апреля 2014 года). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2014. С. 264–276.
8. Кораблев Н. А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в преобразованный период XIX в. // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 51–63.
9. Кораблев Н. А., Дубровская Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическую жизнь населения Карелии // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2015. № 8. С. 28–38.
10. Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога (1915–1919 годы): военная необходимость и экономические соображения. СПб.: Нестор-История, 2011. 320 с.
11. Самохин К. В. Тамбовское крестьянство в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). СПб.: Нестор, 2004. 122 с.
12. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 654 с.

Krivonozhenko A. F., Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

FOOD PROBLEM IN KARELIA DURING THE FIRST WORLD WAR AND ITS SOLUTION*

The article deals with studying the food crisis during the First World War in the territory of modern Karelia. The relevance of the topic is twofold. Firstly, it is due to the centenary of the end of the First World War and the attention of historians to this event. Secondly, the focus of public attention has traditionally been concentrated on the issue of public security. The scientific novelty of the article is that the author conducted the first comprehensive analysis of the causes for the food crisis in Karelia during the First World War. Also he studied how much the crisis affected the socioeconomic status of various strata of the region's population. The study revealed the low effectiveness of state measures undertaken to overcome the crisis. In addition, the conclusion was made about the positive role of zemstvos and the population self-organization for combatting high prices, speculation, illegal grain export and the threat of famine. It was found that the food crisis and inefficient state measures undertaken to overcome it became the reason for separatist sentiments among the peasants of Karelia's White Sea region and the border districts of the Povenets Uyezd. Key words: Karelia, Olonets province, Kem district, World War I, food crisis, peasantry, zemstvo, Murmansk railway

* The study was carried out as part of RAS Karelian Research Centre project No AAAA-A18-118030190093-9.

REFERENCES

1. Badanov V. G., Korablev N. A., Zhukov A. Yu. History of Karelian economy. Petrozavodsk, PetroPress Publ., 2005. Book 1. 192 p. (In Russ.)
2. Golubev A. A. Murmansk railway. History of construction (1894–1917). St. Petersburg, Petersburgskiy gos. un-t putey soobshcheniya Publ., 2011. 205 p. (In Russ.)
3. Dubrovskaya E. Yu., Korablev N. A. Karelia during the First World War. 1914–1918. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2017. 425 p. (In Russ.)
4. History of Karelia from ancient times to the present day. (N. A. Korablev, V. G. Makurov, Yu. A. Savvateev, M. I. Shumilov, Eds.). Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 944 p. (In Russ.)
5. Kaprachev M. D. Food supply crisis during the First World War. *Ezhегодник по аграрной истории Восточной Европы*. 2012. No 1. P. 255–268. (In Russ.)
6. Kitaina T. M. War, bread and Revolution. (Food issue in Russia from 1914 to October of 1917). Leningrad, Nauka Publ., 1985. 384 p. (In Russ.)
7. Korablev N. A. Food Crisis in Karelia during the First World War. *Aktual'nye voprosy razvitiya gosudarstva i obshchestva: Materialy I zaochno mezregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii (30 aprelya 2014 goda)*. Petrozavodsk, KarNTs RAN Publ., 2014. P. 264–276. (In Russ.)
8. Korablev N. A. Economic development of Karelia's White Sea region in the post-reform period of the XIX century. *Istoricheskie sud'y Belomorskoy Karelii*. Petrozavodsk, 2000. P. 51–63. (In Russ.)
9. Korablev N. A., Dubrovskaya E. Yu. The influence of the First World War on the socioeconomic life of Karelia's population. *Proceedings of Karelian Research Center of the Russian Academy of Science*. 2015. No 8. P. 28–38. (In Russ.)
10. Nakhтигаль R. Murmansk Railway (1915–1919): military necessity and economic considerations. St. Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., 2017. 320 p. (In Russ.)
11. Samoхин K. V. Tambov peasantry during the First World War (from 1914 to February of 1917). St. Petersburg, Nestor Publ., 2004. 122 p. (In Russ.)
12. Sidorova A. L. Economic situation in Russia during the First World War. Moscow, Nauka Publ., 1973. 654 p. (In Russ.)

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

syrsa@yandex.ru

КОНДОПОГА В 1930-е ГОДЫ: РОЖДЕНИЕ ГОРОДА

Социальные аспекты форсированной индустриализации Карельской АССР рассмотрены на материалах рабочего поселка (с 1932 года) и города (с 1938 года) Кондопоги. Вектор жизни города задавали потребности государства и федеральных ведомств. Локальный ракурс видения урбанизации позволил уделить особое внимание социокультурным сторонам городской жизни. Обозначены явления, препятствовавшие утверждению в данном социуме урбанизированной культуры: неквалифицированный труд, тяжелые бытовые условия значительной части сельских мигрантов, ужесточение политического контроля над горожанами, несмотря на декларирование демократических свобод. Показаны возможности адаптации и самоорганизации горожан, направленные на смягчение социальных издержек индустриального рывка. Охарактеризована деятельность Горсовета по обеспечению повседневных нужд горожан, показано становление системы образования и медицинской помощи. Творческая активность горожан, новые формы деятельности, способствовавшие личностной самореализации, наиболее полно в этот период проявились в сфере организации досуга.

Ключевые слова: город, индустриализация, мигранты, выборы, быт, культура

Форсированная индустриализация ускорила освоение лесных и водных ресурсов Карелии, общеизюзное значение приобрели добыча нерудных ископаемых, целлюлозно-бумажная промышленность. За 1926–1939 годы население Карелии выросло с 269,7 тыс. до 468,9 тыс. человек. Меняясь его пространственная локализация: в 1926 году горожанами являлись 20,5 % жителей Карелии, а в 1939 году – 32,1 % [17: 61]. В городских поселениях концентрировалась разнообразная социальная деятельность, в том числе инновационная. При этом нехватка средств усиливала монопрофильную специализацию городских поселений, что негативно оказывается до сих пор.

В отечественной историографии выражается неудовлетворенность уровнем изученности социальных аспектов индустриализации [12], [13]. Междисциплинарного подхода требует неразрывно связанная с индустриализацией урбанизация. В работах историков, географов, философов обозначилось стремление осмыслить ее специфику в советский период. Подчеркиваются особая роль Советского государства в градообразовании [22], прочная связь урбанизации с оборонными задачами государства и созданием военно-промышленного комплекса [11], сращивание социальной инфраструктуры с производственными предприятиями, низкий стандарт качества жизни горожан [13].

Немало исследований посвящено региональным аспектам урбанизации. Процесс градообразования на Севере России в условиях форсированной индустриализации охарактеризо-

ван А. А. Беловолом [1], Л. А. Максимовой [10], П. В. Федоровым [26] и др. И. Н. Стась выделил два основных подхода в изучении урбанизации Севера России [23: 35]. Первый связан с исследованием города в рамках социальной истории на основе теорий стадиального и цивилизационного развития. Когда урбанизация рассматривается как составная часть модернизации, доминирует интерес к программам преобразований, эволюции институтов, восприятию населением этих новаций уделяется меньше внимания [16]. Второй подход опирается на культурную историю с упором на изучение городской повседневности, менятьности, идентичности. Так, «новая локальная история» актуализирует важнейшую социокультурную функцию урбанизации – создание новых возможностей, ценностей, потребностей горожан [2]. В литературе проанализирован также ряд других исследовательских подходов к городской истории. При этом ставится задача использовать их «на условиях взаимодополнительности», что позволит рассматривать город и как продукт, и как своего рода «актора» исторического развития [19: 269].

В 2018 году Карелия празднует 80-летие Кондопоги, ставшей в 1920–1930-х годах символом стремительного индустриального развития Севера. Городу повезло – здесь традиционно сильное краеведческое движение [5], [9], [21], [14]. Научное изучение Кондопожского промышленного района начал Б. А. Юргенс [28]. Население, бытовую инфраструктуру Кондопоги и уровень жизни горожан охарактеризовала Л. И. Вавулинская [3], [4].

В статье И. Р. Такала представлена трагическая судьба финнов в Кондопоге во время сталинских репрессий [24]. Однако комплексного освещения истории Кондопоги в период форсированной индустриализации пока не получила. Отчасти восполняя этот пробел, автор данной статьи ставит задачу представить во взаимосвязи наиболее важные стороны городской жизни 1930-х годов. Исследование подготовлено на основе конкретно-проблемного метода и использования системного и контекстуального подходов. Рассматривая город как локальную целостность, автор в качестве ведущих элементов данной системы характеризует деятельность промышленных предприятий, органов городского управления, коммунальных служб, социально-культурных учреждений. При изучении городского населения ставится задача описать процессы рекрутирования управленческой элиты, промышленных рабочих, городской интеллигенции, показать роль мигрантов в развитии социума. При рассмотрении взаимодействия города с другими системами особое внимание уделено поведению и деятельности горожан. Во многом их определяли внешние обстоятельства, вышестоящие властные институты, однако определенную роль играли и индивидуальные стратегии, связанные с приспособлением, инициативой, личными способностями, мотивами людей. Контекстуальный подход проявился в стремлении к разностороннему учету условий, обстоятельств, в рамках которых протекала городская жизнь, а также влияния на нее региональной и федеральной политики.

Статья написана на основе делопроизводственных документов 15 фондов Национального архива Республики Карелия (НАРК). Годовые отчеты предприятий сохранились частично, но, поскольку партийные организации уделяли большое внимание производственной сфере, необходимая информация о промышленном развитии города была выявлена в протоколах республиканских и районных партийных конференций. Протоколы сессий городского и поселкового советов наиболее полно раскрыли «болевые точки» повседневной жизни Кондопоги. И партийные, и советские органы тщательно отслеживали ход избирательных кампаний, и в распоряжении автора исследования находилась обширная справочно-аналитическая документация о местных выборах. Составители докладных записок, отчетов концентрировали внимание скорее на количественных показателях, стремясь показать размах своей организационной работы, поддержку «курса великого Сталина». В работе с такими документами особое внимание уделялось фактам, выходящим за рамки принятого в среде чиновников «каркаса» текста. Для воссоздания тесно вплетенных в политическую жизнь эпохи «личных историй» использовалась учетная документация, прежде всего личные листки по учету кадров и

отложившиеся в личных делах автобиографии. К сожалению, в связи с эвакуацией 1941 года не все необходимые документы сохранились. В связи с этим характеризовать работу партийной организации поселка и города пришлось, используя документы районной парторганизации, в составе которой коммунисты Кондопоги играли важную роль. Как правило, в архивах преобладают документы, характеризующие отношения «государство – человек – государство», коммуникации в рамках малых социальных общностей на их основе прослеживаются лишь частично [20: 91]. Районная и республиканская печать, издаваемая советскими и партийными структурами, недостаточно восполняет данный пробел. В основном привлекались газетные заметки о досуге горожан. Особо хотелось бы отметить публикацию в районной газете биографий всех депутатов горсовета, в связи с миграциями военного времени без них трудно было бы восстановить жизненный путь этой группы общественно активных горожан. В целом круг использованных источников представляется автору достаточным для решения поставленных задач.

Поселение Кондопога впервые упомянуто в документах в 1495 году, с 1774 года украшением стоявшей на берегу Онежского озера деревни являлась Успенская церковь – один из лучших деревянных храмов Русского Севера. Импульс индустриальному развитию Кондопоги был дан Первой мировой войной, когда вблизи деревни пролегла Мурманская железная дорога, началось строительство военного завода и крупной гидроэлектростанции [6: 136]. В 1919 году работы остановили, но ненадолго. В Постановлении СНК РСФСР от 26 апреля 1921 года создание Кондопожского промышленного узла было признано срочной народно-хозяйственной задачей¹. Учитывались начатые работы, а также исключительно выгодное с точки зрения транспортных связей положение местности, расположенной в 53 км от Петрозаводска, на берегу Онежского озера, недалеку от железнодорожной станции «Кивач».

В январе 1929 года вступила в строй Кондопожская ГЭС, вдвое увеличившая скромный энергетический ресурс экономики Карелии. В 1936 году канал между р. Суной и оз. Палъе обеспечил работу ГЭС на полную мощность – 5,5 тыс. кВт. В 1941 году построена вторая очередь, и мощность ГЭС увеличилась до 27,5 тыс. кВт [7: 44–46].

В июне 1929 года начала работу Кондопожская бумажная фабрика. Оборудование для нее закупили в Германии, Чехословакии, Швеции. Современную бумагоделательную машину поставила в Кондопогу немецкая фирма «Фюльнер». В 1937 и 1941 годахпущены еще две машины – уже отечественного производства: их изготовили на Ленинградском заводе бумагоделательных машин имени Второй пятилетки. Всего за

1929–1941 годы Кондопога дала стране свыше 330 тыс. т газетной бумаги [8: 65]. Первые годы фабрика работала на дорогой привозной целлюлозе. В 1935 году с недоделками был пущен целлюлозный завод, хотя освоение производства шло не просто, до конца 1930-х годов в Кондопоге было выработано более 75 тыс. т сульфатной целлюлозы. Целлюлозный завод и бумажная фабрика объединились, и Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат (Бумкомбинат) стал градообразующим стержнем Кондопоги. В апреле 1938 года 2210 жителей поселка являлись рабочими и служащими, из них 1809 человек трудились на Бумкомбинате².

В 1938 году с 80 % готовности введен в число действующих предприятий Пегматитовый завод, перерабатывавший горные породы Чу-пинских разработок. В 1939 году предприятие отгрузило 21 тыс. т керамического сырья для фарфоро-фаянсовой промышленности страны. Заметную роль в лесной промышленности края играл Кондопожский леспромхоз: в 1939 году им было заготовлено 580 тыс. ф. м. древесины³. Был реконструирован построенный в 1924 году механизированный кирпичный завод, поставлявший стройкам около 4 млн кирпичей в год. Повседневные запросы людей стремились удовлетворить промысловые кооперативные артели («Пищевик», «Кустарь», «Трудовик» и др.). К концу 1930-х годов в городе насчитывалось полтора десятка предприятий. Развитие производства сдерживали нехватка сырья, финансирования, техники, плохая организация труда.

Крупное индустриальное строительство привело к росту численности населения Кондопоги. За 1926–1939 годы оно увеличилось более чем в 5 раз – с 2,6 тыс. до 13,4 тыс. человек. Согласно данным переписи 1939 года, в городе проживало 9,5 тыс. русских, 1,7 тыс. карелов, 334 вепсов, 791 финн, 360 украинцев, 178 татар и др.⁴ Нужно было обеспечивать необходимый минимум консолидации людей разных национальностей и конфессий.

Девять из десяти жителей поселения являлись мигрантами. Большинство переселенцев прибыло из-за пределов Карелии. В основном это были крестьяне, покинувшие деревню в разгар коллективизации. Для обучения рабочим профессиям на предприятиях была развернута сеть профессиональных курсов, индивидуальное ученичество. Сельские мигранты стремились использовать возможности вертикальной социальной мобильности. На предприятиях началось социалистическое соревнование, создавались ударные бригады, внедрялись встречные планы, создавались производственно-технические кружки, поощрялись рационализаторы⁵. Получила распространение бригадная форма работы, позволявшая активнее применять разделение труда, эффективнее

использовать технику. Часть рабочих включилась в стахановское движение.

В то же время из-за нехватки жилья и убогого быта сохранялась высокая текучесть рабочих кадров. В 1930–1933 годах на Бумажную фабрику прибыло почти 5 тыс. рабочих и такое же их количество уволилось [3: 185]. В 1940 году на Бумкомбинат было принято 1301, а уволено 1113 человек⁶. В конце 1930-х годов текучесть кадров усугубили мобилизации в Красную армию в период Советско-финляндской войны. В 1939 году на Пегматитовый завод было принято 390, а уволено 443 работника. В том же году на Кирпичном заводе при среднесписочном составе рабочих 109 было уволено 136 человек⁷. Недостаточная квалификация работников влекла за собой низкое качество продукции, брак и производственные травмы (в 1940 году только на Бумкомбинате их зарегистрировано 211⁸).

В 1940 году численность инженерно-технических работников на Бумкомбинате составляла 100 человек. Из них высшее образование получили 22, среднее – 12, остальные – то есть почти две трети ИТР – имели лишь начальное образование⁹. Стремясь повысить ответственность персонала за выпуск качественной продукции, в предвоенный период руководство страны ввело материальную и даже уголовную ответственность за брак. В 1940 году на Бумкомбинате к материальной ответственности (как правило, вычету 20–30 % заработка) за выпуск некачественной продукции было привлечено 43 работника, в том числе 8 ИТР¹⁰. Два работника были отданы под суд¹¹.

В 1920-е годы лучшие возможности для профессионального обучения получили представители финно-угорских народов. С 1929 года при Кондопожской бумажной фабрике работала школа ФЗУ. Туда принимали в первую очередь карелов, финнов, вепсов – фабрика должна была стать «колыбелью» национальных кадров пролетариата. Преподавание велось на финском языке, обучали молодежь выпускники Ленинградского целлюлозно-бумажного техникума Е. П. Барусин, В. А. Канерва, а также опытные рабочие¹². В 1933 году более половины квалифицированных рабочих Бумажной фабрики являлись представителями финно-угорских народов [3: 186].

Среди мигрантов 17 % составляли прибывшие из-за границы – активные участники Финляндской революции 1918 года, преследуемые после ее подавления, американские финны, покинувшие Канаду и США во время Великой депрессии. В 1932 году в строительных организациях Кондопожского района трудились 2 инженера и 189 иностранных рабочих¹³. За 1931–1934 годы на Бумажную фабрику были распределены 119 иностранных рабочих¹⁴. Для иммигрантов были открыты специальные магазины, столовые, клуб. Вследствие более высокой квалификации их заработки были существенно выше. Подчас

это вызывало недовольство местных жителей. В свою очередь для финских рабочих оказалась неожиданной бедность жизни в Советской Карелии. Многие были недовольны жилищными, бытовыми условиями, но работали добросовестно. Среди них было немало людей, веряющих в социализм.

Облик хозяйственных руководителей отвечал духу эпохи. Первый директор Бумкомбината Ганнес Ярвимяки работал в юности рабочим на бумажных фабриках в Финляндии, но специального технического образования не получил. После Финляндской революции 1918 года отец и брат Ярвимяки были расстреляны, а сам он, комиссар одного из красных фронтов, осужден на 17 лет. Из заключения бежал, чудом добрался до Советской России. В 1922 году Г. Ярвимяки участвовал в знаменитом рейде на Кимасозеро, был награжден именными часами. Нехватка технических знаний у «красного директора» никого не смущала, в условиях штурма и авралов успех дела часто определяли воля лидера, умение весить за собой. В 1936 году Г. Ярвимяки награжден орденом Трудового Красного Знамени. К ордену был добавлен редчайший для того времени дар – легковая машина. Через много лет супруга начальника планового отдела комбината С. В. Павловского Ксения Михайловна вспоминала встречу в Кондопоге Нового, 1937, года, слова соратников за праздничным столом:

Мы верим тебе, директор – и все как один понимаем тебя. Где ты будешь работать, там и мы будем работать, потому что твоя любовь к родине и рабочему классу ведет нас к тебе¹⁵.

Однако летом 1937 года Ярвимяки был арестован, а 21 марта 1938 года расстрелян.

В 1938–1940 годах директором Бумкомбината являлся Николай Алексеевич Кондратьев, технически более образованный управленец. В советское время он окончил Тверской лесотехникум, работал директором леспромхозов в Московской области. В 1935 году Кондратьева направили в Архангельскую промакадемию лесной промышленности Наркомлеса, но в 1937 году он был отозван с учебы на Кондопожский бумкомбинат¹⁶. Когда в 1940 году Кондратьева перевели на работу в Питкяранту, Бумкомбинат возглавил 34-летний Александр Петрович Большов, с бумажной отраслью связанный в жизни, можно сказать, по случаю. В юности он плавал матросом на парусных судах. Однажды его шхуну насиливо угнали в Константинополь, и только через несколько лет матрос смог нелегально вернуться в СССР. С 1928 года Большов служил на Балтийском флоте: сначала радиостом, а потом политработником, секретарем партбюро линкора «Октябрьская революция». В автобиографии писал: «Вел борьбу с врагами народа, был из-за этого демобилизован»¹⁷. После демобилизации стал начальником отдела кадров Бумажной фабрики

в Ленинграде. Вскоре закрепившегося в бумажной отрасли профессионального политработника послали на хозяйственную работу в Кондопогу.

27 мая 1932 года Президиум ВЦИК утвердил статус Кондопоги как рабочего поселка. В его состав вошли поселок бумажников, железнодорожная станция и деревня Кондопога. 5 июня 1938 года Президиум ВЦИК утвердил решение ЦИК и СНК КАССР о преобразовании рабочего поселка Кондопога в город¹⁸.

До декабря 1940 года управление городом продолжал поселковый совет, избранный в 1934 году. В составе совета работали секции: торговли, финансов, связи, культурно-просветительная, кооперативная, ликвидации неграмотности и малограмотности. На предприятиях были созданы депутатские группы: они помогали администрации в «борьбе за план», проводили обследования жилищно-бытовых условий рабочих. Связь с избирателями осуществлялась в процессе выполнения их наказов: во время выборов депутатам передали 171 наказ, 104 из них были выполнены. В то же время ни один депутат поселкового совета в 1937–1938 годах не отчитался перед избирателями. Большинство членов поссовета не имели поручений. Довольно редко, два-три раза в год, созывались общие собрания депутатов (plenумы)¹⁹. Часто сменялись руководители совета. В 1939–1940 годах эту должность занимали С. И. Гришин, И. И. Алешин, П. А. Рагачев – по несколько месяцев каждый.

Местный совет тесно взаимодействовал с партийными органами. В 1933 году членами и кандидатами ВКП(б) являлись 634 жителя Кондопожского района. К весне 1937 года, после «чистки» и обмена партийных билетов с целью проверки лояльности политическому курсу, численность коммунистов в районе сократилась на 22 %²⁰.

Руководители парторганизации часто менялись. Молодых выдвиженцев постоянно перемещали то на комсомольские, то на партийные, то на хозяйственные должности. Так, в 1935–1937 годах Кондопожскую партийную организацию возглавлял Георгий Пахомович Шерешков. Он приехал на север в 1924 году по призыву Мурманской железной дороги. Поработав недолго слесарем в депо в Кандалакше, помощником машиниста в Мурманске, вступив в партию, перешел на комсомольскую работу. В 1929 году Ленинградский обком партии отозвал его из Мурманска на комсомольскую и партийную работу в Карелию. Было ему тогда 23 года. В 1934 году секретаря Медвежьегорского райкома партии Шерешкова назначили управляющим треста «Кареллес», где готовили «чистку» центрального аппарата. Освободив трест «от чуждых элементов», вернулся на партийную работу, но уже в Кондопожский район²¹. 13 августа 1937 года Г. П. Шерешков исключен из партии, 9 февраля 1938 года расстрелян.

Численность Кондопожской парторганизации вернулась к показателям 1933 года весной 1940 года, когда в ее рядах состояло 645 человек. За 1937–1940 годы в составе организации доля русских увеличилась с 55 до 73 %, а доля финнов сократилась с 27 до 7 %²².

Государство направляло на решение своих экономических и политических задач активность многочисленных общественных организаций, жестко их контролируя. Комсомольцы Бумажной фабрики участвовали в соцсоревновании и ударничестве, поднимались на ликвидацию очередных авралов и прорывов, боролись за выполнение промфинплана [25: 53]. Члены Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству (Осоавиахим) вели сбор средств на строительство воздушного флота, с их участием в Кондопоге построили парашютную вышку и тир. В 1938 году в День авиации свыше 800 жителей города участвовали в военизированном походе Осоавиахима: учились действовать в условиях химической атаки в «противоипритных костюмах», отрабатывали навыки пользования современными видами связи. На привалах политруки проводили беседы о событиях на озере Хасан, о Гражданской войне в Испании²³. Члены Международной организации помощи борцам революции (МОПР) распространяли облигации займа, собирали деньги в помощь преследуемым на Западе революционерам, агитбригада МОПР выезжала на лесозаготовки. Члены Общества Красного Креста проводили дезинфекции бараков и квартир, организовывали курсы санитаров и медсестер запаса, сдавали нормы на значок «Готов к санитарной обороне».

Десятки общественников вели пропагандистскую работу. Прямолинейные, незамысловатые установки агитаторов воспринимались малообразованными слоями общества как ориентир в общественной жизни. В Кондопоге выходили 4 местные газеты на русском (районная «Новая Кондопога», производственные «Кировец», «За экспортный стандарт») и финском («Кондопожский ударник») языках. Благодаря радио пропаганда неслышно входила в мир частной жизни людей. В апреле 1937 года Г. П. Шерешков докладывал: «Очередное “накачивание” по текущим вопросам проходит удовлетворительно»²⁴.

Вторая половина 1930-х годов характеризовалась резким усилением в системе государственного управления роли силовых структур и ужесточением репрессивной политики. Партийно-государственный аппарат, сформировавшийся в эпоху «социалистического штурма», обладал невысоким уровнем управлеченческих компетенций, готовилась его смена. С весны 1937 года в партийных организациях все настойчивее раздаются призывы усилить «большевистскую самокритику». В парторганизациях прошли выборы, впервые за три года парторги отчитались о сво-

ей работе, состав парторгов обновился на треть. Отчетно-перевыборные собрания длились по несколько дней, например, на Бумкомбинате – 4 дня.

С лета 1937 года ротация кадров обратилась в их преследования. На партийных собраниях резко выросло число «персональных дел». До весны 1938 года в Кондопожском районе из партии были исключены 78 коммунистов, в том числе 37 финнов, 29 русских, 4 карела, 1 украинец, 1 эстонец, 2 еврея. В первую очередь исключали арестованных НКВД (48 человек) и «не внушающих политического доверия» (15)²⁵.

Недостатки хозяйственного механизма все чаще прикрывали разговорами о «врагах народа»: это из-за них срываются сроки пуска промышленных объектов, выпускается продукция низкого качества²⁶. Заручившись поддержкой стахановцев, власти предприняли новую попытку экономического рывка. Если в 1936 году Кондопожский ЦБК произвел 32,6 тыс. т бумаги, то в 1937 году план требовал выпустить 74,3 тыс. т²⁷. Комбинат нарастил выпуск продукции, но завышенные планы выполнить не смог: было произведено чуть более 34 тыс. т бумаги. Вся полнота ответственности за невыполнение плана легла на трудовой коллектив. Репрессиям подверглось около 250 работников Бумкомбината [24: 222]. После «чисток» производство лихорадило. Многочисленные аварии, брак, простой были связаны прежде всего с неопытностью нового персонала. В докладе о хозяйственной деятельности Бумкомбината за 1938 год отмечалось: «Большинство наших сеточников, варщиков и др. свой стаж в данных квалификациях насчитывают месяцами»²⁸.

Отставание социальной сферы также пытались списать на козни «врагов народа». «Это они тормозили жилищное строительство», – утверждал в районной газете председатель Кондопожского РИК С. К. Мухин²⁹. Карточки были отменены, но в неурожайном 1936 году росли очереди за продуктами, цены на базарах. Даже осенью в продаже не хватало свежих овощей. Люди жаловались: «Живем у воды, а рыбы не видим»³⁰.

Стремясь не допустить роста критики власти, консолидации недовольных, НКВД развернул преследования подозреваемых в политической нелояльности граждан. В их круг автоматически зачислялись иммигранты из Европы и Америки, бывшие члены других политических партий, сторонники оппозиций внутри РКП(б)/ВКП(б), духовенство, раскулаченные. В соответствии с приказом НКВД СССР № 00447 от 30 июля 1937 года активизировалась «операция по борьбе с кулачеством, уголовниками и иными антисоветскими элементами». Репрессиям подверглась управлеченческая элита Карелии – «красные финны» и их соратники. В условиях, когда большевики провозгласили целью укрепление Российского государства и защиту его geopolитических интересов, политэмигрантов стали унижительно

критиковать как, с одной стороны, сторонников мировой революции, а с другой стороны, носителей западных ценностей. Пришедшая им на смену партийно-хозяйственная элита не отличалась ни более высоким уровнем компетентности, ни политическим опытом, но считалась более управляемой и подконтрольной. В условиях пограничья аресты граждан бездоказательно связывали с возможностью шпионажа, а в случае войны – с возможностью перехода на сторону захватчиков. Согласно агентурной разработке НКВД «Диверсанты» в Кондопожском районе орудовали шпионы [27: 42]. С осени 1937 года в республике активизировалось проведение «национальных операций», которые были направлены, в первую очередь, против финского населения. По данным И. Р. Талала, в Кондопоге за время Большого террора пострадало около 500 человек, большинство репрессированных – финны [24: 222]. В ноябре 1938 года массовый террор был остановлен. Репресии развернулись в то время, когда проводившие «социалистический штурм», коллектivизацию и раскулачивание политики впервые должны были пройти через горнило всеобщих, равных, прямых выборов при тайном голосовании, закрепленных Конституцией 1936 года.

В Кондопоге прошли избирательные кампании по выборам в Верховный Совет СССР (1937), Верховный Совет РСФСР и КАССР (1938). Изолировав и запугив потенциально «опасных избирателей», власти стремились продемонстрировать максимально высокие цифры поддержки гражданами сталинского режима. К каждому дому, общежитию был прикреплен агитатор. 4 июня 1938 года в Кондопогу приезжал заместитель Председателя ЦИК по выборам в Верховный Совет РСФСР полярник И. Д. Папанин. На площади Советов его встречали более 7 тыс. жителей. Рабочие вышли на работу на 2 часа раньше, чтобы «не прозевать» приезд героя, приветствовали его овациями³¹. День выборов старались представить как праздник. Уже с 4 часов утра люди начинали подтягиваться к избирательному участку. Днем на улицах играли духовые оркестры, баяны, гармони. Избиратели собирались группами, пели, танцевали, смотрели выступления коллективов художественной самодеятельности. Участвуя в выборах, люди не могли не замечать разительно-го несоответствия предвыборных речей реалиям жизни. Наряду с бюллетенями в избирательные urnы подчас опускались записки-рассуждения, наполненные то горечью, то ironией. Приведем в качестве примера одну из них, обнаруженную на избирательном участке в Кондопожском районе:

Хотят нам, дуракам, глаза замутить выборами и конституциями, чтобы каждый советский гражданин был в УСЛОНе не год, не пять, а 25 лет, и этого добиваются наши руководители, чтобы работали остальной век свой бесплатно и жили из-под палки. Зато жить стало лучше и веселее, но дать стало нечего есть рабочему³².

В декабре 1940 года состоялись первые выборы депутатов в городской Совет. На избирательные участки в Кондопоге пришли 100 % избирателей. За предложенных кандидатов проголосовало 97,7 %, против – 2,3 % избирателей. Всего было избрано 37 депутатов, из них 23 мужчины и 14 женщин. В горсовете были представлены граждане трех национальностей: русские (32), карелы (4), вепсы (1)³³. Депутатский корпус формировался в основном из молодежи. Возраст самых молодых депутатов составлял 19 лет, всего 4 депутата перешагнули 40-летний рубеж, возраст самого старшего – 48 лет. В составе горсовета имелось ядро (43 %) достаточно хорошо для 1930-х годов образованных депутатов: 13 имели среднее образование, 3 – высшее. Депутатами городского Совета были избраны 10 партийных и советских работников, 1 сотрудник НКВД, а большинство составляли хозяйственники (16) и представители интеллигенции (10)³⁴. Тем не менее партийный контроль над горсоветом был незыблем – 57 % депутатов являлись членами партии³⁵. На сессиях горсовета неизменно председательствовал секретарь райкома партии.

25 декабря 1940 года состоялась первая сессия Кондопожского городского Совета, на которой единогласно и без обсуждения был избран исполнком в составе 11 человек. Председателем Кондопожского городского Совета был избран Петр Иванович Гаврилов. Выходец из крестьянской семьи, он прибыл в Кондопогу в 1932 году по окончании целлюлозно-бумажного техникума в Ленинграде. Работал техником на бумажной фабрике, сменным мастером на целлюлозном заводе, инструктором школы ФЗУ. В 1939 году был избран руководителем профсоюзной организации ЦБК. За эти годы Кондопогу Гаврилов покидал дважды: когда служил в армии и когда был мобилизован на фронт в период Зимней войны³⁶.

В составе горсовета были образованы два отдела – финансовый и коммунальный. Вместо секций появились постоянно действующие комиссии – бюджетная, по местной промышленности, по здравоохранению, по образованию. Одним из центральных в работе депутатов был вопрос о городском бюджете. Его основу составлял налог с оборота (кроме спирта), подоходный налог, культсбор с рабочих и служащих, отчисления от займа³⁷. Кроме того, собирались местные налоги и сборы. Взимались земельная рента, налоги со строений, с транспортных средств, со скота, с подвижной торговли, за посещение публичных зрелиц и увеселений³⁸. Кроме того, Кондопожский район получал дотацию от республики. Бюджет Кондопоги с 1935 по 1940 год вырос с 339 тыс. руб. до 3249 тыс. руб. За это время расходы из городского бюджета на образование и здравоохранение увеличились в 11 раз, на коммунальное хозяйство – в 15 раз³⁹. Основное внимание городской Совет уделял коммунальному хозяйству

– сфере запущенной и отсталой. Питьевая вода в Кондопоге была низкого качества. Из-за нехватки лошадей редко чистились выгребные ямы. У многих домов валялись кучи мусора. В старой бане завелся грибок, а строительство новой не велось, так как не поступали стройматериалы. В конце 1930-х годов вновь ухудшилось продовольственное снабжение. В городе возникали перебои в торговле хлебом, была введена норма продажи – 1 кг хлеба в руки⁴⁰. В магазинах отсутствовали товары ширпотреба: ведра, стекло, керосин и др. Торговые организации не имели складов, холодильников, скоропортящиеся товары хранили под открытым небом. Много людей по-прежнему ютилось в общежитиях и бараках. В 1939 году в общежитии Бумкомбината, где проживало 385 рабочих, текла крыша, было очень холодно, допекали вши, тараканы⁴¹. В общежитиях спали «валетом» – по двое на койке. В некоторых бараках даже печей не было.

С середины 1930-х годов в Кондопоге развернулось жилищное строительство, в том числе двух 4-этажных каменных зданий с паровым отоплением, водопроводом, ваннами⁴². На Сунской дороге появились новые кварталы деревянных двухэтажных домов⁴³. Более трети жилищного фонда (136 домов) принадлежало Бумкомбинату. От него центральные ведомства требовали, прежде всего, выполнения производственного плана, а не благоустройства жилья. В ведении Горжилуправления находились 34 дома, на их ремонт местные власти могли выделять 50–80 тыс. руб. в год. Горсовет стремился контролировать состояние жилищного фонда: был создан актив сануполномоченных, проведен общественный смотр жилья. При этом депутаты жаловались: «Ретивые хозяйственники не считаются с постановлениями горисполкома»⁴⁴.

Развитие поселка велось по плану, утвержденному СНК КАССР в 1932 году⁴⁵. В конце 1930-х годов трест «Леноблпроект» разработал новый генеральный проект планировки Кондопоги. В апреле 1941 года его обсудили и одобрили депутаты горсовета, предложив расширить парковую зону с местами для купаний, предусмотреть, что основным видом городского транспорта должен стать троллейбус⁴⁶. План был передан на утверждение в правительство⁴⁷.

В развитии города очень важно формирование качественно новой культурной среды. Более заметными к концу 1930-х годов были изменения в жизни детей. В Кондопоге 350 малышей посещали ясли и детские сады, 2,4 тыс. детей обучались в школах. Практически всех детей охватили начальным образованием. Кроме того, работали 2 средних и 2 неполных средних школы. Формировалось педагогическое сообщество – в школах города трудились 74 учителя⁴⁸. В каждой семье знали директора первой средней школы Сергея Васильевича Шежемского. В памяти выпускни-

ков он остался человеком глубоких знаний, не терпевшим лести, совестливым [18: 10]. Часть учителей имела плохое образование, малый педагогический опыт, что негативно сказывалось на качестве обучения. Так, осенью 1939 года успеваемость школьников Кондопоги составляла всего 63 %⁴⁹.

К середине 1930-х годов была стабилизирована эпидемиологическая ситуация. Если в 1932 году в Кондопожском районе выявлено 384 заболевших брюшным тифом, оспой, скарлатиной, цингой, то в 1934 году – 22 случая этих заболеваний⁵⁰. В 1937 году в Кондопоге завершилось строительство больничного городка. В него вошли здание больницы на 130 коек, жилой дом для медиков, прачечная, морг⁵¹. Кроме того, работали поликлиника, туберкулезный пункт, венерологический диспансер, детская и женская консультации, молочная кухня⁵². Возможности для получения медицинской помощи в городе заметно улучшились. Немало сделали для этого главный врач больницы Иван Андреевич Токарев, главный врач поликлиники Павел Васильевич Гребнев, заведующая родильным отделением Мария Николаевна Дмитриева, хирург Евгения Федоровна Груничева, педиатр Надежда Ивановна Друганина и др.⁵³ В медицинских учреждениях трудилось несколько десятков специалистов средней квалификации. Врачи и директора школ входили в число 22 «ответственных работников»⁵⁴, имевших право на дополнительную жилплощадь. Три медика были избраны депутатами Советов разного уровня.

Постепенно распространялись новые формы досуга и отдыха. По путевкам соцстраха работники промышленных предприятий проходили лечение в санаториях Крыма и Кавказа, отдыхали в домах отдыха Ленинградской области и др. В 1937 году воспользовались такими путевками 89 рабочих и служащих Бумкомбината⁵⁵, в 1938-м – 126.

Зимой проводили лыжные гонки, в ДК устраивали вечера спорта с показательными выступлениями борцов, гимнастов, боксеров⁵⁶. Летом проходили городские спортивные праздники с парадом физкультурников, в которых могло участвовать более тысячи человек и десятки велосипедистов. Устраивались соревнования по футболу, волейболу, баскетболу.

Получили признание советские праздники. Их официальная часть включала торжественные собрания нескольких десятков госслужащих, членов партии, активистов общественных организаций, на которых заслушивались рапорты, формулировались задачи, «проговаривалась» правильная для власти картина происходящего. В честь праздника проводили спортивные состязания, на которых помимо спортсменов присутствовало много зрителей. Клуб, Дом культуры через детские утренники, киносеансы, концерты

вовлекали в праздник молодежь. Накануне 1 мая 1938 года концерт художественной самодеятельности начался в 10 вечера и плавно перетек в «гулянье» и танцы до 4 ночи. А утром по улицам поселка уже шли в праздничных колоннах с флагами, лозунгами, транспарантами, портретами вождей в строго регламентированном порядке 7 тыс. демонстрантов.

В ноябре 1931 года Президиум ЦИК КАССР заслушал отчет о работе Кондопожского поселкового Совета, в котором с тревогой констатировалось о почти полном отсутствии культурных учреждений в Кондопоге⁵⁷. С середины 1930-х годов ситуация стала меняться. В 1936 году в Кондопоге открылась районная библиотека. Ее книжный фонд поначалу был весьма скромным – чуть более 7 тыс. томов, но число жителей поселка, вовлеченных в работу библиотеки, быстроросло, в начале 1938 года она имела 1380 читателей⁵⁸. Помимо районной, работали библиотеки при Бумкомбинате и леспромхозе. К 20-летию Октября построен Дом культуры бумажников по проекту ленинградского архитектора Соломона Николаевича Козака – автора самого крупного в то время в Ленинграде Дворца культуры имени Кирова. Кондопожский проект Козака также отличался масштабностью задумки: он включал театральную и клубную части, которые должны были быть размещены в величественном здании на высоком берегу Онежского озера, к которому спускалась парадная лестница. Построена была только театральная часть [21: 237]. В досуг горожан стало входить кино. В апреле 1936 года в Кондопоге прошел кинофестиваль. Важность мероприятия подчеркивало участие главы правительства Карелии П. И. Бушуева. Более 200 делегатов посмотрели фильмы «Юность Максима», «Крестьяне», «Вражьи тропы». Для большинства это была первая встреча со звуковым кино. Делясь впечатлениями, колхозница-орденоносец Ольга Феофилова отметила: «Я только один раз смотрела звуковое кино в Ленинграде»⁵⁹. Перед войной в Кондопоге работали городской кинотеатр, стационарные киноустановки на Бумкомбинате, в леспромхозе и кинопередвижки. В 1940 году киносеансы только в Доме культуры бумажников посетило свыше 100 тыс. зрителей⁶⁰. Киносеансы проводились еженедельно даже в школах, киномехаников подготовили из числа старшеклассников⁶¹.

Важную роль в культурной жизни местного сообщества играло самодеятельное искусство. Через художественное творчество человек пытался осмыслить противоречивую современность и в определенной мере гармонизировать свой мир. С воодушевлением участников и при горячей поддержке зрителей проходили в Кондопоге районные и профсоюзные смотры художественной самодеятельности, концерты республиканского музыкального фестиваля. Ярко заявили о себе ан-

самбль И. П. Шнейдера, музыкально-вокальный коллектив К. Сильфорса⁶², хор девушек Кондопоги и др. Принимали артистов очень тепло, о музыкальном фестивале 1939 года районная газета писала: «...было около двух ночи, когда закончился концерт, оставивший глубокое впечатление у зрителей»⁶³. Самодеятельные коллективы Кондопоги успешно выступали в Большом зале Ленинградской филармонии, Ленинградском государственном театре оперы и балета имени Кирова во время Декады карельского искусства в Ленинграде в марте 1937 года. Газеты рассказали об их репертуаре, поместили фотографии музыкантов В. Ментюля, К. Массинена, Т. Райталаа, М. Керкайнена⁶⁴, опубликовали интервью с участником хора рабочим Ф. Дороховым. Многие участники декады в те дни впервые побывали в театрах и музеях, познакомились с бытом большого города («Для нас каждая поездка в трамвае – событие»⁶⁵).

В мае 1938 года в Кондопоге открылся профессиональный театр. Художественным руководителем коллектива стал Р. Г. Пармский, постановщиками спектаклей являлись также Я. М. Корвет, К. П. Костин, А. Н. Петров⁶⁶. В труппу вошли профессиональные актеры Екатерина Александровна Калашникова, Борис Сергеевич Копылов, Маргарита Исааковна Крайндель, Владимир Яковлевич Яковлев, Агния Николаевна Родионова и др.⁶⁷ Большинство являлись выпускниками театральных студий Ленинграда 1920-х годов. Из самодеятельности пришли в театр актеры О. Дахно, Г. Иванов. Оформлял спектакли самодеятельный художник Кононов⁶⁸. Спектакли ставили в Доме культуры Бумкомбината⁶⁹. За два года театр поставил 17 пьес, их посмотрели 112 тыс. зрителей. Артисты выезжали на гастроли в Кемь, Беломорск, Сегежу, давали спектакли на лесозаготовках и сплаве, в дни Зимней войны показали 18 спектаклей для красноармейцев⁷⁰. Основу репертуара составляли пьесы о советском человеке: «Любовь Яровая» К. Тренева, «Сын народа» Ю. Германа, «Слава» В. Гусева и др. В то же время Кондопожский театр знакомил зрителей с классикой, были поставлены «Без вины виноватые», «Бесприданница», «Таланты и поклонники», «Последняя жертва» А. Островского. Шли спектакли по произведениям Гоголя, Гольдони, Бальзака.

В Кондопоге начали свой творческий путь яркие деятели культуры Карелии. В 1929 году приехала в Кондопогу из Ленинграда 18-летняя Хельми Ивановна Мальми. Работая библиотекарем, организовала при клубе хореографический кружок, в нем ставила финские народные танцы и даже одноактные балеты. В 1935 году «балетники» успешно выступили на Всекарельской олимпиаде художественной самодеятельности, на Всесоюзном фестивале танца в Москве⁷¹, в 1937 году участвовали в Декаде карельского искусства в Ленинграде. Хореографа из Кондопоги приглашали для творческого сотрудничества художест-

венный руководитель ТЮЗа Александр Брянцев, композитор Исаак Дунаевский, хормейстер Борис Дунаевский. В конце 1930-х годов началась многолетняя творческая деятельность Х. И. Мальми в ансамбле «Кантеле».

Таким образом, развитие Кондопоги определялось государственными нуждами, задачами освоения природных ресурсов севера и его колонизации. Промышленное строительство разворачивалось при обеспечении мигрантов лишь минимумом жизненных условий. Крестьянская молодежь, имея неквалифицированную работу и общежитие баракного типа, держалась за прежние традиции, стиль жизни. По мере развертывания системы профессионального обучения сельские переселенцы получали возможность квалифицированного труда, увеличения доходов, социальной мобильности. Важную роль на производстве играли этнические финны, прибывшие в Кондопогу из Америки и Финляндии. Массовые репрессии 1937–1938 годов, мобилизация в Красную армию в 1939–1940 годах усугубили нехватку квалифицированных кадров к концу рассматриваемого периода.

Городской Совет тесно взаимодействовал с партийными органами и осуществлял определенный ими курс. Сохранялся партийный контроль над выборами, коммунисты составляли большинство членов горсовета, личное участие в его работе принимал секретарь райкома ВКП(б). В ведении горсовета находились сферы, обеспечивающие повседневные нужды горожан, – промысловая кооперация, коммунальное хозяйство, учреждения образования и здравоохранения. Не в силах кардинально изменить ситуацию, горсовет пытался организовать общественный контроль над решением острых коммунальных проблем, смягчить социальные издержки индустриального рывка.

Несмотря на бедность жизни, город давал человеку новые возможности для получения образования, приобщения к врачебной помощи, спорту, художественной культуре и творчеству, разнообразным формам досуга, расширял общение. Процесс формирования, распространения городской культуры в рассматриваемый период еще только набирал силу и был прерван войной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Декреты советской власти. Т. 14. М., 1997. С. 302–304.
- ² Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 690. Оп. 3. Д. 105/953. Л. 3.
- ³ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 231. Л. 57.
- ⁴ НАРК. Ф. 1411. Оп. 2. Д. 113/1080. Л. 21.
- ⁵ Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. 1926 – июнь 1941 г.: Сб. документов и материалов. Петрозаводск, 1984. С. 89.
- ⁶ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 18/183. Л. 38.
- ⁷ НАРК. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 7. Л. 56, 112.
- ⁸ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 197.
- ⁹ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 18/183. Л. 37.
- ¹⁰ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 8/56.
- ¹¹ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 18/183. Л. 13.
- ¹² НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 52/438. Л. 162. Ф. 480. Оп. 2. Д. 124/78. Л. 78. Ф. 1532. Оп. 2. Д. 49/363. Л. 9.
- ¹³ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 70. Л. 15.
- ¹⁴ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 52/438. Л. 162.
- ¹⁵ Возвращенные имена. Книга памяти России [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://visz.nlr.ru/person/show/267518> (дата обращения 03.04.2018).
- ¹⁶ Новая Кондопога. 1938. 8 июня.
- ¹⁷ НАРК. Ф. 33. Оп. 2. Д. 29/128. Л. 4, 8, 12.
- ¹⁸ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 105/953. Л. 1.
- ¹⁹ Новая Кондопога. 1938. 22 октября.
- ²⁰ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 209. Л. 46, 47.
- ²¹ НАРК. Ф. 3. Оп. 6. Д. 12316. Л. 8, 10.
- ²² НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 231. Л. 91, 94.
- ²³ Новая Кондопога. 1938. 20 августа.
- ²⁴ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 11/186. Л. 7.
- ²⁵ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 209. Л. 44.
- ²⁶ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 209. Л. 36, 37.
- ²⁷ НАРК. Ф. 700. Оп. 1. Д. 217/1625. Л. 22.
- ²⁸ НАРК. Ф. 2034. Оп. 1. Д. 2/11. Л. 63, 64, 82.
- ²⁹ Новая Кондопога. 1938. 12 июня.
- ³⁰ НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 218. Л. 25.
- ³¹ Новая Кондопога. 1938. 6 июня.
- ³² Советы Карелии. 1917–1992: Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 203.
- ³³ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 8.
- ³⁴ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 10. Новая Кондопога. 1940. 4, 7, 8, 13, 20 декабря.
- ³⁵ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 8.
- ³⁶ Новая Кондопога. 1940. 11 декабря.
- ³⁷ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 189.
- ³⁸ Новая Кондопога. 1940. 22 ноября. 24 ноября.
- ³⁹ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 188.
- ⁴⁰ НАРК. Ф. 2032. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 43.

- ⁴¹ НАРК. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 7. Л. 73.
- ⁴² Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. С. 58.
- ⁴³ Новая Кондопога. 1936. 1 мая.
- ⁴⁴ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 203.
- ⁴⁵ НАРК. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 58.
- ⁴⁶ НАРК. Ф. 690. Оп. 3. Д. 140/1216. Л. 167.
- ⁴⁷ НАРК. Ф. 2032. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 119, 120.
- ⁴⁸ НАРК. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 19/136. Л. 17.
- ⁴⁹ НАРК. Ф. 2032. Оп. 1. Д. 7. Л. 45.
- ⁵⁰ Отчет Кондопожского райисполкома IV съезду Советов. 1931–1934. Петрозаводск, 1934. С. 39.
- ⁵¹ Новая Кондопога. 1938. 1 января.
- ⁵² НАРК. Ф. 580. Оп. 6. Д. 4/39. Л. 371.
- ⁵³ Новая Кондопога. 1940. 20 ноября.
- ⁵⁴ НАРК. Ф. 2032. Оп. 2. Д. 1/1. Л. 59.
- ⁵⁵ Новая Кондопога. 1938. 1 января.
- ⁵⁶ Новая Кондопога. 1938. 15 января.
- ⁵⁷ НАРК. Ф. 689. Оп. 15. Д. 3/7. Л. 255.
- ⁵⁸ Новая Кондопога. 1938. 3 января.
- ⁵⁹ Новая Кондопога. 1936. 26 апреля.
- ⁶⁰ НАРК. Ф. 8. Оп. 1. Д. 18/183. Л. 42.
- ⁶¹ НАРК. Ф. 630. Оп. 1. Д. 132/1201. Л. 26.
- ⁶² Новая Кондопога. 1936. 12 августа.
- ⁶³ Новая Кондопога. 1939. 4 марта.
- ⁶⁴ Ленинградская правда. 1937. 15 марта, 18 марта.
- ⁶⁵ Красная Карелия. 1937. 16 марта.
- ⁶⁶ Новая Кондопога. 1938. 4 сентября.
- ⁶⁷ НАРК. Ф. 1405. Оп. 1. Д. 2/12. Л. 130, 132, 187, 189, 208.
- ⁶⁸ Новая Кондопога. 1940. 20 мая.
- ⁶⁹ НАРК. Ф. 1394. Оп. 5. Д. 4/27. Л. 94.
- ⁷⁰ Новая Кондопога. 1940. 20 мая.
- ⁷¹ НАРК. Ф. 2150. Оп. 4. Д. 4/219. Л. 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беловол А. А., Максимова Л. А. Градообразование в Коми в 1930–1950-е годы. Сыктывкар: Издательство Сыктывкарского ГУ, 2012. 102 с.
- Булагина Т. А. Город и его пространство: попытка исторического измерения // Новое прошлое. 2017. № 3. С. 82–95.
- Ваулинская Л. И. Роль Кондостроя в формировании национальных рабочих кадров // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 182–186.
- Ваулинская Л. И. Кондопога в 1920-х – середине 1960-х годов (социальные аспекты развития) // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2005. С. 157–166.
- Востряков А. П. Кондопога. Петрозаводск: Карелия, 1975. 127 с.
- Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны. СПб.: Нестор-История, 2017. 432 с.
- История строительства в Карелии. Петрозаводск: ПетроПресс, 2007. 206 с.
- История экономики Карелии: В 3 кн. Кн. 2. Экономика Карелии советского периода (1917–1991 гг.). Петрозаводск: ПетроПресс, 2005. 244 с.
- Кондопога: очерки истории и культуры края / В. А. Карелин, А. С. Карпенко, Г. Я. Пудышев, В. М. Яковицкий. Петрозаводск: Карпован сизарексет, 1996. 126 с.
- Максимова Л. А. Последствия индустриальной модернизации на Европейском Северо-Востоке СССР // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2018. № 1. С. 99–102.
- Меерович М. Г. Уникальность урбанизации в СССР // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 2. С. 9–16.
- Намумов Н. В. Социально-экономические и культурные преобразования в СССР в 1928–1941 гг. Проблемы отечественной историографии. М.: Издательство МГУ, 2004. 365 с.
- Орлов И. Б. Сталинизм и индустриальный «рывок»: основные тенденции советской и постсоветской историографии // Историография сталинизма. М., 2007. С. 108–137.
- Осинина Т. А. Школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) в истории становления рабочих кадров Кондопожского ЦБК. 1929–1960 гг. // Балагуровские чтения. Беломорск, 2017. С. 148–162.
- Пивоваров Ю. Л. Урбанизация в России в XX веке: идеалы и реальность // География мирового развития: Сб. научных трудов / Под ред. Л. М. Синцерова. М., 2010. С. 228–239.
- Побережников И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 36–45.
- Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.
- Пудышев Г. Я. Кондопожский педагог и краевед С. В. Шежемский // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 7–19.
- Репина Л. П. Теоретические основания и перспективы региональной истории // Преподаватель ХХI век. 2013. № 3–2. С. 266–273.
- Румянцева М. Ф., Сукина Л. Б. Основы теории исторического знания. Переславль-Залесский: УГП имени А. К. Айламазяна, 2017. 127 с.
- Садовская Е. И. Кондопога театральная (1938–1941 годы) // Север. 2018. № 1. С. 237–239.
- Сенявский А. С. Историческая урбанистика в исследовании российских модернизаций // Город и городская культура в смысловом поле российского гуманитарного знания. Ч. 1 / Под ред. С. В. Соловьевой. Самара, 2012. С. 13–34.
- Стась И. Н. Исследовательские проблемы в истории урбанизации Севера // Северный регион: наука, образование, культура. 2015. № 2. С. 34–39.
- Такала И. Р. Репрессии в Кондопоге // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск; Кондопога, 2000. С. 217–222.

25. Тинькова Н. К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи (1926–1932). Петрозаводск: Карелия, 1981. 140 с.
26. Федоров П. В. Культурные ландшафты Кольского Севера: структура и историческая динамика. Мурманск: МГГУ, 2014. 175 с.
27. Чухин И. И. Карелия-37: идеология и практика террора. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 1999. 160 с.
28. Юргенс Б. А. Карелия в плане ГОЭЛРО // История СССР. 1964. № 2. С.118–125.

Filimonchik S. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KONDOPOGA IN THE 1930s: THE BIRTH OF THE CITY

The social aspects of the forced industrialization of the Karelian ASSR are examined on the basis of the materials of the working settlement (since 1932) and the city (since 1938) of Kondopoga. The city's life vector was set by the needs of the state and federal departments. The local perspective of the urbanization vision made it possible to pay special attention to the socio-cultural aspects of urban life. The phenomena that prevented the establishment of urbanized culture in this community were identified. They include unskilled labor, poor living conditions for a significant part of rural migrants, and toughening of political control over the citizens, despite declared democratic freedoms. The possibilities of adaptation and self-organization of citizens aimed at mitigating the social costs of the industrial breakthrough are demonstrated. The City Council activities aimed at providing for the daily needs of the residents are characterized, and the formation of the educational and medical care systems is discussed. The creative activity of citizens as well as new forms of activities that contributed to personal self-realization were most fully manifested in the sphere of leisure organization.

Key words: city, industrialization, migrants, elections, daily routine, culture

REFERENCES

1. Беловол А. А., Максимова Л. А. City formation in the Komi Republic between the 1930s and the 1950s. Syktyvkar, 2012. 102 p. (In Russ.)
2. Булыгина Т. А. City and its space: the attempt of hitoric measurement. *Novoe proshloe*. 2017. No 3. P. 82–95. (In Russ.)
3. Вавулинская Л. И. Kondostroy's role in the formation of national labor force. *Kondopozhskiy kray v istorii Karelii i Rossii*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2000. P. 182–186. (In Russ.)
4. Вавулинская Л. И. Kondopoga from the 1920s to the mid-1960s (social aspects of development). *Kondopozhskiy kray v istorii Karelii i Rossii*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2005. P. 157–166. (In Russ.)
5. Востряков А. П. Kondopoga. Petrozavodsk, 1975. 127 p. (In Russ.)
6. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Karelia during the First World War. St. Petersburg, 2017. 432 p. (In Russ.)
7. The history of construction in Karelia. Petrozavodsk, 2007. 206 p. (In Russ.)
8. The history of economics in Karelia. In three volumes. Vol. 2. Karelian Economics of the Soviet period (1917–1991). Petrozavodsk, 2005. 244 p. (In Russ.)
9. Kondopoga: essays on local history and culture. В. А. Karelina, А. С. Karpenko, Г. Я. Pudyshev, В. М. Yakovitskiy. Petrozavodsk, 1996. 126 p. (In Russ.)
10. Максимова Л. А. The consequences of industrial modernization in the European North-East of the USSR. *Izvestiya Komi nauchnogo tsentra UrO RAN*. 2018. No 1. P. 99–102. (In Russ.)
11. Мерович М. Г. The uniqueness of the urbanization in the USSR. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitelnogo universiteta*. 2015. No 2. P. 9–16. (In Russ.)
12. Наумов Н. В. Social, economic and cultural changes in the USSR between 1928 and 1941. Problems of the National Historiography. Moscow, 2004. 365 p. (In Russ.)
13. Орлов И. Б. Stalinism and industrial “breakthrough”: main tendencies of Soviet and post-Soviet historiography. *Istoriografiya stalinizma*. Moscow, 2007. P. 108–137. (In Russ.)
14. Осинина Т. А. Factory trade apprenticeship school (FZU) in the history of labour force development at Kondopoga pulp and paper plant between 1929 and 1960. *Balagurovskie chteniya*. Belomorsk, 2017. P. 148–162. (In Russ.)
15. Пивоваров Ю. Л. Urbanization in Russia in the XX century: ideals and reality. *Geografiya mirovogo razvitiya: Sb. nauchnykh trudov*. Ed. L. M. Sintserova. Moscow, 2010. P. 228–239. (In Russ.)
16. Побережников И. В. Modernization in the history of Russia: directions and the problems of research. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2017. No 4. P. 36–45. (In Russ.)
17. Покровская И. П. Population of Karelia. Petrozavodsk. 1978. 192 p. (In Russ.)
18. Пудышев Г. Я. Kondopoga educator and local historian S.V. Shezhemskiy. *Kondopozhskiy kray v istorii Karelii i Rossii*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2000. P. 7–19. (In Russ.)
19. Репина Л. П. Theoretical foundations and prospects of regional history. *Prepodavatel' XXI vek*. 2013. No 3–2. P. 266–273. (In Russ.)
20. Румянцева М. Ф., Сукина Л. Б. Foundations of the historical knowledge theory. Pereslavl-Zalesskiy, 2017. 127 p. (In Russ.)
21. Садовская Е. И. Theatrical Kondopoga (1938–1941). *Sever*. 2018. No 1. P. 237–239. (In Russ.)
22. Сенявский А. С. Historical urban studies in the research of Russian modernizations. *Gorod i gorodskaya kul'tura v smyslovom pole rossiyskogo gumanitarnogo znanija*. Part 1. (S. V. Solov'eva, Ed.). Samara, 2012. P. 13–34. (In Russ.)
23. Стас I. N. Research problems in the history of northern urban studies. *Severnyy region: nauka, obrazovanie, kul'tura*. 2015. No 2. P. 34–39. (In Russ.)
24. Такала И. Р. Repressions in Kondopoga. *Kondopozhskiy kray v istorii Karelii i Rossii*. Petrozavodsk, Kondopoga, 2000. P. 217–222. (In Russ.)
25. Тинькова Н. К. Activities of Karelian regional branch of All-Union Leninist Communist League of Youth (VLKSM) in the sphere of communist education of the youth (1926–1932). Petrozavodsk, 1981. 140 p. (In Russ.)
26. Федоров П. В. Cultural landscapes of the Kola North: structure and historical dynamics. Murmansk, 2014. 175 p. (In Russ.)
27. Чухин И. И. Kareliya-37: ideology and practice of terror. Petrozavodsk, 1999. 160 p. (In Russ.)
28. Юргенс Б. А. Karelia in the plan of the State Commission for Electrification of Russia (GOELRO). *Istoriya SSSR*. 1964. No 2. P. 118–125. (In Russ.)

Поступила в редакцию 28.05.2018

ВЛАДИМИР АНДРЕЕВИЧ ШОРОХОВ

кандидат исторических наук, ассистент кафедры исторического регионоведения Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
v.shorohov@spbu.ru

МЕЖДУ МИРАЖАМИ ПЕРЕСТРОЙКИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ: СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ГОРНОГО БАДАХШАНА В 1989–1991 ГОДАХ*

Исследование посвящено истории областного Совета народных депутатов уникального региона СССР в эпоху поздней перестройки. Объект исследования – Горно-Бадахшанская автономная область (ГБАО) Таджикистана. Предмет исследования – попытки представительского органа советского Памира разрешить насущные проблемы области в условиях политического и экономического кризиса, сопровождавшего распад СССР. Основные источники работы – материалы из фондов Государственного архива Горно-Бадахшанской автономной области (г. Хорог). Эти неопубликованные документы отразили функционирование ключевых властных структур региона – областного Совета народных депутатов и Исполнительного комитета ГБАО, а также ряда центральных учреждений Таджикистана. Автором привлекались также таджико- и русскоязычные материалы местной и республиканской периодики. Широта источников базы помогла детально реконструировать системный кризис автономии и ту программу действий, которая, по мнению памирских народных депутатов, могла помочь преодолеть его. Перестройка и распад Советского Союза отразились на всех сферах жизни населения Горного Бадахшана. Социально-экономическая база, благодаря которой поддерживались базовые стандарты «качества жизни» эпохи СССР, деградировала опережающими темпами по отношению к воздействию скромных позитивных последствий либерализации. Надежды на финансирование из Москвы, создание совместных предприятий, богатства недр региона, расширение политических прав и национально-религиозной автономии оборачивались конфликтом с Душанбе, усугублением проблем немногих имеющихся предприятий, обострением противоречий внутри автономии, распылением ресурсов на малозначительные и статусные «проекты», разгулом организованной преступности и ростом народного недовольства. Одним из немногих позитивных явлений рассматриваемого периода стало налаживание связей с религиозным главой большинства населения региона – Ага-ханом IV.

Ключевые слова: распад СССР, история Таджикистана, Памир, Горно-Бадахшанская автономная область, Совет народных депутатов

Ключевым событием периода дезинтеграции СССР стало образование национальных государств на базе бывших союзных республик. Этот стихийный процесс совершенно не зависел от наличия реальных предпосылок для суверенизации отдельных субъектов Союза. Ярким примером «брошенной окраины», совершенно неготовой к событиям 1989–1991 года, была Таджикская ССР (ТССР). Получая извне большую часть ресурсов, республика имела значительный потенциал лишь в сфере гидроэнергетики [14: 49–93]. Граница с Афганистаном, КНР и постсоветскими государствами, страна была отрезана от союзного Центра. Кроме того, на протяжении советского периода население Таджикистана сохранило «микрорегиональное» самосознание [36]. Имея столь незавидный «стартовый капитал», ТССР тем не менее не отставала от других субъектов Союза в стремлении «воздорить» свою независимость [11], [16: 218–220], не считаясь с последствиями ликвидации единого экономичес-

кого пространства [23: 175–178], массового оттока населения [25: 121–122] и активизации региональных элит.

Российский этнолог С. В. Чешко выделил два типа постсоветского политического национализма. К первому исследователь отнес национализмы «союзно-республиканских этноаций», направленные на создание и усиление привилегированного положения своей общности и, соответственно, подавление иноэтничного населения. Приоритетным направлением активности носителей такого национализма было достижение максимальной самостоятельности по отношению к Центру, желательно при сохранении экономических выгод от взаимодействия с ним. Другой национализм был характерен для общностей, имевших автономии в составе республик. Подвергаясь дискриминации со стороны своих «старших братьев», они рассчитывали на помощь в союзной власти. Требованиями лидеров автономий были повышение статуса «их» субъектов до союзных

республик или интеграция в состав РСФСР [33: 257–258]. В значительной степени эти чаяния совпадали с направлением мысли общесоюзной бюрократии. Весной 1990 года Верховный Совет СССР взял курс на автономизацию, приняв законы, призванные унифицировать статус союзных и автономных республик и сделать его федеративным. Крах этого проекта летом того же года привел фактически к победе «титульных» наций [35: 39–40]. Как отметил М. М. Худоёров, именно по второму сценарию развивалось национальное движение населения Горно-Бадахшанской автономной области Республики Таджикистан (далее – ГБАО) [30: 47–48].

Цель исследования – проанализировать процесс дезинтеграции СССР на примере его наиболее удаленной и проблемной окраины. Проведенные в 2018 году изыскания в архиве ГБАО показали, что последовательным проводником политики перестройки на этой территории, протагонистом децентрализации управления в 1989–1991 годах был областной Совет народных депутатов (далее – СНД). Именно в стенах этого учреждения представители районов автономии пытались «сделать былью» как общесоюзные мечтания, так и конкретные земные чаяния своих избирателей. Поэтому изучение документальных материалов, отражающих ход работы Совета, позволяет в достаточной мере раскрыть драматизм событий тридцатилетней давности.

В рамках данной публикации мы ограничимся преимущественно описанием событий 1989 – весны 1991 года. Основа источниковой базы – материалы Государственного архива ГБАО имени Х. Бурибекова (г. Хорог). Большая часть используемых документов впервые вводится в научный оборот. Особую ценность для исследования представляют протоколы и решения сессий областного СНД за 1990–1991 годы (фонд 1, опись 49, дела 1–4), распоряжения Исполнительного комитета СНД ГБАО за 1989–1991 годы (фонд 1, опись 50, дела 1–6), а также постановления Президиума Верховного Совета и Верховного Совета Таджикистана (далее – ВСРТ; фонд 1, опись 48, дела 54 и 55). Эти фонды позволяют восстановить картину кризиса автономии и направления поиска новых путей ее развития.

Для реконструкции общественно-политической ситуации в ГБАО и Таджикистане в целом автор использовал статьи, интервью и информационные материалы главного периодического издания области – газеты «Бадахшони Совети» («Советский Бадахшан»), а также некоторых республиканских и общесоветских печатных органов (прежде всего «Адабиёт ва санъат» («Культура и традиция»), «Вечерний Душанбе», «Коммунист Таджикистана», «Памир», «Народная газета» и «Комсомольская правда»).

Что касается изученности темы, приходится констатировать скучность историографии,

представленной обзорными статьями [21], [34] и исследованиями на другие темы с краткими экскурсами в историю Памира [15], [37], [38]. Единственным автором, целенаправленно изучавшим политические процессы ГБАО эпохи распада СССР, является М. М. Худоёров [29], [30].

Памир (Горный Бадахшан) – это горная система в центре Азии на территории Таджикистана, Китая и Афганистана. Население ГБАО в основном говорит на восточно-иранских языках и исповедует исмаилизм низаритского толка. Это сочетание обычно и является базой памирской самоидентификации. Насчитывается девять самостоятельных языков и диалектов, которые относятся к «древнеиранским группам языков» [28: 186]. Наиболее многочисленные из памирцев (шугнанцы, ваханцы, рушанцы) живут и в Таджикистане, и в Афганистане (а ваханцы также в Пакистане и Китае) [20: 103–113], [22: 9–11]. Кроме того, на территории ГБАО проживает ряд локальных фарсиязычных групп, как ассоциирующих себя с памирцами (горонцы, жители долины Кухилал, население четырех кишлаков таджикского Вахана), так и отделяющих себя от них (дарвазцы и ванджцы). Выделяется общность язгулямцев (не менее 7 тыс.), исповедующих суннитский ислам, но говорящих на восточно-иранском языке и считающих себя памирцами. Таким образом, большая часть населения Бадахшана представляет собой совокупность небольших культурно-языковых групп восточно-иранского лингвистического «круга», подвергающихся постепенной ассимиляции, преимущественно со стороны таджиков [6], [17], [18]. На Восточном (Мургабский район ГБАО) и Малом (Афганистан) Памире проживают преимущественно киргизы [5: 11–12], [8: 146–166].

Современная история Памира началась 2 января 1925 года с принятием ЦИК СССР постановления об образовании Горно-Бадахшанской автономной области в составе Таджикской Автономной ССР [24]. Когда в 1929 году Таджикистан превратился в «полноценную» республику, Памир сохранил свой статус [24: 18–19]. В послевоенный период, несмотря на сохранение ассимиляционного курса республиканских властей, были созданы предпосылки для «возрождения» памирской идентичности. Прежде всего этому способствовало своеобразие экономического развития ГБАО. На 80 % дотируемых из республиканского центра местный бюджет расходовался крайне нерационально, но обеспечивал повышение уровня жизни горцев. Присутствие пограничников в населенных пунктах долины Пянджа создавало дополнительные рабочие места. При этом, за исключением крайне неудачного эксперимента по переселению в долину Вахша, бадахшанцы оказались не затронуты процессами специализации хозяйства среднеазиатских республик [3]. Поэтому за пределами ГБАО они проживали в

основном в Душанбе. Таким образом, численность, благосостояние и образование памирцевросли, не будучи подкреплены ни темпами развития хозяйства региона, ни значимой ролью в управлении республикой. Эти диспропорции дополнялись жестким административным давлением, призванным ускорить ассимиляцию горцев [13].

С другой стороны, значительный вклад советской власти в инфраструктурное развитие Таджикистана не мог не отразиться на ГБАО, где были созданы школы, больницы, электростанции, дороги, аэропорты. Грамотность населения выросла с 2 % в 1913 году до почти 100 % в 1984 году [19].

Согласно переписи 1989 года, на территории ГБАО проживало около 161 тысячи человек [4: 19]. Региональная экономика в значительной степени дотировалась из Москвы, а основным каналом снабжения автономии оставался Памирский тракт, шедший из города Ош, то есть с территории Киргизии. Группировка советских погранвойск была не только гарантом безопасности области, но и одним из главных экономических акторов региона.

В рамках децентрализации системы регионального управления с января 1990 до декабря 1991 года основная политическая активность населения области сконцентрировалась в СНД ГБАО. Этот орган за два года работы провел шесть сессий, одна из которых (четвертая) не нашла отражения в доступных нам архивных документах и описях, а шестая собралась уже после фактического распада Союза (в декабре 1991 года). Кроме того, активно действовал президиум СНД, готовивший повестку для сессий и контактируя с республиканскими институтами. Об этом свидетельствует тот факт, что за первые полтора года работы было принято 113 решений, тогда как самим СНД – 98¹. Помимо 80 народных депутатов в сессиях Совета принимало участие до 130 представителей областной и районных администраций, силовых ведомств, предприятий и общественных организаций². За первые пять сессий СНД ГБАО было рассмотрено 98 вопросов, важнейшие из которых публиковались в печатном органе региональной власти – «Бадахшони Совети». Это происходило за 15–20 дней до начала сессии для предварительного общественного обсуждения³.

Анализ персонального состава СНД – тема отдельного исследования. Тем не менее можно выделить ряд наиболее активных депутатов, которые в дальнейшем сыграли важную роль в истории горного Бадахшана и Таджикистана в целом. Прежде всего это избранный председателем СНД представитель Ванчского района, дарвазский таджик А. И. Исакандаров. Являясь одновременно заместителем председателя ВС РТ, в 1990–1991 годах он был проводником

интересов Памира в Душанбе. Кроме того, следует выделить будущего председателя СНД шугнанца Г. Ш. Шахбозова. Отметим также тот факт, что количество русскоязычного населения в ГБАО было мизерным, а его представители из числа народных депутатов (Е. В. Тургунов, А. С. Афанасьев) были пришлыми функционерами, роль которых на Памире неуклонно снижалась, прежде всего по причине их отъезда из неблагополучной области.

Таким образом, Советский Бадахшан в рамках перестройки получил «типовую» систему самоуправления, призванную решить вопросы, волнующие местное население. А вопросов этих накопилось немало.

Наиболее насущными были экономические проблемы. К лету 1989 года начался синхронный кризис транспортной инфраструктуры и системы снабжения области. Во многом он был связан с отголосками Гиссарского землетрясения и оползнями⁴. Весной 1989 года была заблокирована единственная автодорога, соединявшая регион с Душанбе⁵. А в июне – августе в Хороге начались перебои в обеспечении предприятий водой, в свою очередь создавшие проблемы в снабжении крупнейшего населенного пункта области хлебом⁶. Одновременно было парализовано авиасообщение с Душанбе, вызвавшее беспорядки в Хорогском аэропорту⁷. В 1990 году ситуация во многом повторилась – только на восстановительные работы после очередного землетрясения было выделено 8 млн рублей⁸. О реализации проектов развития можно было забыть. Было очевидно, что масштабной помощи от республиканских властей ждать не приходится. В этой ситуации народным депутатам ГБАО удалось «через голову» Душанбе инициировать принятие решения на союзном уровне. 26 июля 1990 года вышло постановление Совета Министров СССР «О некоторых мерах по социально-экономическому развитию ГБАО Таджикской ССР в 1991–1995 годах». Оно предусматривало комплексное развитие области и давало соответствующим министерствам конкретные задания по реализации этой программы. Например, Министерству энергетики СССР было поручено завершить строительство ГЭС «Памир-1» и приступить к проектированию ГЭС «Памир-2», Министерству промышленности – финансировать строительство фармацевтического завода в Хороге⁹. Правда, как следует из документов, обнаруженных нами в архиве, в августе 1990 года реализацию части мер, указанных в постановлении, поручили Совету Министров ТССР. Последний явно пытался пересмотреть масштабы проекта, исходя из «реальных возможностей», а также «учитывая предстоящую с 1 января 1991 года работу в условиях перехода на рыночную экономику, самоуправления и самофинансирования»¹⁰. Немаловажной «фигурой умолчания» в данном случае был факт принятия

24 августа «Декларации о государственном суверенитете ТССР»¹¹, которая ставила под сомнение саму возможность Москвы принимать решения о социально-экономическом развитии регионов республики. В итоге из всех предусмотренных постановлением мер была реализована только достройка гидроэлектростанции «Памир-1».

Деградация социально-экономического облика ГБАО «гармонично» резонировала с возраставшей напряженностью на границе с южным соседом. Официальный вывод Ограниченнего контингента советских войск с территории Афганистана, завершившийся 15 февраля 1989 года, привел к осложнению региональной военно-политической обстановки. Только за 1990 год на советско-афганской границе было зафиксировано 113 столкновений [26: 233]. При этом в районах Афганистана, прилегающих к ГБАО, активные боевые действия не велись. Тем не менее документы из областного архива показывают, что ситуация на границе была далека от нормальной. Картина роста угрозы «из-за реки» в 1990 – начале 1991 года дают материалы пятой сессии СНД ГБАО (12–13 апреля 1991 года). Пограничные проблемы обсуждались с участием начальника 66-го (Хорогского) пограничного отряда КГБ СССР В. М. Рогова, начальника отдела КГБ по ГБАО А. Л. Еделева, заместителя начальника УВД ГБАО А. Мамадназарова и прокурора ГБАО С. Д. Джумаева. Как следует из протокола заседания и приложений к нему, регулярными стали вооруженные столкновения пограничников с группами (10–15 человек) афганских и таджикских контрабандистов, а также систематическое давление представителей наркомафии на пограничников и чиновников из числа местного населения. Силовики информировали депутатов о деятельности афганских моджахедов по созданию на территории ГБАО вооруженного антисоветского подполья с исламской политической программой. Успеху этой работы способствовали ослабление пограничного контроля, мягкость наказаний за нарушение границы, отток кадров и отсутствие развитой системы досмотра грузов (например, в аэропорту г. Хорога)¹².

Летом 1991 года в припянджских провинциях Афганистана развернулись боевые действия между войсками М. Наджибуллы и душманами. Неожиданным побочным следствием этих столкновений стала бомбардировка 4 июня самолетом афганских BBC кишлака Намадгути Поэн в таджикском Вахане, в результате которой погибло четыре и было ранено девять человек¹³. Несмотря на официальные извинения со стороны М. Наджибуллы и правительства соседней страны¹⁴, инцидент поднял вопрос об организации противовоздушной обороны. По представлению председателя СНД ГБАО А. Искандарова ВС РТ просил у Министерства обороны СССР «решить вопрос размещения противовоздушных сил на

территории республики». Запрос датирован 10 сентября¹⁵. К этому моменту Ишкашимский, Ваханский и Шугнанский уезды афганского Бадахшана уже месяц находились под контролем Ахмад Шаха Мас'уда [1: 384], [2: 72]. Несмотря на заверения новых соседей в добрых намерениях, было ясно, что обострение обстановки – лишь вопрос времени.

Негативное воздействие Афганистана определенно ощущалось и в экономике ГБАО. Еще до вывода войск автономия регулярно направляла значительные объемы гуманитарной помощи в приграничные районы афганского Бадахшана¹⁶. После февраля 1989 года поставки продолжились, несмотря на ухудшение хозяйственного положения на Памире. Так, только распоряжение исполнкома от 19 октября 1989 года предусматривало безвозмездную передачу со складов ГБАО 40 тонн химических удобрений, двух тракторов, 50 тонн цемента и множества других дефицитных для региона предметов и материалов соседним районам афганского Бадахшана¹⁷. «Спущененный» Советом Министров СССР план помощи ГБАО «заречью» на 1990 год предусматривал передачу товаров на полтора миллиона рублей¹⁸. Судя по документам облисполкома, были и внеплановые поставки. При этом за Пяндж отправлялись преимущественно товары, в которых испытывали острую нужду сами памирцы (мука, стройматериалы, оборудование для больниц, сельхозтехника). Кроме того, на территорию ГБАО регулярно переходили группы афганских беженцев, содержание которых также ложилось на областной бюджет [2: 72]¹⁹.

В границах Советского Бадахшана была и собственная дотационная периферия – Мургаб. Если обобщенно назвать Памир самым отсталым и труднодоступным регионом Таджикистана, то Мургабский район автономии – «ГБАО внутри ГБАО». Занимая 60,7 % площади советского Памира, он представлял собой наименее населенную часть региона (12700 человек) [7]. Горные хребты Восточного Памира окружены равнинами, лежащими на высоте 3200–4000 м над уровнем моря. Земледелие здесь невозможно, поэтому с незапамятных времен Мургаб населен кочевниками. С XVI века эстафету приняли памирские киргизы. Важной особенностью Мургаба всегда была прочная транспортная связь с Ошской областью соседней Киргизии (то есть Ферганской долиной). Природные условия предопределили перманентно катастрофическое социально-экономическое положение Мургаба. Так, в 1989 году выделение средств на борьбу с последствиями чрезвычайных ситуаций занимало не менее года, а дефицитным препаратом в медицинских учреждениях был даже анальгин²⁰. Кроме того, по мере внедрения механизмов самоуправления все острее ощущался языковой барьер, мешавший полноценному участию представителей Мургаба

в работе новых институтов. Большая часть дискуссий в СНД велась на таджикском, обучение которому в преимущественно тюркоязычном районе, судя по всему, не велось. Эта проблема неоднократно поднималась на заседаниях Совета народных депутатов²¹.

С начала 1990 года на ситуации в Мургабе стал всерьез сказываться распад Союза. Определяющими темпами ухудшалось экономическое положение. В три раза (в сравнении с 1989 годом) сократилось количество построенных индивидуальных жилых домов. Обеспечение населения продуктами пришлось производить за счет поставок из сравнительно более благополучных Калаин-Хумбского и Ванчского районов области²². Кроме того, в условиях суворенизации союзных республик остро встал вопрос о паствах, арендованных ГБАО на безвозмездной основе в Алайском районе Киргизии. Срок договора о пользовании этими землями, на которых содержалось 14789 крупного, 38670 голов мелкого рогатого скота, а также 500 лошадей, истекал 1 января 1991 года²³.

Катализатором остроты «Мургабской проблемы» стали Ошские события июня 1990 года. Во время столкновений в Ферганской долине группа молодежи из памирского кишлака Каракол (90 человек) попыталась выехать на север для поддержки киргизов. Они были задержаны пограничниками²⁴. В районном центре (к. Мургаб) при содействии работника районного отдела культуры М. Мурзакулова произошли нападения на командированных в ГБАО узбеков. Быстрое пресечение беспорядков произошло благодаря вмешательству КГБ²⁵. Ошский конфликт поставил ребром и вопрос безопасности перевозок по главной транспортной артерии ГБАО – Памирскому тракту, который, судя по выступлению народного депутата Б. Таштанбекова на сентябрьской сессии Облсовета, был некоторое время заблокирован²⁶. Таким образом, к 1991 году круг проблем, связанных с Мургабом, систематически осложнял ситуацию в ГБАО.

Казалось бы, местные условия практически исключали противостояние Бадахшана с республиканским Центром. Однако на протяжении всего рассматриваемого периода шла борьба за повышение статуса автономии и ее культурноязыковое «возрождение». Восьмая глава Конституции ТССР 1978 года предусматривала принятие Верховным Советом по представлению областного Совета народных депутатов закона о ГБАО²⁷, но разработка этого правового акта затянулась. Тем временем с 1988 года за перевалом Хабуработ уже вовсю шло «национальное возрождение», в которое втянулась и часть гуманитарной интеллигенции бадахшанского происхождения, поддержанная влиятельными российскими учеными. В газетных публикациях литераторы и ученые критиковали и отождествление памирских народов с таджиками, и экономическую политику

властей Таджикистана и ГБАО, не способствовавшую развитию добывающей промышленности в регионе. Звучали также голоса в пользу возрождения письменной культуры через разработку алфавитов для бесписьменных языков Бадахшана [9], [10], [12], [32]²⁸.

В 1990 году культурный активизм памирцев приобрел религиозное измерение. В Душанбе по инициативе выходца с Памира Х. Холикназарова было создано общество «Носири Хусрав». Свою задачу участники данной группы видели в пропаганде исмаилитов ТССР. Они выступали за создание молельных домов в местах компактного проживания низаритов, поддержание и возрождение религиозных традиций, воспитание подрастающего поколения в духе «веры предков», издание и распространение соответствующей литературы [30: 136].

Давление общественного мнения, экономический спад и видимость перспективы расширения прав региона в условиях комплексной либерализации отношений между республиканскими центрами и периферией подвигли властные структуры области обратиться к проблеме статуса памирских языков. Вероятно, это был пробный шаг, призванный проверить реакцию официального Душанбе, а также местной и столичной общественности. В январе 1989 года Областной комитет КПТ организовал в Хороге круглый стол на тему «Язык и развитие культуры». Партийные функционеры, сотрудники системы образования и работники культуры обсудили возможность включения памирских языков в школьную программу. Из двадцати одного участника встречи лишь трое выразили отрицательную позицию по рассматриваемому вопросу [30: 102–103]. После принятия 22 июля 1989 года республиканского закона «О языке» лингвистические устремления памирцев были узаконены. В третьей статье правового акта утверждалось: «Таджикская ССР создает условия для свободного развития и использования горно-бадахшанских (памирских) языков и сохранения ягнобского языка. Горно-Бадахшанская автономная область самостоятельно решает вопросы функционирования местных языков»²⁹. Стремясь внести определенность в этот болезненный вопрос, Совет Министров Таджикской ССР 17 июля (то есть до утверждения закона) принял постановление «О мерах по выполнению Закона Таджикистана о языке», в котором облисполкому ГБАО вменялись разработка мер по обеспечению функционирования и сохранения памирских языков, а также подготовка предложений для реализации на республиканском уровне³⁰. Во исполнение этих актов 23 декабря 1989 года Исполнительный комитет СНД ГБАО создал специальную комиссию, в состав которой вошли главы районных администраций, ученые и представители от каждого из языковых сообществ. В рамках комиссии были выделены три рабочие груп-

пы. Первая занималась составлением алфавита, вторая – внедрением памирских языков в СМИ, на предприятиях и в сфере культуры, а третья разрабатывала меры по усовершенствованию школьной системы преподавания таджикского на местных языках [30: 103–107]. Фактически в 1989 году были созданы условия для решения языковой проблемы.

Гораздо сложнее дело обстояло с принятием закона «О ГБАО». Судя по протоколам сессий СНД, первые дискуссии вокруг проекта развернулись 4 сентября 1990 года. В выступлениях народных депутатов и представителей общественности заметно недовольство «беззубостью» предложенного им документа³¹. Так, неприятие вызвали отсутствие в тексте упоминания и определения статуса памирских языков, пункта о невозможности изменения границ ГБАО без согласия автономии. Кроме того, звучали предложения, направленные на усиление представительства региона в Душанбе путем увеличения количества нардепов от ГБАО в ВС ТССР до двенадцати и введении должности постоянного представителя области при Совмине (как вариант, председатель Облисполкома мог одновременно стать заместителем председателя центрального правительства). Самым радикальными было выступление сотрудника Исполкома Ш. Кокулова, предложившего законодательно закрепить беспартийность работников суда, прокуратуры, Облисполкома и профсоюзов, а также двойное подчинение Облисполкома республиканским министерствам и областному СНД. Однако преобладали взвешенные предложения, направленные на уточнение и конкретизацию проекта. По итогам обсуждения документ был принят в первом чтении³².

В начале апреля 1991 года Президиум СНД ГБАО подготовил и опубликовал в газете «Советский Бадахшан» проект конституционного закона «О ГБАО»³³. Законопроект из семи глав (95 частей) был призван включить регион в позднесоветскую политическую систему на условиях, достаточно стандартных по понятиям того времени. Так, официально были зафиксированы особенности региона, послужившие основой получения автономии: «ГБАО является видом советской автономии, образованной на основе общей территории, географических условий, бытования таджикского (персидского), язгулямского, рушанского, бартангского, шугнанского, ваханского, ринского языков, экономического и духовного своеобразия, соседства с иностранными государствами». Со ссылкой на конституции СССР и ТССР, а также историческую близость, Горный Бадахшан признавался частью Таджикистана. Таджикский язык сохранил свой исключительный официальный статус, но в проекте допускалось использование памирских языков в суде, что означало их введение в правовое поле.

Прямого утверждения о наличии в автономии отличных от таджиков общностей в законопроекте не было, как и упоминания религиозного своеобразия Памира. Очевидно, что упоминание об исмаилизме и признание памирцев нацией поставили бы вопрос о праве на самоопределение таджиков Дарваза и Ванча, а также мургабских киргизов.

Значимым иозвучным временем было положение о контроле местной власти над природными богатствами ГБАО. Судя по материалам работы Областного совета, этот пункт, скорее, мог иметь (помимо популистского) частное и прикладное значение, обеспечивая развитие местного природоохранного законодательства и регулирования сферы туризма³⁴.

Законопроект «О ГБАО» реформировал систему представительства региона на уровне СССР. Пять народных депутатов от Бадахшана должны были быть делегированы на Съезд народных депутатов СССР. Два представителя от области становились представителями автономии в Совете национальностей Верховного Совета. На наш взгляд, наиболее значимым было закрепление за ГБАО права на свободный выход из состава Таджикской ССР и СССР при условии проведения регионального референдума. День образования ГБАО (2 января) предлагалось сделать выходным днем. Как следует из протокола апрельской сессии областного Совета народных депутатов, консолидированного представления о судьбе законопроекта в местном политикуме не было. Некоторые депутаты пытались внести частные изменения в законопроект. Первый секретарь Областного комитета КПТ С. Бекназаров заявил о преждевременности принятия документа, поскольку в будущем последуют конституционные изменения на уровне всего СССР и Таджикистана, которому закон должен будет соответствовать. Напротив, представитель Рушана У. М. Аксаколов настаивал на скорейшей передаче документа в Верховный Совет ТССР. Мнение последнего, вероятно, разделяло большинство участников сессии, и законопроект был утвержден³⁵. Параллельно с обсуждением перспектив изменения статуса области местные власти пытались организовать работы по ликвидации последствий январского землетрясения. В соответствии с распоряжением Кабинета Министров Таджикской ССР № 42 от 15 апреля 1991 года Исполком СНД распорядился направить на эти цели дополнительно 25,3 млн рублей капитальных вложений³⁶. Характерно, что большая часть расходов возлагалась на все еще действующий Центр. Отделу торгово-промышленного комплекса и услуг населению исполнкома ГБАО и Облпотребсоюзу ГБАО было поручено в короткий срок обеспечить получение нарядов и заключить договоры на поставку выделенных Минторгом СССР дополнительно в 1991 году.

При этом оговаривалось, что товары народного потребления и строительные материалы будут доступны «для продажи населению», а торгово-технологическое оборудование для оснащения объектов просвещения, торговли и общественного питания будет распределяться по согласованию с исполнкомом ГБАО³⁷. Всего же, по данным Верховного Совета ТССР, за первую половину 1991 года на ликвидацию последствий стихии Центром было выделено 46 млн рублей. Однако за 6 месяцев удалось освоить только 12 млн³⁸. Кроме того, за счет резерва Правительства СССР для обеспечения нужд населения, пострадавшего от землетрясения, Кабинет Министров ТССР распорядился выделить 1,5 тыс. тонн мяса, 1 тыс. тонн животного масла и 1 тыс. тонн сахара в распоряжение Исполкома ГБАО³⁹. В доступных документах подробно не охарактеризованы потери инфраструктуры автономии, кроме разрушения Хорогского театра⁴⁰.

Архивные документы и данные периодической печати позволяют заключить, что к середине 1991 года социально-экономическая ситуация приобрела целый ряд новых кризисных черт: уменьшение посевных площадей, кризис задолженности, снижение на треть объемов строительства⁴¹. Еще одним предвестником социальных потрясений стал рост безработицы⁴².

Несмотря на сложности, вряд ли уместно говорить о сепаратистских или антисоветских настроениях основной массы населения ГБАО. Всесоюзный референдум о судьбе СССР (март 1991 года) наглядно продемонстрировал отношение жителей ГБАО к судьбе страны: из 78 383 человек, участвовавших в голосовании, 77 246 выступили за сохранение Советского Союза⁴³. Тем не менее нельзя утверждать, что стремление к переменам совсем не затронуло население Бадахшана.

Прежде всего, как это часто случалось на постсоветском пространстве, произошло «возрождение» религиозной составляющей идентичности памирцев. Наиболее ярким проявлением этого процесса стали первые контакты с самим Ага-ханом IV, а также визит его представителей – М. Кащевджи, А. Раджпата и С. Джалола – в ГБАО (27 июня – 6 июля 1991 года). Консолидирующим фактором для низаритов стал сбор средств на возведение памятника проповеднику исмаилизма Носир-и-Хосрову [27].

Подводя итог, можно констатировать, что «перестройка» и распад Советского Союза затронули буквально все сферы жизни Горного Бадахшана. Социально-экономическая база, на которой зиждались стандарты «качества жизни» эпохи СССР, сужалась столь стремительно, что даже потенциально положительные аспекты либерализации и «нового мышления» (внедрение самоуправления, делегирование экономических полномочий местной власти, гласность, религиозное «возрождение», открытие внешнему миру) на практике только разгоняли кризис социальных ожиданий. Надежды на финансирование из Москвы, создание совместных предприятий, мифические несметные богатства недр региона, скорое и значительное расширение политических прав и национально-религиозной автономии обернулись конфликтом с республиканским центром, кризисом имеющихся предприятий, обострением противоречий внутри ГБАО, распылением ресурсов на статусные «проекты», разгулом организованной преступности и ростом народного недовольства. Среди немногих положительных процессов рассматриваемого периода было налаживание связей с имамом низаритов Ага-ханом IV, экономическая поддержка которого в будущем спасет население ГБАО от голодной смерти.

* Исследование подготовлено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых ученых (кандидатов наук) № МК-5515.2018.6 «Россия и этнополитические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана (1991–2005)».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Записка о работе Советов народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Рушанского, Шугнанского районов по улучшению сессионной деятельности и повышению активности депутатов // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 55. Л. 23.

² Руихати депутатҳои Совети депутатҳои ҳалқии ВАБҚ давлати бисту якум // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 1. Л. 45–46; Руихати даъватшавандагон ба сессия дуйуми Совети депутатҳои ҳалқии ВАБҚ // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 2. Л. 115–118; Руихати даъватшавандагон ба сессияи гайринавбатии Шурои депутатҳои ҳалқии ВМКБ // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 5. Л. 25–27 и др.

³ Сайдов А., Сафаров А., Азимов Х. Записка о работе Совета народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Рушанского, Шугнанского районов по улучшению сессионной деятельности и повышению активности депутатов // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 55. Л. 23.

⁴ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 92-р от 25 июля 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 2. Л. 224.

⁵ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 50-р от 10 мая 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 55.

⁶ Основание десятой сессии Совета народных депутатов ГБАО двадцатого созыва от 15 сентября 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 43. Д. 30. Л. 77.

⁷ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 82-р от 5 июля 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 1.

⁸ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 68-р от 5 июля 1990 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 3. Л. 2–4.

- ⁹ Постановление Совета Министров СССР от 26 июля 1990 года о некоторых мерах по социально-экономическому развитию Горно-Бадахшанской Автономной Области Таджикской ССР в 1991–1995 года // Бадахшони Совети. 11 августа 1990. С. 4.
- ¹⁰ Протокол № ИХ-31 (I-I) совещания у председателя Совета Министров Таджикской ССР т. Хаёева И. Х. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 54. Л. 65.
- ¹¹ Декларация о государственном суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики (проект); Постановление Президиума Верховного Совета Таджикской ССР № 94 от 13 августа 1990 г. о проекте Декларации о государственном суверенитете Таджикской Советской Социалистической Республики // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 54. Л. 7–8.
- ¹² Протокол № 5 сессия панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халқи вилояти муҳтори Кӯҳистони Бадаҳшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 24–28, 106–124.
- ¹³ Рахмонкулов Р., Шоинбодов Н. Фочия дар Намадгут (тағсилӣ воеа) // Бадаҳшони Совети. 6.07.1991. С. 1.
- ¹⁴ Сообщение представителя МИД СССР // Бадаҳшони Совети. 7.07.1991. С. 4.
- ¹⁵ Постановление Верховного Совета Республики Таджикистан № 405 от 10 сентября 1991 г. О запросе народного депутата Республики Таджикистан Исакандарова А. от Ванчского избирательного округа № 224 «Об обеспечении безопасности населения Горно-Бадахшанской автономной области и укреплении ее границ» // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 55. Л. 21.
- ¹⁶ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 9-р от 31 января 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1. Л. 142.
- ¹⁷ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 146-р от 19 октября 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 2. Л. 42–43.
- ¹⁸ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 63-р от 10 мая 1990 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 3. Л. 86; Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 60-р от 7 мая 1990 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 3. Л. 110; Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 59-р от 4 мая 1990 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 3. Л. 113 и др.
- ¹⁹ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 128-р от 19 сентября 1989 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 2. Л. 33.
- ²⁰ Выступление председателя исполкома Мургабского районного Совета народных депутатов т. Полушкина А. А. на IX сессии областного Совета народных депутатов // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 43. Д. 29. Л. 6–10.
- ²¹ См., напр.: Протокол № 5 сессия панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халқи вилояти муҳтори Кӯҳистони Бадаҳшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 20–21.
- ²² Протокол № 3 сессия панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халқи вилояти муҳтори Кӯҳистони Бадаҳшон // ГА ГБАО. Ф. Оп. 49. Д. 3. Л. 6–7.
- ²³ Исакандаров А. И. Записка о некоторых вопросах социально-экономического развития Мургабского района Горно-Бадахшанской автономной области // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 54. Л. 46.
- ²⁴ Протокол № 5 сессия панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халқи вилояти муҳтори Кӯҳистони Бадаҳшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 28.
- ²⁵ Дружба всего сильней // Бадаҳшони Совети. 19.06.1991. С. 4.
- ²⁶ Протокол № 3 сессия панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халқи вилояти муҳтори Кӯҳистони Бадаҳшон // ГА ГБАО. Ф. Оп. 49. Д. 3. Л. 7.
- ²⁷ Конституция (Основной Закон) Таджикской Советской Социалистической Республики. Душанбе: Ирфон, 1987. С. 12.
- ²⁸ Зурабеков Н. Шоҳ ё гадо // Адабиет ва санъат. 10.08.1989. С. 3.
- ²⁹ Закон Республики Таджикистан от 22 июля 1989 года № 150 «О языке» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30496905#pos=0;38 (дата обращения 10.04.2018).
- ³⁰ Постановление Совета Министров Таджикской ССР «О мероприятиях по выполнению Закона Таджикской ССР о языке» // Вечерний Душанбе. 17.07.1989. № 136 (5276).
- ³¹ Протокол № 3 сессия панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халқи вилояти муҳтори Кӯҳистони Бадаҳшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 3. Л. 14–25.
- ³² Карори Совети депутатҳои халқии вилояти автономии Бадаҳшони Кӯҳии РСС Тоҷикистон № 38 аз 2 сентябри соли 1990 // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 3. Л. 44.
- ³³ Конуни Чумхурии шуравии социалистии Тоҷикистон «Дар бораи Вилояти Муҳтори Кӯҳистони Бадаҳшон» (лоиха) // Бадаҳшони Совети. 6.04.1991. С. 1–3; Конуни Чумхурии шуравии социалистии Тоҷикистон «Дар бораи Вилояти Муҳтори Кӯҳистони Бадаҳшон» (лоиха) // Бадаҳшони Совети. 9.04.1991. С. 1–3.
- ³⁴ Карори Совети депутатҳои халқии вилояти автономии Бадаҳшони Кӯҳии РСС Тоҷикистон № 44 аз 4 сентябри соли 1990 // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 3. Л. 50; Положение об охоте и ведении охотниччьего хозяйства на территории ГБАО // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 3. Л. 51–63; Протокол № 5 сессия панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халқи вилояти муҳтори Кӯҳистони Бадаҳшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 2 и др.
- ³⁵ Протокол № 5 сессия панчум (даъвати бистуякуми) Шурои депутатҳои халқи вилояти муҳтори Кӯҳистони Бадаҳшон // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 49. Д. 4. Л. 22–24.
- ³⁶ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 24-р от 23 апреля 1991 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 5. Л. 89.
- ³⁷ Там же. Л. 90.
- ³⁸ Саидов А., Сафаров А., Азимов Х. Записка о работе Совета народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Рушанского, Шугнанского районов по улучшению сессионной деятельности и повышению активности депутатов // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 55. Л. 23.
- ³⁹ Совет народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Исполнительный комитет: Распоряжение № 24-р от 23 апреля 1991 г. // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 50. Д. 5. Л. 90.
- ⁴⁰ Четвертый театральный фестиваль в Таджикистане // Театр. 1991. Вып. 10. С. 48.
- ⁴¹ Гулхандаев Ш. О чём говорят итоги полугодия // Бадаҳшони совети. 26.07.1991. С. 4.
- ⁴² Саидов А., Сафаров А., Азимов Х. Записка о работе Совета народных депутатов Горно-Бадахшанской автономной области, Рушанского, Шугнанского районов по улучшению сессионной деятельности и повышению активности депутатов // ГА ГБАО. Ф. 1. Оп. 48. Д. 55. Л. 23.
- ⁴³ Барои Иттиҳоди навшуда овоз дованд // Бадаҳшони Совети. 20.03.1991. С. 1.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А ким беков С. М. История Афганистана. Астана; Алматы: ИМЭП при Фонде Первого Президента, 2015. 848 с.
2. Б а б а х а н о в У. Таджики идут (статьи, репортажи, интервью). Душанбе: Эр-Граф, 2012. 496 с.
3. Б о з о р о в К. Д. Переселенческая политика правительства Республики Таджикистан в послевоенный период и ее социально-экономическое и культурно-бытовое значение, 1946–1965 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2002. 22 с.
4. Б о л д ы р е в В. А. Итоги переписи населения СССР. М.: Финансы и статистика, 1990. 49 с.
5. Б у б н о в а М. А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. Западный Памир (памятники каменного века – XX в.). Душанбе: УЦА, 2008. 383 с.
6. Б у ш к о в В., М о н о г а р о в а Л. Этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. 2000. № 5. С. 215–233.
7. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность населения союзных республик СССР и их территориальных единиц по полу // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (дата обращения 15.04.2018).
8. Г в о з д е ц к и й Н. А., М и х а и л о в Н. И. Физическая география СССР. Азиатская часть. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Мысль, 1978. 512 с.
9. Г р у н о б е р г А. Л., С т е б л и н - К а м е н с к и й И. М. Несколько замечаний по поводу отклика А. С. Давыдова на статью С. В. Чешко // Советская этнография. 1989. Вып. 5. С. 35–38.
10. Д а в ы д о в А. С. Не обоснованно... зато публицистично // Советская этнография. 1989. Вып. 5. С. 15–23.
11. Даудов А. Х., А н д р е е в А. А., Ш о р о х о в В. А., Я н ч е н к о Д. Г. Национальное строительство в Таджикистане в 1988–2000-е гг. Поиск «основы конструкта» // Былые годы: Российский исторический журнал. 2015. Т. 35 (1). С. 204–210.
12. Д оди х у д о е в Р. Х. Доколе будем слыть манкуортами // Коммунист Таджикистана. 1989. Вып. 5. С. 28–29.
13. Д оди х у д о е в Р. Х. Языковая политика и языковое строительство в Таджикистане // Русский язык в СССР. 1991. № 9. С. 5–7.
14. Кошлаков Г. В., Тураева М. О., М айтдинова Г. М. Экономические интересы России в Таджикистане: риски и возможности. Душанбе: РТСУ, 2009. 322 с.
15. М алаш енко А. В. Таджикистан: долгое эхо гражданской войны // Московский Центр Карнеги. 2012. Т. 14. Вып. 3. С. 1–12 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://carnegieendowment.org/files/MalashenkoBrifing_14-3-12_Russ_web.pdf (дата обращения 10.07.2018).
16. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы. М.: Аспект Пресс, 2011. 549 с.
17. М о н о г а р о в а Л. Ф. Памирцы – народности или субэтносы таджиков? (ответ А. С. Давыдову) // Советская этнография. 1989. № 5. С. 28–34.
18. М о н о г а р о в а Л. Ф. Этнический состав и этнические процессы в Горно-Бадахшанской автономной области Таджикиской ССР // Страны и народы Востока. 1975. Вып. 16. С. 174–191.
19. Ни ё з о в С. Шииты-исмаилиты Центральной Азии. // Центральная Азия и Кавказ. 2003. Т. 30. Вып. 6 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/sac-06/05.niugu.shtml (дата обращения 28.05.2018).
20. Основы иранского языкоznания: среднеиранские и новоиранские языки. М.: Восточная литература, 2008. 446 с.
21. П а р ш и н П. Б. Место и роль Горно-Бадахшанской Автономной области в Государственной системе Таджикистана // Международная аналитика. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 83–96.
22. П а х а л и н а Т. Н. Памирские языки. М.: Наука, 1969. 163 с.
23. Прибалтика и Средняя Азия в составе Российской империи и СССР: Мифы современных учебников постсоветских стран и реальность социально-экономических подсчетов. М.: [Б. и.], 2009. 198 с.
24. Р а д ж а б о в С., Б о б о д ж а н о в Н. Советский Бадахшан в братской семье народов СССР. Душанбе: Ирфон, 1975. 36 с.
25. С и т н я н с к и й Г. Ю. Россия и Центральная Азия: вместе или врозь? Межэтнические отношения в Средней Азии и Казахстане и Россия. М.: ИЭА РАН, 2011. 290 с.
26. Т е р е щ е н к о В. В. Самая эффективная окружная пограничная система (1960–1990 гг.) // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и полигонология. 2013. Т. 121. Вып. 5. С. 226–234.
27. Х од ж и б е к о в Э. Х. История активизации религии и религиозных деятелей ГБАО Республики Таджикистан в годы Перестройки (1985–1991 гг.) // Успехи современной науки. 2017. Т. 4. Вып. 2. С. 179–180.
28. Х о на л и е в Н. ГБАО – проблемы социально-экономического развития // Центральная Азия и Кавказ. 2004. Т. 31. Вып. 1. С. 186–195.
29. Ху д о ё р о в М. М. Проблема Памирской автономии в Таджикистане на рубеже 1980–1990-х гг. // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Т. 237. Вып. 22. С. 78–81.
30. Ху д о ё р о в М. М. Социально-политические и этнокультурные трансформации на постсоветском Памире: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 225 с.
31. Четвертый театральный фестиваль в Таджикистане // Театр. 1991. Вып. 10. С. 48.
32. Ч еш к о С. В. Время стирать белые пятна // Советская этнография. 1988. Вып. 6. С. 5–6.
33. Ч еш к о С. В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000. 399 с.
34. Ш ара ф и е в О. Х. Роль региональных кланов во внутренней политике Таджикистана // Вестник Томского государственного университета. 2012. Т. 359. С. 98–100.
35. Ш ах р а й С. М. Миры и факты о распаде Союза ССР // Распад СССР: Документы и факты (1986–1992 гг.): В 2 т. Т. II: Архивные документы и материалы. М.: Кучково поле, 2016. С. 39–50.
36. Ш о р о х о в В. А. Этнолокальные группы Таджикистана в постсоветский период: особенности взаимного восприятия и самоидентификации // Петербургские исследования: Сб. науч. статей. Вып. 3. СПб., 2011. С. 326–338.
37. B r a s h e r R. Ethnic Brother or Artificial Namesake? The Construction of Tajik Identity in Afghanistan and Tajikistan // Berkeley Journal of Sociology. 2011. Vol. 55. P. 97–120.
38. R a s h i d A. The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism. London, Karachi, Oxford University Press, 1994. 288 p.

Shorokhov V. A., Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russian Federation)

BETWEEN THE DREAMS OF PERESTROIKA AND REAL LIFE: SOVIET OF PEOPLE'S DEPUTIES OF KUHISTONI BADAHKSHON IN 1989–1991*

The paper examines the history of the Soviet of People's Deputies of a unique region of the USSR during the late Perestroika period (1989–1991). The research object is the Kühistoni Badakhshon Autonomous Region (GBAO) of Tajikistan. The subject being analyzed is the process of searching for the solutions of the main local problems by the representative executive body of the Soviet Pamirs amid the political and economic crisis accompanying the USSR dissolution. The core sources for the study comprised the documents from the State Archive of GBAO (the town of Khorugh). These unpublished documents reflected the activities of the Regional Soviet of People's Deputies, the Executive Committee of GBAO, the Supreme Soviet of Tajikistan and its Presidium. The data from national and regional press was also examined, which helped to reconstruct the features of the autonomous region's decline, as well as the key aspects in its search for new prospects. The author concludes that Perestroika and the dissolution of the USSR eliminated the system of supporting socioeconomic living standards faster than modest beneficial effects of liberalization could be felt. Delusive hope for the direct funding by Moscow turned into the conflict with Dushanbe. Dreams of international cooperation in the use of the Pamirs' environmental assets fell apart with the decline of all local industries and dissipation of resources. Social tension and public outrage also contributed to crisis. Religious revival and the first contacts with Aga-Khan IV were the exceptional cases.

Key words: dissolution of the Soviet Union, Tajikistan, the Pamirs, Kühistoni Badakhshon Autonomous Region, the Soviet of People's Deputies

* This research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for young PhDs No MK-5515.2018.6 "Russia and Ethno-Political Processes in The Kühistoni Badakhshon Autonomous Region of Tajikistan (1991–2005)".

REFERENCES

1. Akimbekov S. M. The history of Afghanistan. Astana, Almaty, IMEP pri Fonde Pervogo Prezidenta Publ., 2015. 848 p. (In Russ.)
2. Babanov U. The Tajiks are coming (articles, reports, interviews). Dushanbe, Er-Graf Publ., 2012. 496 p. (In Russ.)
3. Bozorov K. D. Migration policy of the Government of the Republic of Tajikistan during the postwar period and its socio-economic, domestic and cultural importance, 1946–1965: Diss. abstract ... Cand. Sci. (History). Dushanbe, 2002. 22 p. (In Russ.)
4. Boldyrev V. A. Overall results of the USSR Census. Moscow, Finansy i statistika Publ., 1990. 49 p. (In Russ.)
5. Bubnova M. A. Archaeological map of the Kühistoni Badakhshon Autonomous Region. The West Pamirs (sites from the Stone Age to the XX century). Dushanbe, UTsA Publ., 2008. 383 p. (In Russ.)
6. Bushkov V., Monogarova L. Ethnic processes in the Kühistoni Badakhshon Autonomous Region of Tajikistan. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2000. No 5. P. 215–233. (In Russ.)
7. All-Soviet Union Census of 1989. Population of the USSR Republics and their regions, by gender. Demoskop Weekly. Available at: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg1.php (accessed 15.04.2018). (In Russ.)
8. Gvozdetski N. A., Mihailov N. I. Physical geography of the USSR. Asian part. Moscow, Mysl' Publ., 1978. 512 p. (In Russ.)
9. Grjungeberg A. L., Steblin-Kamenskij I. Steblin-Kamenskij I. M. Some notes on A. S. Davydov's response to S. V. Cheshko's paper. *Sovetskaya etnografiya*. 1989. Issue 5. P. 35–38. (In Russ.)
10. Davydov A. S. Unreasonable... but so journalistic. *Sovetskaya etnografiya*. 1989. Issue 5. P. 15–23. (In Russ.)
11. Daudov A. K., Andreev A. A., Shorokhov V. A., Yanchenko D. G. Nation state building in Tajikistan between 1988 and the 2000s. Search for "the backbone of the construct". *Bylye gody*. 2015. Vol. 35 (1). P. 204–210. (In Russ.)
12. Dodihudoev R. H. How long will we keep being passed for the Mankurts? *Kommunist Tadzhikistana*. 1989. Issue 5. P. 28–29. (In Russ.)
13. Dodihudoev R. H. Language policy and language building in Tajikistan. *Russkiy jazyk v SSSR*. 1991. No 9. P. 5–7. (In Russ.)
14. Koshlakov G. V., Turayeva M. O., Majtidanova G. M. Russian economic interests in Tajikistan: risks and possibilities. Dushanbe, RTSU Publ., 2009. 322 p.
15. Malashenko A. V. Tajikistan: Long-lasting echo of the Civil War. *Carnegie Moscow Center*. 2012. Vol. 14. Issue 3. P. 1–12. Available at: http://carnegieendowment.org/files/MalashenkoBriefing_14-3-12_Russ_web.pdf (accessed 10.07.2018). (In Russ.)
16. International relations in Central Asia: events and documents. Moscow, Aspekt Press Publ., 2011. 549 p. (In Russ.)
17. Monogarova L. F. The Pamiris – separate ethnic groups or the sub-ethnicities of the Tajiks (in answer to A. S. Davydov)? *Sovetskaya etnografiya*. 1989. No 5. P. 28–34. (In Russ.)
18. Monogarova L. F. Ethnic composition and ethnic processes in the Kühistoni Badakhshon Autonomous Region of the Tajik Soviet Socialist Republic. *Strany i narody Vostoka*. 1975. Issue 16. P. 174–191. (In Russ.)
19. Nijozov S. Isma'ilis Shi'ites of Central Asia. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2003. Vol. 30. Issue 6. Available: http://www.ca-c.org/journal/2003/journal_rus/cac-06/05.niyru.shtml (accessed 28.05.2018) (In Russ.)
20. The basics of the Iranian language studies: the Middle Iranian and New Iranian languages. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2008. 446 p. (In Russ.)

21. Parshin P. B. The place and role of the Kūhistoni Badakhshon Autonomous Region in the state system of Tajikistan. *Mezhdunarodnaya analitika*. 2016. Vol. 16. Issue 2. P. 83–96. (In Russ.)
22. Pahalina T. N. The Pamir languages. Moscow, Nauka Publ., 1969. 163 p.
23. The Baltic region and Central Asia as parts of the Russian Empire and the USSR: the myths of modern textbooks of the post-Soviet states and the reality of socioeconomic calculations. Moscow, 2009. 198 p.
24. Radzhabov S., Bobodzhanova N. Soviet Badakhshan in the brotherhood of the USSR peoples. Dushanbe, Irfon Publ., 1975. 36 p. (In Russ.)
25. Sintianski G. Ju. Russia and Central Asia: together or apart? Inter-ethnic relations in Middle Asia, Kazakhstan and Russia. Moscow, IEA RAN Publ., 2011. 290 p. (In Russ.)
26. Treshchenko V. V. Most efficient district system (1960–1990s). *Vestnik TGU. Gumanitarnye nauki. Istorija i politologiya*. 2013. Vol. 121. Issue 5. P. 226–234. (In Russ.)
27. Hodzhibekov J. e. H. History of activation of religion and religious figures in Gorno-Badakhshan Autonomous Oblast (GBAO) during Perestroika time (1985–1991). *Uspekhi sovremennoy nauki*. 2017. Vol. 4. Issue 2. P. 179–180. (In Russ.)
28. Honaliev N. GBAO – problems of socioeconomic development. *Tsentral'naya Aziya i Kavkaz*. 2004. Vol. 31. Issue 1. P. 186–195. (In Russ.)
29. Hudojorov M. M. The Pamir autonomy problem in Tajikistan in the late 1980s and early 1990s. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. Vol. 237. Issue 22. P. 78–81. (In Russ.)
30. Hudoev M. M. Socioeconomic, ethnic and cultural transformations in the post-Soviet Pamirs. Diss. ... Cand. Sci. (History). Moscow, 2012. 225 p. (In Russ.)
31. Tajikistan's Fourth Theatre Festival. *Teatr*. 1991. Issue 10. P. 48. (In Russ.)
32. Cheshko S. V. It's time to fill in the blank page. *Sovetskaya etnografiya*. 1988. Issue 6. P. 5–6. (In Russ.)
33. Cheshko S. V. The dissolution of the Soviet Union: ethno-political analysis. 2nd ed. Moscow, IEA RAN Publ., 2000. 399 p. (In Russ.)
34. Sharafieva O. H. The role of regional clans in Tajikistan internal policy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. Vol. 359. P. 98–100. (In Russ.)
35. Shahraj S. M. Myths and facts about the dissolution of the Soviet Union. *Raspad SSSR: Dokumenty i fakty (1986–1992 gg.). T. II: Arkhivnye dokumenty i materialy*. (S. M. Shahraj, Ed.). Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2016. P. 39–50. (In Russ.)
36. Shorokhov V. A. Local ethnic groups in post-Soviet Tajikistan: features of mutual perception and self-identity. *Peterburgskie issledovaniya: Sbornik nauchnykh statey*. Issue 3. St. Petersburg, 2011. P. 326–338. (In Russ.)
37. Brasher R. Ethnic brother or artificial namesake? The construction of Tajik identity in Afghanistan and Tajikistan. *Berkeley Journal of Sociology*. 2011. Vol. 55. P. 97–120.
38. Rashid A. The Resurgence of Central Asia: Islam or Nationalism. London, Karachi, Oxford University Press, 1994. 288 p.

Поступила в редакцию 19.07.2018

ГЕННАДИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ МЕЩЕРЯКОВ

аспирант кафедры гуманитарных дисциплин, гражданско-
го и уголовного права гуманитарно-правового факультета,
Воронежский государственный аграрный университет
имени императора Петра I (Воронеж, Российская Феде-
ральная)

mga-2014@yandex.ru

ОПРЕДЕЛЯЮЩАЯ РОЛЬ ДОНСКОЙ ВОЕННОЙ ФЛОТИЛИИ ПРИ ВЗЯТИИ АЗОВА В 1736 ГОДУ

Впервые показана роль разнородных сил Донской военной флотилии, действовавшей в бассейне р. Дон и Азовском море, как решающий фактор победы в период длительной осады Азова в марте – июне 1736 года. Методом исследования избран критический анализ источников, и в первую очередь первичных текстов, дошедших до нас от непосредственных участников событий. Указанный подход позволяет не только рассмотреть объект исследования под углом умелого применения сил и средств на одном из операционных направлений, но и признать факты нерасторопного принятия решений руководством экспедиции, а порой и низкую организованность командования в реализации замыслов. Тем не менее, обеспечивая боевую и повседневную деятельность Донской армии, флотилия полностью оправдала свое предназначение: срывала воинские перевозки врага, оказывала поддержку и содействие сухопутным войскам массированными артиллерийскими обстрелами Азова, подавляла огонь турецких батарей. Все типы судов Донской военной флотилии, помимо своего профильного предна-
значения, использовались как транспорты для воинских перевозок – при переброске подкреплений, артиллерийских и инженерных припасов к осадным партиям, снабжении провиантом войск, что и предопределило неизбежное падение ключевого турецкого форпоста всего Северного Причерноморья.

Ключевые слова: Донская военная флотилия, Донская экспедиция, Б. Х. Миних, П. П. Ласси, П. П. Бредаль, галеры, кайки, прамы, будары

Линия внешней политики сменявшихся правительства России после смерти Петра I не способствовала продвижению основных внешнеполитических интересов страны в праве обладания гаванями и форпостами на Черном море. Лишь с воцарением на троне племянницы Петра I царевны Анны Иоанновны внешнеполитический курс приобрел прежнюю твердость и целеустремленность. Нейтрализуя гипотетическое выступление Османской империи против России, императрица Анна в именном указе «Об укомплектовании всех полевых, гарнизонных и ландмилицких полков»¹ от 1 сентября 1733 года повелела воссоздать в городе Тавров на реке Воронеж (левый приток Дона) Донскую военную флотилию (ДВФ). Это соединение кораблей русского ВМФ создавалось для действий на основном операционном направлении (Азовском) неизбежной войны с Высокой Портой – для поддержки Донской армии в отражении набегов крымских татар и противоборства с турецкими корабельными эскадрами на Нижнем Дону и Азовском море [2: 15]. Боевая деятельность ДВФ в составе Донской экспедиции освещалась преимущественно военными историками дореволюционной России и в меньшей степени представителями отечественной исторической науки в послевоенный период [6], да и то лишь в контексте комплексного исследования целей,

содержания и ведения русско-турецкой войны 1735–1739 годов [7], правительственный политики в отношении судеб армии и флота [4] или же использования вооружений и средств, обеспечивающих их применение по видам решаемых задач [3], [5]. Целью же данного исследования является изучение деталей и способов боевого применения разнородных сил ДВФ на одном операционном направлении как определяющего фактора победы при обложении, осаде и взятии турецкой крепости Азов в марте – июне 1736 года.

Грабительский поход крымского хана Каплан-Гирея в июне – декабре 1735 года на Кабарду и Дагестан вынудил Россию в октябре 1735 года направить в Крым с берегов р. Орель корпус генерал-лейтенанта М. И. Леонтьева. Бескорミца для лошадей и массовые заболевания в полках обрекли экспедицию на неудачу [1: 52], тем не менее движение российских войск по Северному Причерноморью к рубежам Оттоманской империи подтолкнуло Стамбул вынести определение о формировании 110-тысячной армии. Сбор турецкой армии назначался на Дунай при г. Бабадахе под командованием малоопытного бендерского бashi Мегмета – «человека от природы здорной памяти»², далее, разделив войска на четыре части, турки наметили продвижение на Хотин, Бендеры, Очаков и Азов. Распыление

турецких сил было на руку главнокомандующему русскими войсками при турецкой и татарской границах генерал-фельдмаршалу Б. Х. Миниху. 10 января императрица узнала о решении Миниха – «предвоспринять в начале апреля по самой первой траве»³ одновременно две экспедиции: на Азов (Донская экспедиция) и Крым (Днепровская экспедиция) «и тем самым неприятельские силы разделить»⁴. Но приоритет начала боевых действий оставался за Азовским операционным направлением. Миних планировал, «чтоб, до прибытия артиллерии и до произведения Крымской экспедиции, Азов в блокаде содержать можно было»⁵. Ради Азовской блокады имелось намерение – сообща с генерал-аншефом Левашовым и прочим генералитетом вынести определение, «как высочайший интерес Ея И. В. требует»⁶. Предваряя поход на Азов, фельдмаршал разработал диспозицию о наполнении провиантом семи украинских магазинов: в Изюме, Коротояке, Усть-Хопёрске, Воронеже, Таврове, Павловске и в крепости Святой Анны (на Нижнем Дону) – по 50 000 четвертей муки в каждом⁷. Огромное количество затребованного провианта обусловливалось внушительной численностью войск в 44 тыс. человек (12 драгунских и 21 пехотный полк Донской армии). 14 февраля фельдмаршал донес императрице, что по вскрытии рек Дон и Северский Донец применит будары ДВФ для отправки в крепость Св. Анны с донских провиантских магазинов и из Изюма по 40 000 провиантских кулей.

13 марта 1736 года российские войска переправились через Дон в районе г. Черкасского и начали строительство первого ретраншемента для прикрытия пристани с Кубанской стороны. На военном совете 15 марта решили атаковать наблюдательные каланчи. Штурмовые отряды генерал-майора фон Сперейтера и наказного войскового атамана Ивана Фролова (500 гренадер и 1200 казаков соответственно) прибыли на судах с приданной артиллерией в район Полуденки (совр. Ростов-на-Дону) и, получив лоцманов от Донской военной флотилии, перебрасывались на 6 бударах непосредственно для атаки каланчей, которые и были захвачены 20 марта без потерь с нашей стороны. Донские казаки старшины Краснощёкова отогнали бешлеев (из беглых россиян) и татар, кочующих под стенами Азова. Кочевники бросили скарб и наспех ретировались на кубанскую сторону. Миних встал лагерем под стены цитадели, с суши Донская армия полностью блокировала город.

24 марта в лагерь под Азов прибыл генерал-аншеф В. Я. Левашов и, осмотрев совместно с фельдмаршалом Минихом крепость и посты, занятые нашими войсками, принял командование осадным корпусом. Вернувшись 27 марта в крепость Св. Анны, Миних рекомендовал контр-адмиралу П. П. Бредалю немедленно отправиться на Средний Дон для скорейшего провода судов

ДВФ от Павловска к Азову, сам же 29 марта выехал в Цариченку, чтобы возглавить Днепровскую экспедицию в Крым.

9 апреля из Киева к Донской экспедиции выехал новый командующий Донской армией генерал-фельдмаршал П. П. Ласси. Через неделю в Цариченке совместно с Минихом фельдмаршалы выработали замысел обеих экспедиций. До этого, 8 апреля, в генеральном рапорте генералитету и полкам Миних установил новую численность войск и средств, привлекаемых к осаде Азова: 29 регулярных полков и 8000 иррегулярных донских казаков. Осадную артиллерию, состоящую из семидесяти 24- и 18-фунтовых пушек, 30 мортир (две из которых 9-, остальные 5-пудовые) и двухсот 6-фунтовых мортиц, обслуживали 626 артиллериста, которым достались еще и 20 трофейных пушек из захваченного форта Лютик и каланчей. Всего лишь шесть орудий фельдмаршал решил оставить в крепости Св. Анны⁸. Огромное количество артиллерийских орудий несли на себе батарейные палубы морских судов ДВФ – их численность составляла 750 стволов (!)⁹. Основной ударной силой ДВФ были девять 44-пушечных прама (парусно-гребные плоскодонные батареи) типа «Близко не подходи»: «Близко не подходи», «Гром и молния», «Дикий Бык», «Небоязливый», «Разгневный», «Северный Медведь», «Сердитый», «Спящий Лев» и «Страшный»¹⁰, вооруженные 24- и 8-фунтовыми орудиями. Помочь осаде артиллерия флотилии пока еще не могла, так как эскадры двинулись от Павловска на Азов лишь 2 апреля. Прибыв вечером 6 апреля в Павловск, Бредаль на утро выехал вслед за караваном и без труда нагнал галеру «Приятельную», так как флотилия двигалась к осажденному Азову крайне медленно. Ласси, прибывший к экспедиции 3 мая, дал смотр полкам и увидел удручающую картину снабжения войск, блокирующих Азов. Из-за недостачи съестных припасов полки Донской армии довольствовались покупной провизией. Артиллерия, подвезенная к скопинской пристани 28 апреля, не была доставлена в лагерь, так как еще не выгрузилась с судов. Мундиры солдат были изношены, у многих отсутствовала обувь. Деятельный Ласси 7 мая приказал: на месяц выдать провиант мукою, печь хлеб и заготавливать сухари, а днем ранее направил ордер контр-адмиралу Бредалю: «...чтоб с флотом следовал к здешней атаке со всяким поспешением денно и нощно»¹¹. Уже на следующий день прибыли три будары с провиантом и пополнением. Утром 9 мая к наблюдательным каланчам подошла галера с флагманом Бредалем на борту, а в третьем часу по полудни 10 галер основных сил (оставшиеся 4 прибыли на следующий день). Они перебросили к осадному лагерю личный состав Вологодского, Вятского и Дагестанского полков в количестве 1942 человек, общая численность экипажей прибывших

галер – 216 морских служителей. Сохранились сводные данные по пяти 16-баночным галерам типа «Вёдная»: в частности, на галере «Разумной» числилось 99 чинов Вятского и 29 чинов Дагестанского транспортируемых полков, на «Уборной» – 108 и 37, на «Склонной» – 107 и 32, «Вёдрой» – 110 и 35, а на «Сиятельной» – 110 и 34 чина соответственно¹². В этот же день подошла 51 будара с внушительным запасом провианта: муки, круп и сухарей общим весом в 24 тысячи четвертей и 340 пудов соли¹³. Из них же выгрузили: порох, бомбы и шашевые припасы, на берег сошли 32 артиллерийских служителя и пополнения к Вологодскому и Низовскому полкам. С прибытием транспортов ДВФ проблема снабжения штурмующих войск припасами и провиантом была снята. Тем более что на следующий день к наблюдательным каланчам прибыл огромный караван почти в 90 будар: эскадру из 70 будар с инженерными и артиллерийскими припасами возглавлял подполковник инженерного ведомства фон Братке, 12 будар были с провиантом и еще 5 – с личным составом Бакинского полка.

Ласси, руководя осадой Азова (с интенсивным введением контр- и циркум-валационных линий), активно использовал силы ДВФ для разрыва коммуникаций блокированной цитадели с татарами, кочующими на крымской и кубанской сторонах, а также с турецкими силами на Азовском море. 12 мая он приказал контр-адмиралу Бредалю артиллерийским огнем двух галер уничтожить пасущийся скот и турецких пастухов на о. Петровский (крымская сторона). Но из этой затеи ничего не вышло: ответный огонь с фасов крепости вынудил галеры ретироваться к наблюдательным каланчам¹⁴. Утром 14 мая Ласси, осматривая места, пригодные к атаке, узрел, что турки успели взвеси на лодках и сваях мост от Азова к Петровскому форту через Дон, и через сутки приказал контр-адмиралу Бредалю: «...чтоб для воспрещения из Азова лодкам выезду поставил где в пристойном месте 6 каек»¹⁵. Пополнения к сухопутным полкам из крепости Святой Анны прибывали по воде непрерывно: батальоны и команды Нашебургского, Низовского, Кабардинского, Вологодского, Бакинского, Вятского и Пермского полков интенсивно перебрасывались на бударах в лагерь 12 мая, а вместе с ними и артиллерийские припасы: порох, девять 24- и 18-футовых пушек, ядра и 253 бомбы для 5-пудовых мортир.

16 мая осажденные турки контратаковали наших саперов, ведущих инженерные работы. В разгоревшемся встречном 3-часовом бою Донская армия потеряла 212 человек. Турецкие канониры успели выпалить из пушек свыше 900 раз (!). Интенсивный ответный огонь мортир (5-пудовые мортиры бросили в Азов 299 бомб) остынил воинственный пыл турок. Подоспевший пикет из 200 драгун во главе с фельдмаршалом отбросил

противника обратно за полисад. Прибывший посыльный доставил расписки морских офицеров, командующих на прамах, об их скорейшем прибытии к блокированному Азову, где явно не хватало огня орудий ДВФ. Днем позже на бударах ДВФ подполковник Павловского гарнизонного полка Воронов доставил пополнение в 368 человек всех чинов. А 19 мая подполковник Засецкой привел к каланчам 11 будар с 370 чинами Дербентского полка и сборную команду из 79 чинов от разных полков с инженерными и шанцевыми припасами. Прибывали галеры, малые прамы и кайки с грузом провианта и железа, привезли и устрашающего мастодонта – 9-пудовую полевую мортиру, способную метать 147-килограммовые бомбы¹⁶. Опасаясь вспомогательных действий турецких галер со стороны Азовского моря, фельдмаршал Ласси отдал 20 мая распоряжение контр-адмиралу Бредалю блокировать дельту Дона шестью 8-пушечными прамами типа «Блоха» («Блоха», «Клоп», «Комар», «Овот», «Сверчок» и «Таракан»¹⁰ – по 30 служителей на каждом) под командою лейтенанта Костомарова, поставив их «у построенных наших батарей в равную линию на фарватере бортами к неприятелю»¹⁷.

Универсализм Костомарова позволял использовать его не только как артиллерийского командаира. Разведку глубины мелководных фарватеров донских гирл Каланчи и Кутерьмы (5 и 4 фута) и места расположения позиций для малых прамов производил на 21 полугалере (кайке) именно этот обученный офицер¹⁸. Обмеление донского устья помешало и подошедшей по Азовскому морю турецкой эскадре оказать какую-либо помощь блокированному Азову. Удачная позиция береговых батарей 2-го лагеря у взморья и малых прамов Костомарова не позволяла командиру турецкой эскадры капитан-паше Джаним-Кодиа направить даже шлюпки с подкреплениями и припасами к обреченному городу. Турецкая эскадра вынуждена была отойти в открытое море. И все же принятых мер было недостаточно: основная ударная сила ДВФ – 9 прамов типа «Близко не подходи» все еще не подошли к Азову по водам Дона. Многократные указы императрицы и Кабинета министров, приказы командующего экспедицией не возымели ожидаемого эффекта: ненастная погода и постоянные встречные ветры сдерживали ход гребно-парусных батарей. Командующий эскадрой прамов капитан М. Тем еще 10 мая получил предписание от контр-адмирала Бредаля: «...чтоб оные прамы следовали сюда со всевозможным своим крайним и неусыпным поспешением»¹⁹, но не был в силах что-либо противопоставить стихии. Есть основания думать, что ситуация с неприбытием основных сил ДВФ в составе 9 прамов и 20 новых галер выводила из себя командующего, и 26 мая он в очередной раз жестко указал Бредалю о недопустимости задержек в пути, а по прибытии –

о постановлении тех прам и галер по разсмотрению его на фарпост, чтоб могли неприятельскому с моря с курсу к Азову препятствовать и до Азова не допускать²⁰.

По-видимому, немалая часть транспортов ДВФ все же прибыла к осадному лагерю в этот день, так как у каланчей на берег сошел многочисленный десант полковника Киндермана в 3900 человек с артиллерией и разного рода припасами. И наконец, вечером 28 мая из Павловска к каланчам прибыли три прамы: «Разгневный», «Северный Медведь» и «Страшный» – с 444 морскими служителями на борту под командою капитанов Тема, Герценберга и Сниткера соответственно. Капитан Тем запросил у Бредаля для своего прама «Разгневный» 121 служителя для удобства разворота орудий при стрельбе вдбавок к имеющемуся 171 члену экипажа²¹. 29 мая флагман Бредаль получает приказ Ласси об «отпуске оных вниз по Дону против самого Азова»²², чтобы огнем орудий разрушить до основания стены города и уничтожить турецкие батареи.

Интенсивность огня русской полевой артиллерии 30 мая резко снизилась, общее число мортирных и пушечных выстрелов едва достигало полсотни в день – все говорило о том, что идут приготовления к прорыву в Азов со стороны реки. Утром 31 мая фельдмаршал Ласси произвел смотр судов ДВФ у каланчей, сухопутной же армии отдал приказ о массированной бомбардировке города и уничтожении вражеских орудий огнем полевых батарей. Только мортирных бомб свыше пятисот было брошено в город (впервые были применены две 9-пудовые мортиры), а суммарное число выстрелов из всех типов орудий в этот день приблизилось к полутора тысячам. На заходе солнца 1 июня прамы «Разгневный» и «Северный Медведь» начали артобстрел города, а ночью к ним присоединился прам «Страшный». Все три прама производили обстрел Азова и турецких батарей до позднего утра 3 июня. Предваряя применение прамов, канониры полевых батарей произвели 1 июня без малого полтысячи выстрелов из полковых орудий и мортир. Правда, под обстрел турецких пушек на следующий день попал контр-адмирал Бредаль, ведший разведку у о. Петровский на 4 кайках, одна из которых, «Варгасия», от полученных повреждений затонула²³. Упорная контрбатарейная борьба продолжалась с нарастающим ожесточением, турки только 2 июня произвели свыше тысячи выстрелов из своих артиллерийских орудий, а на следующий день генерал-фельдмаршал Ласси получил ранение в ногу во встречном бою, длившемся целые сутки, где наши потери составили более 800 человек в основном ранеными, 33 воина были убиты. У турок только убитыми было не менее 100 человек. С 4 июня (когда турки произвели 324 выстрела из своих орудий) отмечается резкое снижение ответного артиллерийского огня с крепостных батарей. Уже 6 июня турки суме-

ли выпалить из своих пушек всего 11 раз. Налицо великолепный результат контрбатарейной работы русских канониров: губительный огонь наших полевых орудий и гребно-парусных батарей делал свое дело. Утром 8 июня в результате артобстрела в Азове взлетел на воздух пороховой погреб, а вместе с ним и трупы 300 турок, выброшенных взрывной волной через крепостные стены; камни и бревна более 100 разрушенных азовских строений и 5 мечетей от взрыва ужающей силы перелетали и через Дон, падая на шанцевые укрепления Донской армии.

Галеры ДВФ из-за мелководной дельты Дона не представлялось возможным вывести в море для пресечения вспомогательных действий турецкого флота, их деятельность ограничивалась ролью транспортов. Отставшие на переходе по Дону прамы и 20 новых галер (16-баночные типа «Палюсос»: ««Палюсос», «Телемакус», «Улисс», «Янос»; 20-баночные типа «Амур»: «Амур», «Аполо», «Венус», «Гектор», «Диана», «Елена», «Золотое яблоко», «Кавалер Святой Александр», «Минерва», «Мон Плезир», «Морис», «Парис», «Плато» и 22-баночные типа «Кавалер Святой Андрей»: «Кавалер Св. Андрей», «Корона» и «Св. Анна»¹⁰) окончательно удалось стянуть к пункту базирования у каланчей лишь к 9 июня. Их нерасторопный переход от Павловска составил более двух месяцев. Численный состав экипажей на все суда разнородных сил флотилии определялся немногим более 2200 служителей²⁴. В ночь на 9 июня был возобновлен артиллерийский обстрел Азова с прамов «Близко не подходи» и «Дикий бык» (капитаны Штром и Шевинг), суммарное число выстрелов составило 1188 раз. В дальнейшем флотилия бомбардировала город с 12 по 13 июня силами двух прамов: «Небоязливый» (капитан Чертков) и «Дикий бык» – свыше 1500 выстрелов, а на следующий день в бою были прамы «Спесивый Лев» (капитан-лейтенант Биберг) и «Гром и Молния» капитан-лейтенанта Брамса, выстрелившие 885 и 720 ядрами соответственно. Галеры и будары ДВФ тем же днем доставили крупное пополнение к полкам в количестве 850 человек²⁵. Командующий потребовал от Бредаля, чтобы артиллеристы флотилии поднажали, ибо вышедшие 15 июня из Азова дезертиры донесли, что огонь с прамов 14 июня был крайне губителен для осажденных²⁶. Вдбавок, на полтысячи выстрелов наших полевых батарей, заброс 178 5-пудовых мортирных бомб и 52 6-фунтовых гранат турки ответили всего 8 выстрелами. Азов готов был капитулировать. Сдаче турецкой крепости на аккорд послужила завершающая утренняя атака 17 июня прама «Близко не подходи» капитана над Тавровским портом Андрея Росселиуса (командир прама капитан Штром, страдавший психозами, посажен фельдмаршалом под караул) и прама «Дикий бык» капитана Шевинга, сделавших в сумме рекордные 2110 выстрелов менее чем

за сутки. Весь день до позднего вечера 17 июня отряд полковника Ломана (1500 мушкетеров, фузелеров и гренадер, 600 казаков для инженерных работ) штурмовал неприятельский полисад, в то время как наши мортиры бросили в Азов свыше полутора тысяч бомб (10 из них 9-пудовые), а канониры полевых батарей выпалили из 24- и 18-фунтовых пушек более 200 раз. Ближе к полуночи отряд Ломана, потеряв 56 человек, отбросил турок к крепостным воротам. Турецкие артиллеристы в эти сутки оказали серьезное сопротивление, произведя 580 выстрелов. События последующих дней показали, что это агония, гарнизон крепости был обречен. Турки потеряли третью часть артиллерии из 226 стволов, имевшихся в цитадели, а в огне пожарищ и разрушений – почти все запасы провианта²⁷. В 10-м часу утра 19 июня азовский паша Мустафа-Ага прислал четырех гарнизонных знатных командиров: с просьбой о прекращении огня и заключении договора о передаче Азова 20 июня на милость победителя. Азов пал. Как ни странно – в стенах крепости не было ни одного пролома, зато сам город разрушен был до основания²⁸. Допрос плененного паши показал: пойти на сдачу его вынудило уничтожение кошмарными бомбардировками всех провиантских магазинов, гибель 1500 бойцов из 5000 гарнизона, не считая членов их семей и местных жителей, которых с бешлеями и маркитантами примерно было 2500. По условиям капитуляции конвой из 20 каек и 7 ботов командировался для провода двух галер с пашой Мустафой-Агой, знатью, их семьями и Янычар-Агой к пограничному турецкому городу Ацуку (ныне с. Ачуево) в Восточном Приазовье.

27 июня на взморье обе галеры сели на мель – пришлось турок перегружать на три кайки²⁹, основная же часть турецкого гарнизона выправаживалась к Ацуку по сушке. В последующий полуторамесечный период из Азова на бударах интенсивно вывозились: трофеи, излишние орудия, порох, ядра, бомбы, картечь, свинец, батарейные брусья, инженерные и шанцевые припасы. 1 июля императрица указала сформировать экспедиционный корпус на Крым из гарнизонов Азовской и Святой Анны крепостей³⁰. Но галеры так и не сумели пройти песчаную отмель в дельте Дона. Хлопоты оказались напрасными, так как армия Миниха уже покинула Крым и отступила от Перекопа на винтер-квартиры. В связи с новыми обстоятельствами Ласси 2 августа уводит несколько полков Донской армии к Миусу на соединение с отрядом генерал-майора Шпигеля от Днепровской экспедиции фельдмаршала Миниха (из Крыма). Кайки и боты, способные пройти отмели дельты (глубиной всего 3,5 фута), нагруженные провиантом, направлялись по морю к устьям Миуса и Берды, что можно считать завершающим актом боевой деятельности Донской военной флотилии в 1736 году³¹.

Тема исследования требует дальнейших изысканий по вопросу боевого применения разнородных сил ДВФ и их использования при решении задач тылового обеспечения и снабжения сухопутных войск Донской экспедиции продовольствием, артиллерийскими и инженерными припасами во время ежегодных кампаний русско-турецкой войны 1735–1739 годов и предшествовавшего ей периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Полное Собрание Законов Российской Империи // Собрание 1-е: С 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Указ. Т. 7. 1723–1727. 1830. С. 194.
- ² Сборник военно-исторических материалов (Сборник ВИМ) // Донесения 1736 и 1737 годов. Вып. 10. Ч. 1. СПб., 1897. С. 1, 28.
- ³ Там же. С. 2.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же. С. 3.
- ⁷ Там же. С. 8.
- ⁸ Ласковский Ф. Ф. Материалы для истории инженерного искусства в России // Опыт исследования инженерного искусства после Императора Петра I до Императрицы Екатерины II. Ч. III. СПб., 1865. С. 473.
- ⁹ Сборник ВИМ. Вып. 10. С. 77.
- ¹⁰ Электронные справочники: Военная Россия. Парусный флот [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mediahouse.ru> (дата обращения 20.07.2018).
- ¹¹ Сборник ВИМ // Сборник документов, относящихся к разным эпохам, начиная от Петра I и до Екатерины II. Вып. 3. СПб., 1893. С. 189.
- ¹² Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГА ВМФ). Ф. 231. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.
- ¹³ Сборник ВИМ. Вып. 3. С. 194.
- ¹⁴ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.
- ¹⁵ Сборник ВИМ. Вып. 3. С. 202.
- ¹⁶ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 4. Л. 24.
- ¹⁷ Материалы для истории русского флота. Ч. 6. СПб., 1877. С. 73.
- ¹⁸ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 4. Л. 26.
- ¹⁹ МИРФ. Т. 6. С. 69.
- ²⁰ Сборник ВИМ. Вып. 3. С. 221.
- ²¹ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 4. Л. 118.
- ²² РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 4. Л. 36.
- ²³ РГА ВМФ. Ф. 212. Оп. 7. Д. 186. Л. 19.
- ²⁴ МИРФ. Т. 6. С. 71.

- ²⁵ Сборник ВИМ. Вып. 3. С. 261.
²⁶ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.
²⁷ Ласковский Ф. Ф. Указ. соч. С. 481.
²⁸ Записки Манштейна о России 1724–1744. СПб., 1875. С. 93.
²⁹ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 4. Л. 92.
³⁰ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 4. Л. 117.
³¹ РГА ВМФ. Ф. 231. Оп. 1. Д. 4. Л. 142.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Безвременье и временщики: Воспоминания об «эпохе дворцовых переворотов» (1720–е – 1760-е годы) / Сост. Е. В. Анисимов; Под ред. Т. Федоровой. Л., 1991. 366 с.
- Мещеряков Г. А. Создание Донской военной флотилии в 1733–1735 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2018. № 2 (24). С. 15–18.
- Мещеряков Г. А. Снабжение провиантом Донской экспедиции в кампаниях 1735–1736 гг. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2018. № 2 (46) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://scientific-notes.ru> (дата обращения 12.07.2018).
- Петрухин Н. Н. Царствование Анны Иоанновны: формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота. СПб., 2001. 349 с.
- Степаненко С. А. Прамы российских южных военных флотилий XVIII века (история создания и боевого применения «плавучих ящиков») // Международный военно-морской журнал. 2017. № 5 (1). С. 4–48.
- Чеботарев Б. В. Борьба за Приазовье в первой половине XVIII века и первые шаги по пути его хозяйственного освоения // Вопросы экономической истории и советского права. Вып. 3. Ростов н/Д, 1970. С. 154–170.
- Шульман Е. Б. О позиции России в конфликте с Турцией в 1735–1736 гг. // Balkan Collection of Historical Articles. Вып. 3. Кишинев, 1973. С. 5–61.

Meshcheryakov G. A., Voronezh State Agricultural University named after Emperor Peter the Great (Voronezh, Russian Federation)

DEFINING ROLE OF THE DON MILITARY FLOTILLA IN THE CAPTURE OF AZOVE IN 1736

The purpose of the study is to show the role of heterogeneous forces of the Don military flotilla, operating in the Don River basin and the Sea of Azov, as the determining factor for victory during a long siege of Azov between March and June of 1736. As the research method the author chose critical analysis of the sources, specifically, the primary texts composed by the first-hand participants of the events, which gave a description of a particular historical issue – the combat activity of the Don military flotilla during the Azov blockade in 1736. This approach allows us to consider the research object not only from the angle of the skillful use of forces and weapons in one of the operational areas, but also to recognize the facts of slow decision-making by the expedition leadership, and sometimes the lack of command organization in the implementation of the plans. Nevertheless, ensuring the combat and daily activities of the Don army, the flotilla fully justified its intended purpose – to disrupt the troop transportation of the enemy, to support and render the land forces assistance with massive artillery shelling of Azov, and to suppress the fire of Turkish batteries. Besides their specific intended use, all types of vessels of the Don military flotilla were used for military transportation when transferring reinforcements, artillery or engineering supplies to the siege parties and, most importantly, providing food supplies to the expedition troops, which predetermined the inevitable fall of the key Turkish outpost of the whole northern Black Sea region.

Key words: Don military flotilla, Don expedition, Marshal Burchard Christoph von Munnich, Peter von Lacy, Pyotr Lacy, Peter Christian Bredal, Pyotr Bredal, galleys, prams, budaras

REFERENCES

- Timelessness and minions: the memories of the “Era of Palace Revolutions” (1720–1760). (T. Fyodorova, Ed.). Leningrad, 1991. 366 p. (In Russ.)
- Meshcheryakov G. A. Creation of the Don military flotilla between 1733 and 1735. *Herald of Kostroma State University*. 2018. No 2 (24). P. 15–18. (In Russ.)
- Meshcheryakov G. A. Providing food supplies to the Don expedition during war campaigns of 1735 and 1736. *Proceedings. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. 2018. No 2 (46). Available at: <http://scientific-notes.ru> (accessed 12.07.2018) (In Russ.)
- Petrushkin N. N. Reign of Anna Ioannovna: formation of domestic policy and the fate of the army and navy. St. Petersburg, 2001. 349 p. (In Russ.)
- Stepanenko S. A. The prams of the southern Russian military fleet of the XVIII century (history of creation and military usage of the “floating boxes”). *International Naval Journal*. 2017. No 5 (1). P. 4–48. (In Russ.)
- Chebotarev B. V. The struggle for the Sea of Azov in the first half of the XVIII century and the first steps on the way toward its economic development. *Problems of Economic History and Soviet Law*. Issue 3. Rostov-on-Don, 1970. P. 154–170. (In Russ.)
- Shulman E. B. Russia’s position in the conflict with Turkey in 1735–1736. *Balkan Collection of Historical Articles*. Vol. 3. Chisinau, 1973. P. 5–61. (In Russ.)

ЕЛЕНА ИГОРЕВНА НАЗАРОВА

аспирант кафедры истории России с древнейших времен до начала XX века Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
mrs.helnaz@gmail.com

СОЗДАНИЕ ПРАВОВОЙ БАЗЫ ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧАСТНЫХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КОМПАНИЙ В РОССИИ В 1855–1865 ГОДАХ

В середине 50-х годов XIX века российское правительство осознало необходимость создания развитой железнодорожной сети в стране. Государству нужно было выбрать способ сооружения железных дорог – за счет частных компаний, только средствами казны или допустить существование и тех и других одновременно. Для решения этой задачи в 1855 году был создан особый Комитет под руководством товарища главноуправляющего путями сообщения Э. И. Герстфельда. Комитет проанализировал зарубежный опыт строительства и регулирования деятельности частных железных дорог и подготовил проект общего железнодорожного закона, в котором регламентировал деятельность железнодорожных компаний, а также определял условия, необходимые для создания частных железнодорожных обществ. Автор анализирует основные положения данного проекта и сравнивает их с реализованными на практике условиями работы частных железнодорожных компаний. Определяется степень влияния разработанного Комитетом проекта на российское железнодорожное законодательство 60–70-х годов XIX века. Статья основана на архивных документах, впервые введенных в научный оборот.

Ключевые слова: железные дороги, частные железнодорожные компании, железнодорожная концессия, русское железнодорожное законодательство

После поражения России в Крымской войне для правящих кругов стала очевидной необходимость активного железнодорожного строительства. В России уже имелся опыт сооружения и эксплуатации железных дорог, но их было мало, они представляли собой отдельные линии, а государству требовалось как можно быстрее и с минимальными затратами для казны создать разветвленную систему железных дорог. В настоящей статье речь пойдет о разработке юридической базы, призванной обеспечить учреждение и деятельность частных железнодорожных компаний на рубеже 50–60-х годов XIX века.

При всем многообразии работ, посвященных истории железнодорожного транспорта в России, исследований по избранной нами теме крайне мало, в силу чего она изучена фрагментарно. В первую очередь исследователи обращают внимание на обширные привилегии и льготы, полученные компаниями при их учреждении, коррупцию и казнокрадство в высших эшелонах власти, убыточное ведение хозяйства частными компаниями. Наиболее крупными работами, в которых исследуется частное железнодорожное строительство, являются труды А. И. Чупрова¹, Н. А. Кислинского², А. П. Погребинского [6], А. М. Соловьевой [7]. В последнее двадцатилетие в отечественной историографии наблюдается возрастающий интерес к изучению истории функционирования российских железных дорог

в пореформенный период. Так, А. Вульфов [1] выпустил обобщающий труд, посвященный развитию железнодорожного транспорта с момента его зарождения до настоящего времени. Однако основная масса работ посвящена истории железнодорожного строительства в различных регионах Российской империи. Например, это исследования А. А. Тимофеева [8], А. А. Голубева [2], А. В. Луночкина [5], А. В. Забелина [3], позволяющие сделать вывод о социальных и экономических переменах, произошедших после проведения железнодорожных магистралей.

В 1857 году в России было принято решение сооружать первую железнодорожную сеть за счет частной компании Главного общества российских железных дорог (ГОРЖД). Однако этому событию предшествовала подготовка правовой базы, ставшей основой для регулирования порядка учреждения частных железнодорожных компаний в России в период с конца 50-х до начала 60-х годов XIX века.

16 сентября 1855 года главноуправляющий путями сообщения и публичных зданий П. А. Клейнмихель учредил Комитет для составления основных кондиций для учреждения компаний железных дорог под руководством товарища главноуправляющего путями сообщения генерал-лейтенанта Э. И. Герстфельда. Рабочая группа состояла из 15 человек, в число которых также входили чиновники из министерства финансов,

военного министерства, почтового департамента, министерства государственных имуществ. Перед членами Комитета стояла трудная задача сопоставить железнодорожное законодательство европейских стран (Франции, Великобритании, Пруссии, Австрии) и Соединенных Штатов Америки³ и на основании этого выработать правила, призванные регулировать процесс создания и функционирования железнодорожных компаний в России. Еженедельно они предоставляли главноуправляющему отчет о своей деятельности. Основная тяжесть работы легла на плечи инженер-подполковника А. К. Красовского, который был назначен правителем дел в Комитете и являлся автором большинства статей проекта⁴. Во время деятельности Комитета сменился главноуправляющий ГУПСиПЗ, П. А. Клейнмихель был освобожден от этой должности, на которой его сменил К. В. Чевкин.

Проект Положения был составлен к апрелю 1856 года. Оно включало в себя 8 глав и 293 статьи, охватывавшие такие вопросы, как порядок получения разрешения на устройство железных дорог, отвод земель под сооружение линий, права и обязанности компаний, отношение компаний к военному, почтовому и придворному ведомствам, срок владения дорогой, технические стандарты⁵.

Согласно приказу П. А. Клейнмихеля, Комитет должен был разработать условия сразу для трех видов железнодорожных компаний в зависимости от того, кто являлся учредителем и какие обязанности он на себя принимал. К первой категории относились компании, образованные русскими предпринимателями, желающими сооружать железные дороги для государства. Ко второй принадлежали компании, учрежденные иностранцами, также готовыми строить железные дороги, а затем передавать их казне. В третью категорию входили компании русских и иностранных предпринимателей, желавших не только строить железнодорожные линии, но и заниматься их эксплуатацией в дальнейшем. В ходе разработки проекта Положения Комитет пришел к выводу, что для компаний первой и второй категорий условия функционирования должны отличаться только в процедуре образования предприятия⁶.

Комитет допускал, что правительство также могло стать инициатором создания железной дороги. Сначала оно должно было готовить проекты и сметы, а потом искать желающих выполнить работы. В этом случае предприниматели фактически выступали в роли подрядчиков. Однако Комитет предупреждал, что с каждым из них потребуется заключать контракт о подряде на индивидуальных условиях. В своих доводах Комитет ссылался на опыт европейских государств, где, несмотря на наличие железнодорожного законодательства, с каждой отдельной компанией все равно заключались особые соглашения⁷.

Например, для Франции были характерны так называемые Тетради обязательств, представлявшие собой контракт между государством и частным железнодорожным обществом, включающий в себя технические условия, смету, порядок эксплуатации линии, правительственный надзор и т. д. [4].

Основное внимание Комитета было направлено на разработку принципов организации железнодорожных обществ силами иностранных и русских предпринимателей с правом строительства и владения железными дорогами. Именно этот вариант чиновники считали наиболее благоприятным для скорейшего развития русской железнодорожной сети. Комитет подчеркивал, что при устройстве «преимущества российских компаний не должны быть менее обширны, а обязанности более обременительны»⁸ в сравнении с обязанностями иностранных компаний. В противном случае зарубежные капиталисты отказались бы инвестировать в российские железные дороги.

Повышению инвестиционной привлекательности российских железных дорог способствовала правительенная гарантия доходности ценных бумаг железнодорожных компаний. Правительство готово было гарантировать акционерам 4–4,5 % дохода по акциям. Члены Комитета, изучив опыт нескольких стран, предлагали увеличить размер правительственной гарантии.

Комитет предложил еще одну меру, позволявшую увеличить число иностранных инвестиций, а именно размещать акции железнодорожных обществ на зарубежных биржах. Согласно российскому законодательству, для предотвращения спекуляций на бирже в Российской империи допускались только именные акции, что создавало сложности в случае их перепродажи. Комитет ходатайствовал о дозволении выпускать за пределами страны акции на предъявителя, что было прямым нарушением действующего законодательства⁹.

В ходе разработки Положения чиновники разделили железнодорожные общества на три категории в зависимости от степени участия государства в их финансировании. В случае если учредители строили железную дорогу за свой счет, на своей территории и для собственных нужд, то есть не предполагалась перевозка публики и грузов, учредители владели линией на правах собственников без ограничения во времени. К компаниям второго рода относились те, которые строили железные дороги на собственные деньги, без помощи со стороны правительства, но предоставляли эти дороги для общественного употребления. Комитет наделял железнодорожные общества первой и второй категории правом бессрочного владения линиями. Однако так как железные дороги строились для общественной пользы, то есть предполагалась перевозка пас-

сажиров и частных грузов, железнодорожные компании должны были подчиняться постановлениям правительства, которое выступало в роли «блюстителя общественной безопасности»¹⁰. К третьей категории железнодорожных обществ относились компании, которые при устройстве линий помимо собственных капиталов пользовались льготами или прямыми финансовыми вливаниями государства. К льготам чиновники относили бесплатное получение казенных земель, беспошлинный ввоз принадлежностей для устройства железной дороги и т. д. Комитет подчеркивал, что в этом случае «время владения должно быть тем короче, чем значительнее оказано со стороны государства пособие»¹¹. После окончания срока концессии железная дорога должна была перейти в казну бесплатно. Кроме того, Комитет наделял государство особым правом выкупать железные дороги из частной собственности вне зависимости от категории.

Для стимулирования железнодорожного строительства чиновники посчитали необходимым освободить компании первой и второй категорий, то есть владеющие железнодорожными дорогами бессрочно, от уплаты прямых денежных налогов на двадцать пять лет. Общества с ограниченным сроком владения вообще не платили налогов. Да-руя, выражаясь современным языком, налоговые каникулы, чиновники тем не менее подчиняли железнодорожные общества «особым обязанностям»¹², например перевозить почту за плату, едва покрывавшую издержки транспортировки, а также перевозить партии рекрутов и арестантов по сниженным на 30 % тарифам. Вдобавок чиновники считали правильным разрешить беспошлинный ввоз рельсов и всех необходимых принадлежностей на период строительства железной дороги.

Другим вопросом, потребовавшим тщательного рассмотрения Комитета, стал вопрос о залоге, который должны были вносить акционерные компании. Согласно российскому законодательству¹³, компания признавалась учрежденной после высочайшего утверждения ее устава. Вместе с тем при предоставлении устава и проекта железнодорожной линии на рассмотрение правительства учредители должны были внести в государственную казну сумму в размере 5 % от уставного капитала¹⁴. Эта сумма возвращалась предпринимателям после окончания сооружения дороги. Однако железнодорожное строительство требовало колоссальных финансовых затрат, поэтому не все желающие создать акционерную компанию были в состоянии внести сумму залога. В то же время это требование позволяло государству застраховать себя от случаев невыполнения компаниями своих обязательств. Комитет предлагал вносить залог после утверждения уставов, но ограничить его 1 % от суммы основного капитала. Остальные 4 % вносились после учреждения

акционерной компании. Залог возвращался после того, как половина капитала компании была употреблена на сооружение дороги¹⁵.

В апреле 1856 года Комитет завершил свою деятельность и направил доклад и готовый проект Положения главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями К. В. Чевкину. Он рассмотрел проект, но не утвердил его. Причина в том, что в России не было возможности принять общий закон, который регулировал бы порядок организации и деятельности железнодорожных акционерных обществ. Проект Положения остался только проектом, тем не менее работа не была бесплодной. Часть статей, выработанных Комитетом, вошла в тексты уставов частных железнодорожных компаний, образованных после 1856 года, о чем свидетельствуют тексты уставов и пометки карандашом на полях проекта Положения, созданного Комитетом Э. И. Герстфельда¹⁶.

В Российской империи на 1867 год действовали три вида железнодорожных дорог: правительственные, частные с гарантией правительства и частные, не имевшие никакой гарантии. Большинство железнодорожных компаний в России были частными, пользующимися правительственными гарантиями¹⁷.

Образовывать компании и строить железнодорожные линии позволялось как русским подданным, так и иностранцам. Российские железнодорожные компании были ориентированы на то, чтобы размещать свои акции на зарубежных биржах. Отсюда часто уставной капитал компаний и дивиденды по акциям и облигациям рассчитывались и выплачивались в иностранной валюте. Несмотря на то что Комитет предлагал несколько вариантов деятельности компаний, на практике учредители железнодорожных обществ ставили своей целью не только сооружение, но также эксплуатацию железных дорог в течение продолжительного периода времени.

26 января 1857 император официально утвердил Положение об основных условиях для устройства первой сети железных дорог в России (Положение 1857) и Устав ГОРЖД. В дальнейшем они выступали в роли образца для всех последующих уставов и соглашений с частными железнодорожными компаниями. Устав ГОРЖД стал первым документом, составленным с учетом условий, разработанных Комитетом Э. И. Герстфельда. ГОРЖД получило право владеть сетью железных дорог в течение 85 лет¹⁸, но в уставах других обществ срок владения был сокращен до 80 лет¹⁹.

В уставе ГОРЖД была реализована идея Комитета о стимулировании инвестирования финансов в строительство железных дорог посредством гарантирования дохода по акциям. Для ГОРЖД размер гарантии составлял 5 %²⁰, для последующих железнодорожных компаний вплоть до 1863 года он равнялся 4,5 %²¹. Но в 1863

году были пересмотрены условия создания железнодорожных компаний, и государство стало преимущественно гарантировать 5 % дохода по акциям железных дорог на весь период концессии²². Вдобавок правительство брало на себя обязательство выплачивать компаниям процент по сумме уставного капитала для погашения всех акций к моменту истечения срока концессии. Процентная ставка зависела от срока владения, от количества выпущенных акций и уставного капитала общества, поэтому одинаковой для всех частных компаний она не была.

Комитет добился пересмотра порядка учреждения акционерных обществ в случае сооружения железных дорог. Сначала одобрялся устав, а по мере выпуска акций или облигаций учредители в течение месяца вносили в государственную казну неизменные 5 % с нарицательного капитала ценных бумаг. Идея Комитета вносить залоговую сумму частями не была реализована на практике. В процессе выполнения работ компания имела право получать десятую часть отработанного ею залога.

Кроме того Устав ГОРЖД, а вслед за ним и уставы других компаний содержали параграфы, посвященные тарифам, перевозке армии и почтовых отправлений, организации телеграфного сообщения, а также санкциям правительства в случае нарушения сроков выполнения работ.

Исследователи связывают интенсивное развитие частного железнодорожного строительства в 60-е годы XIX столетия прежде всего с деятельностью министра финансов М. Х. Рейтерна, который считал зарубежные инвестиции необходимым условием успешного развития экономики страны [9: 55]. Однако правительство приступило к разработке проекта строительства железных дорог силами частных компаний намного раньше вступления М. Х. Рейтерна в свою должность.

В середине 50-х годов государство предприняло попытку создать, по примеру европейских стран, собственное железнодорожное законодательство, в котором, помимо прочего, определялся бы правовой статус и структура компаний частных железных дорог. Комитет Э. И. Герстфельда успешно справился с поставленной перед ними задачей, итогом стал проект Положения, включавший в себя самые современные для того времени идеи, почерпнутые во французском, австрийском и прусском железнодорожном законодательствах. Выработанные условия создания и деятельности частного акционерного железнодорожного общества в России были несколько мягче, чем в Европе, что объяснялось необходимостью создания привлекательного образа русских железных дорог для иностранных инвестиций. В России компании частных железных дорог получали достаточно широкие права. Однако из-за особенностей действующего российского акционерного законодательства не представлялось возможным создать единый закон, регулирующий железнодорожную отрасль в целом. Отношения между правительством и частными акционерными компаниями определялись посредством заключения концессий и уставов, то есть сепаратных законодательных актов [10: 57]. Таким способом государство эффективно контролировало акционерные общества вне зависимости от сферы их деятельности. Официальное принятие единого железнодорожного закона разрушило бы сложившуюся систему. Тем не менее проект Положения не был забыт, в течение следующих лет некоторые его части были опубликованы в качестве отдельных законодательных актов или вошли в текст уставов вновь создавшихся частных железнодорожных обществ. Таким образом, работа Комитета Э. И. Герстфельда заложила основы для построения государственной политики в сфере железнодорожного транспорта.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Чупров А. И. Железнодорожное хозяйство. Его экономические особенности и его отношение к интересам страны. Т. 1. М.: Типография Мамонтова и Ко, 1875. 352 с.
- ² Кислинский Н. А. Наша железнодорожная политика по документам Комитета Министров. СПб.: Издание канцелярии комитета министров, 1902. 324 с.
- ³ Российский Государственный исторический архив (РГИА). Ф. 257. Оп. 1 . Д. 1. Л. 4.
- ⁴ РГИА. Ф. 207. Оп. 1. Д. 122. Л. 1–20б.
- ⁵ РГИА. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 83–249об.
- ⁶ РГИА. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–36об.
- ⁷ РГИА. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
- ⁸ РГИА. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 12.
- ⁹ Высочайше утвержденное положение о компаниях на акциях // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XI. Ч. 2. 6 декабря 1836. № 9763.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 27.
- ¹¹ РГИА. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 28.
- ¹² РГИА. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 31.
- ¹³ О товариществах по участкам, или компаниям на акциях // Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая I составленный. 1842. Т. X. Ч. 1. Ст. 1839, 1887, 1888.
- ¹⁴ Об обеспечении сооружения железных дорог, предпринимаемых компаниями частных лиц // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXII. Ч. 1. 18 июня 1847. № 21332.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 21об.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 257. Оп. 1. Д. 1. Л. 83–249.

- ¹⁷ Отдел II. Состояние сети железных дорог к 1 января 1867 года // Сборник сведений о железных дорогах в России на 1867 год. Отделы I и II. СПб.: Типография И. Шумахера, 1867. С. 79–128.
- ¹⁸ Высочайше утвержденное Положение об основных условиях для устройства первой сети железных дорог в России // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXXII. Ч. 1. 26 января 1857 года. № 31448.
- ¹⁹ Высочайше утвержденный Устав Общества Рижско-Динабургской железной дороги // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXXIII. Ч. 1. 23 января 1858. № 32713.
- ²⁰ Высочайше утвержденное Положение об основных условиях для устройства первой сети железных дорог в России // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXXII. Ч. 1. 26 января 1857 года. № 31448.
- ²¹ Например, Высочайше утвержденный Устав Волжско-Донской железной дороги и пароходства // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XXXIII. Ч. 2. 19 июля 1858. № 33413.
- ²² Например, Высочайше утвержденный Устав Общества Шуйско-Ивановской железной дороги // ПСЗ. Собр. 2-е. Т. XLIII. Ч. 1. 8 марта 1868. № 45573.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вульфов А. История железных дорог Российской империи. М.: Рипол-классик, 2016. 744 с.
2. Гублев А. А. Региональная стратегия государственной политики в сфере железнодорожного строительства Российской империи // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 2 (Т. 4). С. 29–36.
3. Забелин А. В. Владикавказская железная дорога – след в истории. Ставрополь: Сервисшкола, 2016. 132 с.
4. Крупко Р. С. Основные направления законодательного регулирования деятельности французских железнодорожных концессионных обществ в XIX веке // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. № 1. С. 240–242.
5. Луночkin A. V. Проекты строительства железных дорог между Волгой и Доном в 30–50-х годах XIX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 2. С. 69–75.
6. Погребинский А. П. Очерки истории финансов дореволюционной России. М.: Мысль, 1954. 250 с.
7. Соловьева А. М. Железнодорожный транспорт в России во второй половине XIX века. М.: Мысль, 1975. 319 с.
8. Тимофеев А. А. Развитие транспортной инфраструктуры России: железнодорожный бум в конце XIX – начале XX веков // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2013. Т. 13. № 2. С. 66–70.
9. Шепелев Л. Е. Акционерные компании в России. М.: Наука, 1973. 347 с.
10. Шепелев Л. Е. Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Проблема торгово-промышленной политики. Л.: Наука, 1981. 275 с.

Nazarova E. I., Saint-Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)

CREATING LEGAL BASE FOR PRIVATE RAILWAY COMPANIES' ACTIVITIES IN RUSSIA BETWEEN 1855 AND 1865

In the middle of the 1850s, the Russian government realized a need to create a developed railway network in the country. The government had to choose the models for the railway construction – to build them at private joint-stock companies' expense, to build them only with resources from the state treasury, or to allow the existence of both categories at the same time. To solve this problem a special committee headed by Lieutenant General E. I. Herstfeld was established in 1855. The Committee analyzed the experience in the sphere of the construction and legal regulation of private railways in foreign countries and drafted a detailed Russian railway legislation project, including the conditions for establishing the first private companies in Russia. The author analyzes the main provisions for this project and compares them with the operating conditions of private railway companies implemented in practice in the 1860s. The conclusion is made about the degree of influence of the project developed by the Committee on the Russian railway legislation in the 1860s and the 1870s. This article is based on archival sources introduced into scientific circulation for the first time.

Key words: railways, private railway companies, railway concession, Russian railway legislation

REFERENCES

1. Vulfov A. History of railroads in the Russian Empire. Moscow, 2016. 744 p. (In Russ.)
2. Gublev A. A. Regional focus of public policy in the sphere of the Russian Empire railway construction. *Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 2012. No 2 (Vol. 4). P. 29–36. (In Russ.)
3. Zabelin A. V. Vladikavkaz railway – marks on history. Stavropol, 2016. 132 p. (In Russ.)
4. Kruplko R. S. Characteristic features of the French legislation on railway concessions in the XIX century. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve. Yuridicheskiy zhurnal*. 2010. No 1. P. 240–242. (In Russ.)
5. Lunochkin A. V. Projects for the construction of railways between the Volga and the Don rivers between the 1830s and the 1850s. *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2017. Vol. 22. No 2. P. 69–75. (In Russ.)
6. Pogrebinskij A. P. Essays on the history of finance in pre-revolutionary Russia. Moscow, 1954. 250 p. (In Russ.)
7. Soloveva A. M. Railway transport in Russia during the second half of the XIX century. Moscow, 1975. 319 p. (In Russ.)
8. Timofeev A. A. The development of transport infrastructure in Russia: railway and construction boom at the end of the XIX and at the beginning of the XX centuries. *Bulletin of South Ural State University. Series "Humanities and Social Sciences"*. 2013. Vol. 13. No 2. P. 66–70. (In Russ.)
9. Shepelev L. E. Joint-stock companies in Russia. Moscow, 1973. 347 p. (In Russ.)
10. Shepelev L. E. Tsarism and the bourgeoisie during the second half of the XIX century. Problems of commercial and industrial policy. Leningrad, 1981. 275 p. (In Russ.)

Поступила в редакцию 16.05.2018

АЛЕКСЕЙ КОНККА

старший научный сотрудник сектора этнологии Института языка, литературы и истории, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
aleksikonkka@hotmail.com

ЕЛЬ С ЗОЛОТОЙ ВЕРШИНОЙ, ИЛИ ДЕРЕВО ПРЕДКОВ (материалы по карельской мифологии и обрядности)*

Статья посвящена роли ели в карельских народных представлениях и обрядах. В карельской эпической поэзии «ель с золотой вершиной» имеет признаки Мирового древа и связана с основными героями эпоса – Вяйнямёненом и Илмариненом. Ель – место рождения первозванерей (под елью рождаются медведь и другие звери, а на ели – куница и кукушка, обе – с золотыми грудками). Ель в народной традиции, по материалам XIX века, чаще других деревьев выступает как жертвенное дерево рода и семьи, то есть в качестве дерева предков. В то же время ель – главное дерево потустороннего мира: старые карельские кладбища были ельниками. «Погребальная» семантика ели, вероятно, имеет глубокие исторические корни, что подтверждает сравнение с верованиями родственных карелам народов, а ветви ели в похоронном обряде оказываются вместе с ветвями души умершего. На деревенских кладбищах и в жертвенных рощах происходили совместные ритуальные действия, где в том числе приносили в жертву животных. Таким образом, здесь соединялось почитание умерших предков и природных духов-хозяев.

Ключевые слова: карельский эпос, «ель с золотой вершиной», ель как родовое жертвенное дерево, лесовые рощи – карельские кладбища, ель – дерево потустороннего мира

Дерево в картине мира прибалтийско-финских и шире – финно-угорских народов, несомненно, играло одну из центральных, если не центральную роль, что было связано с географическим (таежным) расположением исторической территории их проживания. Причем здесь совместились как общечеловеческие архетипы (Мировое дерево как прообраз строения Вселенной), так и окружающая человека среда и образ существования: занятия и ежедневная производственная и религиозная практика, связанная с жизнью в лесу и в лесном окружении. Данная статья посвящена представлениям карел, связанным с елью.

В 10-й руне «Калевалы» Вяйнямёнен возвращается из Похольи, пообещав ее хозяйке отправить кузнеца Илмаринена с заданием выковать Сампо в обмен на прекрасную деву Похольи, у которой «лунный свет с висков сияет, / солнца свет с груди струится, / с плеч Медведицы сиянье¹. Но Илмаринен отказывается отправиться в «в землю, что мужей глотает, что героев пожирает». Предвидя такой ответ, Вяйнямёнен загодя творит (напевает с помощью заговоров) ель золотую вершину с золотой хвоей² (вариант: ель с цветущей кроной³).

Ель взнеслась вершиной в небо, / тучу маковкой пронзила, / ветки в небе распрымила, / широко их распростерла... поднимает песней месяц / на вершину золотую, / Семизвездцу – на ветку⁴.

Вяйнямёнен рассказывает Илмаринену о чудесной ели, тот не верит, и они отправляются ее смотреть, после чего подстрекаемый Вяйнямёненом Илмаринен залезает на ель, чтобы достать месяц и Большую Медведицу с ее ветвей. Однако Вяйнямёнен насыпает на ель вихрь, который уносит героя в Похолью.

Таким образом, в «Калевале» ель с золотой вершиной предстает как пронзающее небо Мировое дерево, на ветвях которого умещаются целые космические тела и созвездия⁵. Тем не менее в собрании карело-финских рун (SKVR) эти мотивы относительно ели отсутствуют, что приводит исследователей «Калевалы» к выводу о том, что автором их, вероятно, является сам Лённрот [33: 235]⁶. Но это касается только космических объектов, в большинстве же вариантов цикла рун о Сампо Вяйнямёнен сотворяет ель с золотой вершиной, а на ветвях ее куницу – золотую грудку. Именно эту куницу Вяйнямёнен предлагает выловить Илмаринену, когда они оказываются под чудесным деревом [32: I, 1, 79. Войница, 1825]. Помимо куницы, на ели может находиться кукушка с золотой грудкой⁷. Надо также учитывать, что в некоторых вариантах ель вырастает сама, а на ней, в свою очередь, рождается куница (сюжет характерен для Беломорской Карелии). Эти случаи роднят происходящее с комплексом представлений о ели с золотой / цветущей вершиной, где ель выступает как маркер и одновременно

центр сакрального локуса. Помимо рождения куницы – золотой грудки (возможно, «хозяина» всех куниц) и кукушки с золотой грудкой, ель выступает местом «взращивания» в колыбели опускаемого с небес медведя [32: I, 4, 1419. Лонкка, 1839] или, согласно другому варианту, его рождения от «редкозубой хозяйки Похъолы», которая, помимо медведя, рожает под елью и других хищных зверей: волка и рысь [32: I, 4, 1191, Войница], а, кроме того, еще и местом, где раскачивается висящий под елью медный котел – «колоубель» огня [32: I, 4, Бабья Губа], хотя в большинстве вариантов огонь изначально также рождается на небесах. Несколько неожиданно на этом фоне выглядит одно из «действий» Илмаринена: из «золотой ветки» от ели с золотой вершиной Илмаринен делает парус, что, возможно, подчеркивает акт первотворения [32: I, 1, 78].

В ряде случаев ель с золотой вершиной соединяется с неоднократно упоминаемым в рунах сакральным локусом «у начала огненного порога / в водовороте святого потока» (*Korvalla tulisen kosken, ruhän virran pyörtehessä*), который находится где-то в Похъоле, там же, где средоточение всех болезней – гора Кипувуори (*Kiuruvuori*). Согласно войницкой версии рождения медведя, редкозубая хозяйка Похъолы в тени медной горы Кипувуори, в широкой лапландской тайге, рядом с огненным порогом, у дурного потока почувствовала себя плохо, начались предродовые схватки, которые застали ее под седой елью, под елью с цветущей вершиной, где она родила медведя и других зверей [32: I, 4, 1191]. Здесь, как заметил читатель, поток меняет плюс на минус (что, вероятно, связано с присутствием хозяйки Похъолы как отрицательного персонажа), но от этого не теряет своей сакральности. Имеется также записанный еще Лённротом вариант из Каяни (с елью), в котором нет этой (пере)оценки и поток продолжает быть «святым» [32: XII, 2, 6825]. Что же касается «водоворота святого порога», то выражение это зафиксировано в 143 вариантах рун, причем подавляющее их количество записано в Карелии. Следует также заметить, что из более 30 вариантов устойчивого выражения «у начала огненного порога», которые дает нам поиск по сайту SKVR, практически все записаны на карельских территориях⁸. Только два варианта зафиксированы первым собирателем рун Карлом Акселем Готтлундом в 1816 и 1818 годах в Южном Саво. Тем не менее именно в этих двух заговорах, носящих название «Рождение огня», упоминается некая «пылающая ель» (*tulinen kuusi*), стоящая у огненного порога, которую срубают, и «нехорошие» щепки (*lastut pahan tapaiset*) от нее летят в порог, что, с одной стороны, напоминает нам о более известном огненном дереве у огненного порога – березе, с другой же стороны – о щепках от Большого дуба⁹. К сожалению, «пылающая ель» более в рунах нигде не присутству-

ет¹⁰. Данный локус представляет собой место, связанное с актами первотворения – с происхождением болезней (знахарь в заговорах отправляет их обратно к огненному порогу), с рождением огня и диких зверей, а в ладвазерском варианте 1874 года у огненного порога из упавшего с гребня волоса (водяной?) девы вырастает Большой Дуб [32: I, 4, 842]. Потусторонние персонажи вяжут у огненного порога первый невод [«рождение невода» – 32: XII, 2, 6709], охотник из Бабьей Губы мысленно отправляется в своем заговоре к огненному порогу, чтобы одеться в железные доспехи, которые его уберегут от действий враждебных колдунов и глаза [32: I, 4, 1085. Lönnrot 1832], а в одном из вариантов из Суйстамо, записанном Д. Эуропеусом в 1845 году, сама хозяйка леса живет в доме у огненного порога [32: VII, 5, 3248]. Характерно, что, по зафиксированной М. А. Кастреном вокнаволоцкой версии, Дева Мария именно у огненного порога теряет своего сына, откуда он возносится на небо [32: I, 2, 1103б].

Иногда от устойчивого выражения *korvalla tulisen kosken, ruhän virran pyörtehessä* остается только вторая часть, как, например, происходит в колатсельгском варианте происхождения медведя, где он «воспитывается» под елью с цветущей кроной, а крестят его в «водовороте святого потока» (без упоминания огненного порога), причем крестителем выступает сам Христос [32: II, 974]. Напротив, в заговоре от огня, записанном Эуропеусом в 1846 году в Реболах, отсутствует вторая часть, а говорится только о «начале огненного порога», где лежит некий «огненный камень». Здесь, видимо, для исполнителя была важна «огненность» стихий и объектов (в том числе произнесение самих слов с основой *tuli*- «огонь»), так как именно туда, в огненную стихию (и на тот свет), он заклинал огонь, нанесший рану человеку [32: II, 695].

Говоря о мифологических деревьях карельского эпоса, из которых первое место занимает Мировое древо Большой Дуб [13], многие исследователи отмечали несоответствие дуба северной флоре, тогда как ель – реальная составляющая таежных лесов и, возможно, изоморфна лиственнице – Мировому (родовому) дереву сибирских народов. Мифология ели связана с исконными представлениями карел об окружающем мире, тогда как дуб на Севере в основном фигурирует в текстах лечебных заговоров, связанных с болезнями, которые произошли от щепок во время рубки Большого Дуба. Исследователи предполагают, что руны о Дубе наиболее ранние в эпосе, но есть основания считать данный сюжет заимствованным. Поэтому можно предположить влияние двух мифологических схем: одна (Дуб) пришла предположительно с юго-запада через посредство балтов, вторая (Ель) более исконная, имеющая условно-шаманистические черты, – с востока. Этногенез карел, как считают многие,

связан с Прибалтикой, но известны и контакты с коми. В этом свете спор о том, какой мифологический сюжет древнее, практически теряет всякую основу. Речь, скорее, идет о специфике территории, на которой сформировался этнос, – территории между Востоком и Западом.

В. Я. Евсеев в 1974 году в Ежегоднике Общества Калевалы, посвященном Матти Кууси, привел карельский вариант финской поговорки «*Sitä kuusta kuuleminen, jonka juurella asunto*», который звучит так: «*Sitä kuusta kuulomini, minkä juurella elät*¹¹», то есть «Ту ель надо слушать, под которой / у корней которой живешь». Эта поговорка, по мысли Евсеева, восходит к более древней форме: «Того хииси почитают, у которого живут», где *hiisi* – священная роща или почитаемое жертвенное дерево [28: 151]. Мартти Хаавио в статье 1949 года, названной по вышеупомянутой поговорке, также приходит к выводу, что «слушать» здесь, собственно, означает «почитать» и, как следствие, приносить жертвы [24].

Путешественники в начале XIX века отмечали, что в каждом доме в карельских дальних лесных деревнях (на границе Финляндии и России) имелись жертвенные ели [9: 24], [25: 47]. От состояния этих посаженных или оставленных при строительстве дома деревьев (кроме елей, известны были также сосны, рябины и березы) зависели благосостояние, здоровье и сама жизнь членов семьи или рода. Поэтому и деревья следовало «подкармливать»: относить частицу всего, что появлялось в доме нового (в основном из съестного), а также не забывать «духа-хозяина дерева» (*ruun haltia*) в большие праздники (особенно осенние, связанные с уборкой урожая и забоем скота, но также в Юрьев и Иванов дни и Рождество) угощением с праздничного стола [26: 307]. В Янгозере Поросозерской волости рассказывали: «Могли вырастить ель, вырастить ель во дворе (*pihakuusi* – «дворовое /или усадебное/ дерево»). Корни ее поливали водой, лили на корни мясную или рыбную похлебку и другую еду приносили»¹².

Йоханнес Хяюхя, оставивший подробные описания народной жизни Северо-Западного Приладожья XIX века, так рассказывает о забое скота: после праздника Кекри, когда воздух оставался холодным уже круглые сутки, в один из дней было решено «взять быка в избу», что означало забить его на мясо. Быка закалывали в избе, а кровь стекала через открытую крышку люка в подполье.

Дед Лаури поторопился в избу, где он открыл люк в полу и направил выпекающую из быка кровь сначала в небольшую деревянную чашку, наполнив которую, дал крови свободно течь в подполье, отнес чашку с кровью на двор, к растущей там ели, вылил кровь из чашки под ее корни и начал молиться: «Дай и дальше боже / нашему стаду красоваться... / Колосись поле, расти скот / вокруг этой ели... / Пусть кривому завистливому

сглазу... / не будет здесь места, / около этого дома...» [27: 146–147]¹³.

Так же поступали с первым молоком после отела коровы, которое относили под жертвенную ель в подойнике и три раза, немного плеснув молока на корни, обращались к верховному богу Укко, перечисляя коров по именам, прося каждой здоровья и удоев, как и в целом для хозяйства «молочных рек, ручьев и водопадов...» [27: 226–227].

Жертвенные приусадебные деревья могли также играть роль представителей всего рода и находиться за пределами населенного пункта, где-то на окраине деревни (или же, к примеру, на могиле почитаемого предка, как в случае с могилой Рокаччу – легендарного колдуна и борца со шведами из дер. Тикша). В дер. Пюёриттая Суйстамского прихода Приладожской Карелии на Покров под большую Покровскую ель на кладбище относили деньги, зерно и еду, веря, что Покров сохранит домашнее стадо. Персонифицированному Покрову как охранителю стад молились и в другое время¹⁴. В округе Кесялахти, что на финско-российской границе в провинции Северная Карелия, в дер. Сильвеннойнен, на корни одной ели относили для «хозяина» молоко, масло, мясо, а женщины выдавали немного своего грудного молока.

Раньше, – рассказывали жители прихода Мянтюхарью (на границе Саво и Южной Карелии), – между Пёюсся и Лункка была старая жертвенная ель. Если женщина рожала ребенка, то первые капли ее молока относили под ель [24: 41–42]. Неподалеку от Вуол (северно-ингерманландский приход Vuole на Карельском Перешейке. – А. К.), в Харпала, раньше была огромная священная ель, которой вся деревня приносila жертвы. Женщины приносили несколько капель первого надояенного после отела коровы молока, чтобы дух дерева был благосклонен к домашней скотине [6: 33].

В своей книге «Весенне-летние обряды русских, украинцев и белорусов» В. К. Соколова описывает известный ей обряд, проводившийся в Киришском районе Ленобласти:

Под Иванов день вся молодежь и молодожены собирались вечером у выбранной ели, вешали на нее засохшие троицкие березки и зажигали («горит, как свеча»). То же делали и в дер. Малино: обертывали ель лыком и жгли. Это называлось «коккуй справляли» или «коккую жгли» [16: 234].

Финское название и необычная форма костра, как отмечает В. К. Соколова, дают основание видеть здесь заимствование от соседних народностей (то есть от карельского племени ижора). Говоря об Ивановом дне, стоит упомянуть и о северофинских «елях Иванова дня»:

На Иванов день в северной Финляндии (провинция Похьянмаа) принято было устанавливать так называемые «ели Иванова дня» (*juhannuskuusi*). Высокую ель,

содрав с нее кору и обрубив все ветки, кроме одной пары посередине и вершины, ставили во дворе дома, закопав комель в землю. «Иванова ель» стояла до осени, а то и до следующего Иванова дня [10: 25].

Подобные деревья во дворах в иных местах устанавливали также на Рождество. По своей форме и функции эти деревья были классическими общественными карсикко, символом Мирового дерева, столь актуального в сакральный межвременной период [9: 192].

Однако заметим, что наличие «общественных» деревьев не исключает сохранения или посадки деревьев вблизи дома, каковыми чаще всего бывали рябина, береза и ель. И хотя ель, по мнению жителей некоторых южных районов Карелии (1990-е годы), нежелательно сажать около дома, так как она «пустит корни под дом» и «выживет» из него людей¹⁵, для чего у дерева «выкорчевывали корни, чтобы под дом не попали» (Корза), ели на приусадебных участках все же были, а изменившееся отношение к ним, возможно, связано с желанием современного человека отделить себя от умерших и от символики смерти в целом, к каковым относили и ель. Информанты из Юркострова особо подчеркивали, что ели росли у часовни на кладбище. В данном случае возможно и влияние восточнославянской традиции [20: 365]. Однако современное поверье полностью противоположно коткозерскому запрету XIX – начала XX века:

Раньше при строительстве дома на новом месте нельзя было корчевать пни и трогать корни внутри земли, если на месте строительства оказывались деревья. Это правило было особенно важным при строительстве хлева. Если на месте хлева корчевали пни, то были убеждены, что скот в этом хлеву не будет жить. Пни следовало только обрубить чуть выше уровня земли¹⁶.

В северной и средней российской Карелии еще в первой половине XX века (а где-то и позже) ель была неотъемлемой частью культурного ландшафта старой карельской деревни. Особенно это бросалось в глаза в сегозерских деревнях в 1970-е годы, где большие ели на местности часто маркировали места бывших (или сохранившихся по настоящее время) домов.

Рассказов о заветных елях, к которым у местных жителей сохранялось особое отношение, на Европейском Севере множество. Данные представления у русскоязычного населения, скорее всего, наследие проживавших здесь финно-угорских предков. В Каргопольском уезде Олонецкой губернии, в деревне Кузьмины Горы, было некое святое место, на котором из одного корня росли три большие ели. По преданию, в роднике рядом с елями некогда нашли икону, после чего построили часовенку. Жаждущие исцеления больные (и, возможно, давшие обет) со всей округи собирались в Кузьминых Горах, где шли на службу в деревенскую церковь, после чего следовало зубами выгрызть кусочек от корней почитаемой ели,

при этом вырывали в земле целые норы. Корешок будто бы оберегал его владельца от болезней весь последующий год [7: 166–169].

У коми-пермяков известно обрядовое место под названием Сырчик-коз («Трясогузкина ель»), расположенное недалеко от «чудских» могильников. Около ели происходили обрядовые игры на Троицу. Самой ели нет уже более ста лет, но название места сохранилось до сих пор. По преданию, ель имела две вершины.

Некогда у этого дерева собиралась чудь перед началом охотничьего сезона. Охотники стреляли в Сырчик-коз из луков и спрашивали у нее, будет ли удачной охота и куда лучше пойти на промысел [14: 350].

У удмуртов часто под елью совершались жертвоприношения, устраиваемые в честь божества Инмара, «живущего» где-то рядом с солнцем. Во время моления на елку водружали каравай хлеба, предназначенный верхним божествам... Череп и шкуру жертвенного животного подвешивали на особо почитаемую ель. В этот ряд нужно поставить также удмуртские предания о Мудоркыз («Ель, растущая в центре Земли»), «подпирающей небо» [3: 121–122].

Ель, по которой можно подняться на небо, присутствует также в фольклоре коми [14: 198], что возвращает нас к 10-й руне «Калевалы» и попытке Илмаринена добраться до висящих на ели небесных светил.

На Севере явленные иконы часто появлялись на ели. В Шуе, обруссевшем в XVIII – XIX веках людиковском селе, рассказывали о маленьком островке на одноименной реке:

Однажды на единственной ели острова появилась икона Богородицы, и в честь этого явления была выстроена часовня [22: 142].

Интересны наблюдения Т. Б. Щепанской, которая пишет о почитаемой старой ели у вепсов в Озерском кусте деревень Винницкой волости Подпорожского района. Из разрушенной часовни иконы были перенесены на ель, то есть произошла своего рода реверсия языческого мировоззрения, возвращение из построенного в священной роще культового сооружения атрибутов культа на дерево, чему и в Карелии имеется много свидетельств. Упоминает автор также интересную деталь: если «в церкви молятся по-русски, то у ели, бывает, и по-вепсски, здесь можно... просто поговорить со святыми». Рядом раньше стояла еще большая береза, но о почитании березы ничего не говорилось, а в округе в качестве почитаемых известны именно хвойные деревья. Автор называет священную ель или сосну в дер. Кузнецы (куст деревень Ладва), где также висели иконы [23: 319–322].

Некоторые из этих деревьев были остатками почитаемых рощ, как, например, место празднования Троицы в южнокарельском с. Сямозеро:

Троицу праздновали в Тюви (часть с. Сямозеро). В Тюви была часовня, которую уничтожили в 1930-е годы. Три больших дерева росло – ель, сосна и береза. На Троицу приезжало много народа, по 10–15 человек гостей бывало в домах [8: 328].

В сямозерской деревне Сяпся до наших дней частично сохранилась еловая роща (ранее до 300 м длиной), место жертвоприношений в так называемое баранье воскресенье (*oinaspäivä*), куда пожертвованных св. Власию животных приводили со всей сямозерской округи [8: 338]. Почитаемыми рощами были «святой лес» на острове р. Шуи в Виданах, где раньше происходили жертвоприношения животных, лес на острове Еловый (Святой) на оз. Святозеро, на котором, по преданию, приносили в жертву быков. Остатком рощ могли быть и три ели в дер. Чена Вокнаволоцкой волости, названные именем языческого бога-громовержца Укко (*Ukon kuuset*), – вероятно, старое жертвенное место и т. д. Имеются также примеры общинных праздников, где почитаемое дерево замещало культовое сооружение. Такое дерево стояло посредине дер. Лошке Паданской волости («часовни не было, там была большая ель»). К вершине этой ели привязывали порванные в ритуальной борьбе на летний праздник Успения мужские рубахи [12: 119].

Здесь следует обратить внимание на исторические сведения, согласно которым древними священными рощами карел и вепсов были, скорее всего, еловые рощи. К сакральной географии Куростровья – родины Ломоносова – относились чудское кладбище и знаменитый куростровский ельник, в котором, по преданию, находилось святилище бога Юмалы заволочской чуди. Куростровский ельник еще в 50-х годах XIX века «представлял собой густую еловую рощу около полуверсты длиной... с деревьями гигантской высоты и в два-три обхвата толщиною». Из памятной книги Куростровской церкви:

Еще в недавнее время ельник этот был предметом многих суеверий. Говорили, что тут живет дух Скарбник, оберегающий клад, оставшийся от чуди... мимо ельника, особенно в ночное время, боялись проезжать и проходить, а раскольники считали его священною рощею и до 1840-го года хоронили туда покойников¹⁷.

А вот свидетельство из Вологодской области: в районе Кокшеньги, отмечает исследователь тамошних мест А. Угрюмов,

есть несколько «кустов», состоящих из огромных елей, которые, на мой взгляд, представляют собой остатки древних чудских рощ... В старину эти «кусты» пользовались у окружающего населения особым уважением. В них не разрешалось рубить деревья, сюда не ходили даже за грибами, а бабушки часто пугали своих внуков и внучек, говоря, что в «кусту водит», то есть действует какая-то неведомая сила, способная заставить человека заблудиться даже в маленьком островке леса.

Само слово «куст» автор возводит к марийскому *кусото* (жертвенная роща, мольбище).

«И нет ли у этого слова прямой связи с вепским *кууз – ель?*» – спрашивает автор. «Кусты обычно росли на одиноко высящихся среди полей холмах и никогда – в долинах или гуще леса», – отмечает он [19: 101].

Финский этнолог М. Сармела пишет:

В культурном наследии окружающих Финский залив земель имеются сведения о (упоминавшихся выше. – А. К.) священных рощах *hiisi*, которые были культовыми местами общин (начиная с времен железного века. – А. К.)... Хииси означал огороженное для умерших сакральное пространство, но также и самих «обитателей» рощ хииси, которые там похоронены [31: 102].

Например, в современной Эстонии широко известно, что хииси были местами языческих праздников и жертвоприношений. В Ляэнемаа в XIX веке записано поверье, согласно которому почитаемые рощи были посвящены либо богу Таара (небесный бог жителей островной Эстонии), либо Хииси. При этом Таара пребывал в ольшанике и березняке, тогда как Хииси предпочитал хвойные перелески [29: 31]. В XVIII веке немецко-эстонский публицист и исследователь народной жизни Август Вильгельм Хупель писал о том, что эсты молятся своим богам в рощах, в которых нельзя было не только рубить деревья, но и собирать землянику. Лес в них был преимущественно еловый [29: 29]. Вот сведения о двух до наших дней сохранившихся ельниках: 1. Сааремаа: в дер. Иевая прихода Карья есть крутая гора Иемяги, святая гора, на которой святой родник. Рядом расположен Иевялья куусик (*Pieväljä Kuusik* – Хиевяльский ельник), еловая роща площадью около 0,5 км², в которой были хииси (священное огороженное пространство) и каменная куча, где приносили жертвы. В ней также был найден меч позднегородского века. 2. Ляэнемаа: В Вана-Вигала (*Vana-Vigala*) есть mestечко под названием Iie Org. Здесь соединяются две реки, угол этого соединения называется «Угол Хииси» (*Iienukk*), где находится роща из старых деревьев. Самое большое дерево – Hiiakuusk (Ель Хииси), под которой приносили жертвы духам леса. Сохранились воспоминания, что в роще проводились празднества [34].

Сармела продолжает:

В православной Карелии рощи умерших были и остаются еще рядом с поселениями, так же как и у возделывающих землю финно-угорских народов Севера России. На деревенских кладбищах и в жертвенных рощах происходили совместные ритуальные действия, где в том числе приносили в жертву животных, но они служили также жертвенными местами отдельных семей и родов при почитании ими умерших предков и природных духов-хозяев [31: 101–102].

Прежде всего, как справедливо отмечали жители Юркострова, ели росли на кладбищах и в часовенных рощах. Карельские кладбища относительно пород деревьев делятся на два типа, что во многих местах зафиксировано и в их названи-

ях: *kuusikko* ‘ельник’ и *männikkö* ‘сосняк’, причем что касается старых кладбищ, то ельников и смешанных хвойных рощ с преобладанием ели зафиксировано гораздо больше. У. С. Конкка отмечает, что в карельских похоронных причитаниях часто говорится о еловых лесах, в которые относят умершего, но сосновые боры не упоминаются. Возможно, делает она вывод, кладбища у карел раньше располагались в еловых рощах, как это происходило в Северном Приладожье и Сегозерье [11: 76]. Ельниками было также большинство старых кладбищ ухтинской Карелии, района Панозера, Тунгуды, Ребол, Сямозера и т. д. Каарле Крон о западных районах приладожской Карелии писал:

Кладбища православных были небольшими ельниками, о чем, собственно, и говорит их общее название *kuusikko*, и в тех местностях, которые старое население оставило, переселившись в Россию во времена шведского владычества, их кладбищенские ельники сохранили свою святость.

Например, в Соанлахти «“Русский ельник” – одно из самых заметных жертвенных мест, посередине которого растет большая ель» [30: 127]. Под ель на Егория относили мотки шерсти. Второй подобный ельник имел название «Ольховый ельник», где также проводились обряды, связанные с отпуском скота. В находящейся ныне на границе России и Финляндии общине Укуниеми (северная Карелия), в дер. Кумпу, находилась «Часовенная гора», на которой некогда были православная часовня и кладбище. На горе в 1870-е годы еще стояла старая ель, которую почитала вся округа. «Под эту ель относили первое молоко от коровы, первое яйцо от курицы-наседки, первые плоды земли и пр.» [29: 33].

Выбор еловой рощи для устройства кладбища практиковался и за пределами Карелии. «Погребальная» семантика ели, вероятно, имеет глубокие исторические корни, что подтверждает сравнение с верованиями родственных карелам народов: у вепсов ель «являлась не только медиатором между мирами, но и маркером иного мира» [2: 206].

У коми в оппозиции жизнь/смерть коз (ель) обнаруживает причастность к миру мертвых.

У коми-зырян умирающему *тёдьсь* (колдуна) приносили из леса небольшую выкопанную с корнями ель, перед которой он исповедовался. После его смерти эту ель относили обратно в лес и высаживали на прежнем месте [14: 198].

Жизнь и смерть колдуна у коми-пермяков зависели от личного дерева – ели: «В лесу они учатся. Под какой елью учатся, надо ее узнать и свалить, тогда они умом помешаются» [4: 152]. У удмуртов из почитаемых деревьев ель более всего связана с потусторонним миром.

Знаменитых богатырей хоронили под большой, могучей елью, под нею проводили посвященные богатырям

благодарственные, поминально-умилостивительные моления (с жертвоприношениями. – А. К.). Более того, такая ель выступала символической заменой легендарного предка-родоначальника [21: 67].

Старые марийские кладбища представляли собой ельники, ель на них занимала первое место среди деревьев-знаков, то есть карсикко умерших [10: 250–251], что коррелирует также с представлениями угорских народов, по которым ель была деревом нижнего мира [17: 220].

У книги В. П. Ершова «Вечнозеленые, вечно живущие», сборника материалов о ели (и, частично, о хвойных деревьях вообще) и ее многочисленных функциях в быту и в обрядности народов Карелии, имеется подзаголовок «Ель – дерево предков» [5]. Думается, это очень верное название, учитывая то особенное отношение к своим умершим родственникам – предкам рода, буквально пронизывавшее многие стороны религиозных верований карел. Еловые рощи как усыпальницы предков, зачастую находившиеся в центре поселений, занимали в этих верованиях значительное место.

Связь ели с душами умерших находила свое выражение и в похоронных причитаниях карел, в которых высказывалась надежда увидеть дорогого покойника кукушкой, кукающей на ели [12: 28]. Своя роль у ели (еловых веток) была и в самом погребальном обряде. В южной Карелии зафиксированы поверья о том, что еловые веточки, брошенные в могильную яму, помогают покойному приходить домой: *Tulee kodih kuizen varbazil* («Придет домой по еловым веточкам») [18: 93. Мегрега], в Вешкелице «ветки ели кладут меленькие, чтобы три дня покойник ходил домой»¹⁸. У коми «иногда дно могильной ямы выстилается еловым лапником», а ель С. Г. Низовцева прямо называет «вместилищем души», отмечая, что, помимо похорон, «еловые ветви бросали молодым под ноги в доме жениха» на свадьбе [15: 114–115].

Так же украшалась и дорога невесты из бани, где она прощалась с девичеством, что символизировало ее смерть в прежнем социальном статусе, –

добавляет Н. Конаков, автор статьи о ели в «Мифологии коми» [14: 143]. Как бы там ни было, речь всегда идет о дороге. Причем, если авторы исследований о культуре восточных славян (у коми и русских на Севере было принято бросать еловые ветки впереди похоронной процесии) склонны считать одним из главных свойств ели в обряде ее колючесть, которая отвращает покойника и не дает ему вернуться в дом [1: 183, 185], то, судя по приведенным выше примерам, роль еловых веток у карел была прямо противоположной.

Однако наиболее явственно эта роль у карел и финнов проявлялась в обрядах, связанных с карсикко, в том числе карсикко умершего. Об-

резанные с карсикко ветки имеют магическое значение и, как часть целого, могут заменять собой собственно дерево. Оставляемые на карсикко несрубленные «знаковые ветки» означают как самого человека, которому карсикко сделано, так и, например, его родителей, а по материалам из Ребольской и Ухтинской волости, и будущих детей (ветки от свадебной ели-карсикко кладут в подол молодой с пожеланием: «Половина – мальчиков, половина – девочек!»). Особенно явственно магические качества ветвей проявляются в рассказах из Пудасъярви и Оулу, где девушка, получив еловые ветки от сделанного для нее карсикко, кладет их в изголовье и видит веющие сны. Наконец, по материалам из Верmlandia, ветки от карсикко умершего вдова кладет себе в постель, что тоже дает ей возможность увидеть вещий сон [9: 99]. Манипуляции с ветками карсикко в свете

сравнения с типологически сходными материалами свидетельствуют о том, что мы имеем дело с заместителем умершего, а точнее – с местом обитания его души (или части, ипостаси ее). Отрубленные от карсикко и принесенные в дом ветки символизировали самого умершего. Умершему родственнику «отдавалась дань» – его ипостась поселялась на время в доме, как и в случае с куклой-заместителем у сибирских народов, которую после определенного срока (от года и более) относили в лес или сжигали. У «лесных финнов» Швеции этот срок равнялся времени, за которое с еловых ветвей выпадали иголки, то есть до того момента, пока ветви карсикко сохраняли жизненную силу, питающую душу умершего. После этого они подлежали сожжению. Уход, или окончательный переход души умершего, в иной мир считался состоявшимся [9: 187–188].

* Статья подготовлена в рамках выполнения госзадания КарНЦ РАН.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Перевод А. Бельского.

² Космическое дерево с золотыми ветвями, верхушка которого находится в небесной сфере, а корни в центре земли, известно, например, алтайцам. Также из вершины юрты высшего божества – Ульгеня на девятом слое неба произрастает дерево с золотой лентой (Дьяконова В. П. Религиозные представления алтайцев и тувинцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 272–273).

³ «Цветущую корону» (*kukkalatva*) А. Турунен, считающий это украшающим эпитетом, объясняет так: «Когда на ели есть молодые, красноватые шишки, то она как бы цветет» [33: 138].

⁴ Перевод А. Мишина и Э. Кууру.

⁵ То есть, подобно Большому Дубу, останавливающему ход небесных тел (ср. [32: VII, 4, 2757. Ilomantsi, 1846]).

⁶ Отметим, однако, что в наиболее древних видах карельской вышивки – мотивах деревьев, выполненных стилизованным геометрическим рисунком, чаще всего называемым карелами *kuusikirjat* – «рисунки ели», можно на вершинах деревьев обнаружить крупные звезды. «Если большая звездчатая фигура изображена на вершине дерева, то многочисленные звезды вышиты на стволе и ветвях» (Косменко А. П. Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петрозаводск, 2002. С. 157). Видимо, данные мотивы вышивок «некогда были связаны с астральной символикой», замечает автор исследования по традиционному орнаменту А. П. Косменко. Добавим: вероятно, не только с астральной символикой, но и с представлениями о Вселенной, где дерево, как и у многих других народов, играло организующую роль. Примечателен и такой факт: на рисунках селькупских шаманов дерево, по которому шаман поднимается на небо, изображается с солнцем и луной на средних ветвях, а на верхних ветвях его сидят кукушки (Прокофьева Е. Д. Представления селькупских шаманов о мире (по рисункам и акварелям селькупов) // Сборник Музея антропологии и этнографии ХХ. М.; Л., 1961. С. 56). Имеются и другие факты такого рода: на мольбницах эвенкийских шаманов установленное у чума дерево *turu* (или *сэргэ*) могло символизировать вселенную, а по бокам его подвешивали изображения солнца и месяца. По туру шаман поднимался в верхний мир... (Василевич Г. М. Дошаманские и шаманские верования эвенков // Советская этнография. 1971. № 5. С. 59).

⁷ Интересно, что хозяйка Похольы за спасение Вяйнямейнена из моря не желает серебра и золота, а выставляет условие, чтобы на каждой ели пела кукушка – золотая грудка [32: I, 156a].

⁸ Более того, сама мифологема «огненный порог», встречающаяся в SKVR более чем в ста вариантах рун, судя по географии записей, имеет чисто карельское происхождение.

⁹ Щепки от срубаемого Большого Дуба попадают к злым силам, что в конечном итоге приводит к сотворению болезней и смерти.

¹⁰ Несомненно, что некоторые места в эпосе, как то многие взаимосвязи между топосами потустороннего мира и человеком (например, почему в определенной ситуации знахарь или колдун выбирает данный конкретный объект для воздействия на силы иного мира), остаются для нас неясны или мы имеем о них только общее представление. Но часто так дело обстоит и с объектами окружающего мира. Рассуждая о разных породах деревьев в мифологии хантов, исследователь и знаток культуры обских угров В. М. Кулемзин отмечал: «По каким-то причинам особым деревом считалась ель, но определенных сведений об этом почти нет. Ю. Б. Симченко справедливо отмечает, что знак “дерево” означал священное дерево и “древо ель”» (Кулемзин В. М. Человек и природа в верованиях хантов. Томск, 1984. С. 166–167).

¹¹ Научный архив Карельского научного центра РАН. Ф. 1. Оп. 2. Колл. 43. Ед. хр. 49.

¹² Архив Финского литературного общества (SKS) Helmi Helminen, 1488, 1943. Относительно посадки дерева с функцией охранителя рода читаем также у вепсов: «В южновепсской деревне Федорово в военные 1940-е годы М. И. Шиловой около дома была посажена ель как оберег семьи от бед» (Винокурова И. Ю. Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1994. С. 48).

¹³ Заметим, что несколько южнее, на Карельском перешейке, «жители дер. Ревонсаари из прихода Койвисто в осеннее время раньше всегда относили черепа забитых домашних животных в лес на развязку дороги на Рапели и вешали там на деревья, это была как будто какая-то жертва обитателям леса после забоя скота» [32: XIII, 4, 12864].

¹⁴ SKS Uno Holmberg, 584, 588.

¹⁵ Полевые записи Светланы Жульниковой 1992–2002 гг. С. 4. Юркостров, Вешкелица.

¹⁶ SKS Hyvärinen J. 361, Kotkatjärvi, 1936.

¹⁷ Грандилевский А. Н. Родина Ломоносова // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1909. № 12. С. 42; 1910. № 4. С. 11.

¹⁸ См. сноска 15.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А г а п к и н а Т. А. Ель // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 2. М., 1999. 697 с.
2. В и н о к у р о в а И. Ю. Мифология вепсов: Энциклопедия. Петрозаводск, 2015. 524 с.
3. В л а д y к и н В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. 384 с.
4. Г о л е в а Т. Г. Дерево – человек: сравнительные параллели в мировоззрении коми-пермяков // От конгресса к конгрессу: Материалы Второго Всероссийского конгресса фольклористов: Сб. докладов. Т. 2. М., 2011. С. 148–156.
5. Е р ш о в В. П. Вечнозеленые, вечноживущие. Ель – дерево предков. Петрозаводск, 2017. 320 с.
6. Ингерманландия глазами Самули Паулахарью. Велоэкспедиция летом 1911 года. Ингерманландия, 2014. 112 с.
7. Караполье: Фольклорный путеводитель (предания, легенды, рассказы, песни и присловья) / Под общ. ред. А. Б. Мороза. М., 2009. 616 с.
8. Ко н к к а А. П. Материалы по календарной мифологии и обрядности сямозерских карел // История и культура Сямозерья. Петрозаводск, 2008. С. 301–342.
9. Ко н к к а А. Каарикко: деревья-знаки в обрядах и верованиях прибалтийско-финских народов. Петрозаводск, 2013. 286 с.
10. Ко н к к а А. На плечах Большой Медведицы: Избранные статьи. Петрозаводск, 2015. 342 с.
11. Ко н к к а У. С. Поэзия печали. Карельские обрядовые плачи. Петрозаводск, 1992. 296 с.
12. Ко н к к а У. С., Ко н к к а А. П. Духовая культура сегозерских карел. Л., 1980. 216 с.
13. Ку н д о з е р о в а М. В. Большой дуб: происхождение мирового древа в карельских эпических песнях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7 (128). Т. 1. С. 88–90.
14. Мифология коми. М.; Сыктывкар, 1999. 479 с. (Сер. «Энциклопедия уральских мифологий». Т. 1.)
15. Н и з о в ц е в а С. Г. Образ медведя в коми загадках // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Сыктывкар, 1995. С. 114–115.
16. С о к о л о в а В. К. Весенне-летние обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979. 287 с.
17. С о к о л о в а З. П. Пережитки религиозных верований у обских угров // Религиозные представления и обряды народов Сибири в XIX – начале XX века: Сб. музея антропологии и этнографии XXVII. Л., 1971. С. 211–238.
18. С у р х а с к о Ю. Ю. Семейные обряды и верования карел. Конец XIX – начало XX в. Л., 1985. 172 с.
19. У г р ю м о в А. Кокшеньга – край чуди заволочской // Север. 1981. № 4. С. 95–106.
20. Ш в е д И. А. Образ ели в белорусской фольклорной картине мира (в общеславянском контексте) // Этноботаника: растения в языке и культуре. СПб., 2010. С. 362–370.
21. Ш у т о в а Н. И. Дерево в традиционном удмуртском мировоззрении // Ежегодник финно-угорских исследований. 2011. № 2. С. 56–71.
22. Шуя, июнь 1929. Быт севернорусской деревни / Сост. Ю. И. Дюжев. Петрозаводск, 2006. 154 с.
23. Щ е п а н с к а я Т. Б. Молитва у ели: к исследованию религиозных традиций вепсского населения Ленинградской области // Радловский сб.: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2007 г. СПб., 2008. С. 317–323.
24. Н а а в и о М. “Sitä kuusta kuuleminen, jonka juurella asunto” // Haavio M. Esseitä kansanrunoudesta. Jyväskylä, 1992. С. 25–46.
25. Н а а в и о М. Pyhäät puut // Haavio M. Esseitä kansanrunoudesta. Jyväskylä, 1992. С. 47–63.
26. Н а р в а U. Suomalaisten muinaisusko. Porvoo, 1948. 518 с.
27. Н ä y h ä J. Vuodenajat: kuvaelmia itäsuomalaisen vanhoista tavoista. Helsinki, 1982. 402 с.
28. J e v s e j e v V. Sananlaskut kuunesta ja M. Kuusi sananlaskuista // Kalevalaseuran vuosikirja 55. Helsinki, 1974. С. 151–153.
29. K r o h n J. Suomen suvun pakanallinen jumalanpalvelus. Helsinki, 1894. 194 с.
30. K r o h n K. Suomalaisten runojoen uskonto. Helsinki, 1915. 372 с.
31. S a r m e l a M. Suomen perinneatlasis. Helsinki, 1994. 598 с.
32. SKVR – Suomen kansan vanhat runot I – XXXIV. Helsinki, 1908–1948, 1995.
33. T u r u n e n A i m o. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Pohjois-Karjalan kirjapaino OY, 1981. 415 с.
34. Viron hiidet. Available at: <http://jumalasuomi.tripod.com/hiietaguse.htm> (accessed 20.05.2018).

Konkka A., Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)

SPRUCE WITH GOLDEN TOP OR TREE OF ANCESTORS (materials on Karelian mythology and ceremonial rites)*

The article is about the role of spruce in Karelian folklore. In Karelian epic poetry a “spruce with golden top” is connected with the world tree and national heroes Väinämöinen and Ilmarinen. This spruce gives birth to the first animals and birds, such as a bear, a marten and a cuckoo (two latter ones – with golden chests). According to the documents of the XIX century, spruce is a family tree or a sacrificial tree. At the same time, it is connected with the world of the dead. That is why old cemeteries were located in

the fir woods. Funerary semantics of the spruce seems to have deep historical roots. To prove this we compare the Karelians with the related peoples. In both traditions, spruce branches become the homes for the souls of dead people.

Key words: Karelian epos, “spruce with golden top”, spruce as a sacrificial family tree, spruce groves – Karelian cemeteries, spruce in the world of the dead

* The article has been written as a part of the state research project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

REFERENCES

1. Agapkina T. A. Spruce. *Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary*. Vol. 2. Moscow, 1999. 697 p. (In Russ.)
2. Vinokurova I. Yu. Mythology of the Veps: encyclopedia. Petrozavodsk, 2015. 524 p. (In Russ.)
3. Vladykin V. E. Religious and mythological picture of the Udmurt world. Izhevsk, 1994. 384 p. (In Russ.)
4. Goleva T. G. A tree – a man: comparative parallels in the worldview of the Komi-Permyaks. *From Congress to Congress. Materials of the Second All-Russian Congress of Folklorists. Collection of reports*. Vol. 2. Moscow, 2011. P. 148–156. (In Russ.)
5. Ershov V. P. Evergreen and everlasting. Spruce is the tree of ancestors. Petrozavodsk, 2017. 320 p. (In Russ.)
6. Ingermanland through the eyes of Samuli Paulaharju. Cycling expedition in the summer of 1911. Ingermanlandia, 2014. 112 p. (In Russ.)
7. Kargopol region: folklore guide (legends, stories, songs and proverbs). (A. B. Moroz, Ed.). Moscow, 2009. 616 p. (In Russ.)
8. Konkka A. P. Materials on the calendar mythology and rituals of the Syamozero Karelians. *History and culture of Syamozero*. Petrozavodsk, 2008. P. 301–342. (In Russ.)
9. Konkka A. Karsikko: tree signs in the rites and beliefs of the Baltic-Finnish nations. Petrozavodsk, 2013. 286 p. (In Russ.)
10. Konkka A. On the edges of the Big Dipper. Selected articles. Petrozavodsk, 2015. 342 p. (In Russ.)
11. Konkka U. S. Poetry of sorrow. Karelian ritual laments. Petrozavodsk, 1992. 296 p. (In Russ.)
12. Konkka U. S., Konkka A. P. Spiritual culture of the Segozero Karelians. Leningrad, 1980. 216 p. (In Russ.)
13. Kundzorova M. V. Large oak: the origin of the world tree in Karelian epic songs. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2012. No 7 (128). Vol. 1. P. 88–90. (In Russ.)
14. Komi Mythology. Moscow, Syktyvkar, 1999. 479 p. (Encyclopaedia of Uralic Mythologies. Vol. 1) (In Russ.)
15. Nizovtseva S. G. Image of the bear in Komi riddles. *Komi-Permyaks and Finno-Ugric World*. Syktyvkar, 1995. P. 114–115. (In Russ.)
16. Sokolova V. K. Spring and summer rituals of the Russians, Ukrainians and Belarusians. Moscow, 1979. 287 p. (In Russ.)
17. Sokolova Z. P. Remnants of religious creeds of the Ob Ugrians. *Religious views and ceremonies of the peoples of Siberia in the XIX and early XX centuries. Collected works of the Museum of Anthropology and Ethnography XXVII*. Leningrad, 1971. P. 211–238. (In Russ.)
18. Surkhasko Yu. Yu. Family ceremonies and beliefs of the Karelians. Late XIX and early XX centuries. Leningrad, 1985. 172 p. (In Russ.)
19. Uglyumov A. Kokshenga – the territory of the Chud Zavolochskaya tribe. *Sever*. 1981. No 4. P. 95–106. (In Russ.)
20. Shved I. A. Image of the spruce in the Belarusian folklore world picture (in common Slavic context). *Ethnobotany: plants in language and culture*. St. Petersburg, 2010. P. 362–370. (In Russ.)
21. Shutova N. I. Tree in traditional Udmurt worldview. *Yearbook of Finno-Ugrian Studies*. 2011. No 2. P. 56–71. (In Russ.)
22. Shuya, June 1929. Everyday life of northern Russian villages. Comp. Yu. I. Dyuzhev. Petrozavodsk, 2006. 154 p. (In Russ.)
23. Schepanskaya T. B. Prayer by the spruce: the study of the religious traditions of the Vepsian population in the Leningrad region. *Radlovsky collected volume: 2007 research and museum projects of the Russian Academy of Sciences Museum of Anthropology and Ethnography*. St. Petersburg, 2008. P. 317–323. (In Russ.)
24. Haavio M. “Sitä kuusta kuuleminen, jonka juurella asunto”. *Haavio M. Esseitä kansanrunoudesta*. Jyväskylä, 1992. S. 25–46.
25. Haavio M. Pyhä puut. *Haavio M. Esseitä kansanrunoudesta*. Jyväskylä, 1992. S. 47–63.
26. Haryja U. Suomalaisen muinaisuskon. Porvoo, 1948. 518 s.
27. Häyhä J. Vuodenajat: kuvaelmia itäsuomalaisen vanhoista tavoista. Helsinki, 1982. 402 s.
28. Jevsejev V. Sananlaskut kuusesta ja M. Kuusi sananlaskuista. *Kalevalaseuran vuosikirja 55*. Helsinki, 1974. S. 151–153.
29. Krohn J. Suomen suvun pakanallinen jumalanpalvelus. Helsinki, 1894. 194 s.
30. Krohn K. Suomalaisen runojen uskonto. Helsinki, 1915. 372 s.
31. Saarela M. Suomen perinneatlasis. Helsinki, 1994. 598 s.
32. SKVR – Suomen kansan vanhat runot I – XXXIV. Helsinki, 1908–1948. 1995.
33. Turunen Aimo. Kalevalan sanat ja niiden taustat. Pohjois-Karjalan kirjapaino OY, 1981. 415 s.
34. Viron hiidet. Available at: <http://jumalasuomi.tripod.com/hiititaguse.htm> (accessed 20.05.2018).

Поступила в редакцию 09.05.2018

АЛЕКСЕЙ ЛЬВОВИЧ БЕГЛОВ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра по изучению истории религии и церкви, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Российская Федерация)
dir@igh.ru

Рец. на кн.: Шевченко Т. И. Валаамские иноки в эпоху гонений: Московское подворье Валаамского монастыря и его насельники после революции 1917 г. – М.: Изд-во ПСТГУ, 2018. – 272 с.

Новая книга известной исследовательницы истории Спасо-Преображенского Валаамского монастыря Т. И. Шевченко посвящена истории Московского подворья ладожской обители советского периода. Книгу выпустило Издательство Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, научный редактор издания – доктор церковной истории, профессор, священник А. Мазырин.

Автор прослеживает историю монашеской общины Валаамского подворья с 1917 года до закрытия в 1926 году церкви при его основном историческом здании на Тверской-Ямской улице, а затем – историю нелегального монастыря, основанного подворскими иноками при церкви Ржевской иконы Божией Матери на улице Поварской (Воровского) до 1932 года. В рамках последнего периода исследовательница уделяет особое внимание – в силу специфики дошедших до нас исторических источников – репрессивным акциям советской власти против валаамцев. Судьбы некоторых из них прослеживаются в монографии и до более позднего периода. Необходимо отметить разнообразие источников, на которые опирается автор. Здесь и документы, отложившиеся в российских и финляндских государственных архивах, и материалы следственных дел из архива ФСБ, и опубликованные документы.

Книга написана как микроисторическое исследование и представляет собой историю одной, относительно небольшой по численности, монашеской общины. При этом представляется, что значимость книги для современного этапа изучения истории русского монашества советского периода высока. Именно такого рода исследования, посвященные конкретным общинам, позволяют собрать материал, выявить индивидуальные стратегии адаптации иноков и инокинь к советской репрессивной политике, рассмотреть, как они реагировали на антицерковные акции советской власти и на церковно-политические события. Лишь после появления ряда исследований, подобных рецензируемой книге, в том числе написанных на региональном материале, мы сможем сделать обобщения и приступить к написанию общей истории монашества богочестивской эпохи.

Судьба валаамских иноков в представленной книге хорошо вписана в исторический контекст. В частности, рассмотрено, как проходила на Московском Валаамском подворье кампания по изъятию церковных ценностей 1922 года; арест начальника подворья иеромонаха Галактиона (Новикова) соотнесен с «июньской операцией» ОГПУ 1927 года, прошедшей в контексте «военной тревоги», охватившей в то время сталинское руководство. Показана и реакция насельников подворья на церковно-политические события эпохи: обновленческий раскол, постановление Патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина, 1865–1925) о поминовении советской власти, церковную полемику 1927–1928 годов. Удачно прослежены взаимоотношения московских валаамцев с известными иерархами Российской Православной Церкви – Патриархом Тихоном, митрополитом Сергием (Страгородским, 1867–1944), епископом Корнилием (Соболевым, 1880–1933). В связи с этим автором показана церковно-политическая позиция нелегального монастыря валаамцев, основанная на признании легитимности священноначалия Российской Церкви в лице митрополита Сергия (Страгородского) и его Синода и послушании ему. Автор также уделяет внимание связям Московского подворья с самой Валаамской обителью, оказавшейся на территории иного государства, а также – с дипломатическими представителями Финляндии в Москве. Хорошо показана реакция обеих частей монашеского братства: и валаамской (оставшейся в Финляндии), и московской (проживавшей на подворье) – на церковные нестроения, прежде всего на обновленческий раскол и календарную смуту в России и в Финляндии соответственно.

Представляется важным, что автор старается сопоставить жизнь валаамского нелегального монастыря в Москве с жизнью других подпольных монашеских общин столицы в ту эпоху. Это сделано на примере общин мужского Высоко-Петровского монастыря. Между тем материал для сопоставления можно было бы расширить. Московский нелегальный монастырь валаамцев при Ржевской церкви был классическим «домашним» монастырем, то есть возникшим после закрытия самой обители, в данном слу-

чае – Московского подворья. Насельниками в нем были иноки закрытого подворья. Поэтому представляется, что продуктивно сравнивать его именно с монастырями такого же типа. Высоко-Петровский монастырь в качестве единственного объекта сопоставления подходит не вполне: его «костяк», состоявший из братии Свято-Смоленской Зосимовой пустыни, действительно, представлял собой «домашний монастырь», однако подавляющая часть членов высоко-петровских общин состояла из постриженных уже тайно мириан (юношей и девушек). Это придавало определенную специфику жизни этих общин – целью их существования была трансляция православной аскетической традиции в новых условиях. В силу этого интересно было бы сопоставить общину валаамцев и с другими подпольными монастырями (см. [2]). Например, с общиной братии Троице-Сергиевой лавры, продолжавшей жить и служить в Сергиевом Посаде после ее закрытия. Судьба ее членов прослежена в фундаментальной монографии американского исследователя Скотта Кенвортти [5], посвященной истории обители преподобного Сергия в XIX–XX веках. Американская исследовательница Дженифер Винот [6] изучала историю нескольких провинциальных монашеских общин центрального региона России после их закрытия. Наконец, интересный материал для сопоставления дает выполненная протоиереем Павлом Хондзинским [3] публикация воспоми-

наний и других материалов о жизни в Муроме общины дивеевских монахинь, а также ранее опубликованные воспоминания о тайных монашеских общинах Петрограда и Старого Петергофа, связанных с Александро-Невским братством и в начале 1930-х годов переместившихся в Среднюю Азию [1], [4].

Сопоставление нелегального монастыря валаамцев и перечисленных общин (в том числе и высоко-петровских) позволило бы выявить их общие и особенные черты, выстроить их иерархию, например, с точки зрения открытости к принятию новых членов, сравнить их стратегии выживания. Кроме того, хотелось бы, чтобы автор в своих изысканиях уделила внимание и таким вопросам, как: существовали ли в нелегальном монастыре валаамцев специфические социальные и аскетические практики, обусловленные их подпольным положением или, напротив, принесенные в Москву из родной для них ладожской обители; оказывал ли их «домашний» монастырь влияние на московскую церковную жизнь, и какова была степень этого влияния.

Будем надеяться, что эти и другие вопросы, связанные с особенностями жизни валаамцев под игом богочестивой власти, найдут свое отражение в последующих исследованиях и публикациях автора. Рецензируемая же книга представляет собой заметный вклад в историографию Русской Православной Церкви советского периода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов В. В. Александро-Невское братство и тайные монашеские общины в Петрограде // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2000. Вып. 23. С. 103–112.
- Беглов А. Л. В поисках «безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви: Арефа, 2008. 352 с.
- Хондзинский П., прот. Незримая обитель: краткая повесть о жизни дивеевских монахинь в муромском изгнании (с приложением подлинных документов, писем и воспоминаний). М.: ПСТГУ, 2017. 284 с.
- Шкаровский М. В. Александро-Невское братство 1918–1932 годы. СПб.: Православный летописец Санкт-Петербурга, 2003. 269 с.
- Kenworthy Scott M. The Heart of Russia: Trinity-Sergius, Monasticism, and Society after 1825. New York: Oxford University Press, 2010. 544 р.
- Wynot J. Keeping the Faith: Russian Orthodox Monasticism in the Soviet Union, 1917–1939. Texas A&M University Press, 2004. 235 р.

Поступила в редакцию 20.08.2018

CONTENTS

WORLD HISTORY

- Guleva M. A.
RUSSIAN AND SOVIET AS DEPICTED IN SHANGHAI SHIDAI MANHUA ILLUSTRATED MAGAZINE (1934–1937) 7

- Suvorov Yu. V.
SCIENTIFIC WORKS OF FERDINAND LASSALLE 15

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- Samoylov N. A.
ACADEMICIAN TIKHVINSKY'S CONTRIBUTION TO THE STUDIES OF RUSSIA'S IMAGE EVOLUTION IN CHINA 20

- Eremin A. I.
IMAGE OF EVERYDAY HISTORICAL THINKING OF EXTERNAL GYMNASIUM STUDENTS IN THE AUTOBIOGRAPHIES OF THE EARLY XX CENTURY 27

- Ermolaeva O. E.
CONTEMPORARY AMERICAN HISTORIOGRAPHY OF STALIN'S RUSSIA: METHODOLOGICAL ADVANCES AND TRADITIONAL INTERPRETATIONS 33

RUSSIAN HISTORY

- Belov A. M., Kolesnikov V. A.
SOLUTION OF THE FOOD PROBLEM IN KOSTROMA PROVINCE DURING THE FIRST WORLD WAR (FROM AUGUST 1914 TO FEBRUARY 1917) 42

- Khristoforov V. S.
SECRET CONFRONTATION BETWEEN SOVIET AND FINNISH SPECIAL SERVICES FROM 1941 TO 1944: ATTITUDES, OBJECTIVES, RESULTS 48

- Godunov K. V., Volokhova V. V.
LOCAL CULT OF A REVOLUTIONARY HERO: MEMORY OF TERRORIST A. M. KUZMIN IN PETROZAVODSK 54

Zhukov A. Yu.

- THE FATE OF KARELIAN PRISONER YURI KONDRATYEV (ON THE BASIS OF THE PO-SOLSKY PRIKAZ MATERIALS OF 1675 AND 1676) 63

Krivonozhenko A. F.

- FOOD PROBLEM IN KARELIA DURING THE FIRST WORLD WAR AND ITS SOLUTION 72

Filimonchik S. N.

- KONDOPOGA IN THE 1930S: THE BIRTH OF THE CITY 80

Shorokhov V. A.

- BETWEEN THE DREAMS OF PERESTROIKA AND REAL LIFE: SOVIET OF PEOPLE'S DEPUTIES OF KUHISTONI BADAKHSHON IN 1989–1991 91

Meshcheryakov G. A.

- DEFINING ROLE OF THE DON MILITARY FLOTILLA IN THE CAPTURE OF AZOVE IN 1736 102

Nazarova E. I.

- CREATING LEGAL BASE FOR PRIVATE RAILWAY COMPANIES' ACTIVITIES IN RUSSIA BETWEEN 1855 AND 1865 108

ETHNOGRAPHY, ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY

Konkka A.

- SPRUCE WITH GOLDEN TOP OR TREE OF ANCESTORS (MATERIALS ON KARELIAN MYTHOLOGY AND CEREMONIAL RITES) 113

Reviews

Beglov A. L.

- The book review: Shevchenko T. I. Monks of Valaam monastery during the period of persecution: Moscow residents of Valaam monastery after the Revolution of 1917 122